

ДАНА АРНАУТОВА

ХРАНИТЕЛЬ
РАВНОВЕСИЯ-2

ТЕМНЫЕ
ИГРЫ

18+

Annotation

У кого искать помощи, если цена неверного шага – твоя свобода и жизнь близких? Наргис должна найти оружие против нежеланного жениха. Но единственный, кто мог бы ей помочь, сам втянут в партию между Светом и Тьмой, ставка в которой – судьба мира. Наступает время лжи, страха и предательства, время темных игр с демонами и колдунами. Неважно, кто ты, могущественный хранитель равновесия или обычная девушка. Только верность и любовь могут рассеять эту тьму.

- [Дана Арнаутова](#)
 -
 - [ГЛАВА 1. Перед грозой](#)
 - [ГЛАВА 2. Гроза богов](#)
 - [ГЛАВА 3. Вероятности и возможности](#)
 - [ГЛАВА 4. Между снегом и жарой](#)
 - [ГЛАВА 5. Ашара](#)
 - [ГЛАВА 6. Куда ведут дороги](#)
 - [ГЛАВА 7. Серебряное облако](#)
 - [ГЛАВА 8. Мудрость счастья и горя](#)
 - [ГЛАВА 9. Выбор пути](#)
 - [ГЛАВА 10. Охота начинается](#)
 - [ГЛАВА 11. Сети золотые и темные](#)
 - [ГЛАВА 12. Когда мечты сбываются](#)
 - [ГЛАВА 13. Когда гаснут свечи](#)
 - [ГЛАВА 14. Женихи и невесты](#)
 - [ГЛАВА 15. Новолунная смерть](#)
 - [ГЛАВА 16. Сны и сказки](#)
 - [ГЛАВА 17. Демон](#)
 - [ГЛАВА 18. Последние долги](#)
 - [ГЛАВА 19. Невеста](#)
 - [ГЛАВА 20. Дороги судьбы](#)
 - [ГЛОССАРИЙ](#)
-

Дана Арнаутова

Хранитель равновесия. Темные игры

*Все живое когда-нибудь встретит конец.
Смерть приходит и в хижину, и во дворец.
Но дана человеку свободная воля
на дороге, которую создал Творец.*

*«Рубаи Левой ладони» ир-Хазуфа
Сладкоголосого*

ГЛАВА 1. Перед грозой

На степь надвигалась гроза. Тяжелое свинцово-серое тело тучи медленно ползло со стороны далеких гор, придавливая горизонт фиолетовым брюхом. Туча шла низко, с трудом, будто боясь пролиться раньше одного ей известного времени, и степь, залитая медовыми лучами вечернего солнца, замерла в ожидании, только шелестел под порывами горячего ветра ковыль, да тревожно посвистывали суслики, вглядываясь с маленьких холмиков туда, где тусклое золото степи и пурпурно-серое небо сшивали воедино крупные стежки молний.

Иногда ветер, становившийся все сильнее, приносил глухое ворчанье грома, пока еще неуверенное, сварливое, и тогда суслики прижимали уши, терли лапами мордочки, словно умываясь этими звуками, и их усы дрожали, ловя жаркое дыхание неумолимо приближающейся грозы.

Горячая волна воздуха катилась перед тучей, плыла над травами душным маревом, на ее пути смолкали бесчисленные полчища кузнечиков, опускались на жесткую высохшую траву слепни, пытались укрыться под листьями, дрофы торопливо собирали и прятали под крыльями недавно оперившихся птенцов, и суслики ныряли в норы, возмущенно свистя напоследок.

А туча все ползла, закрывая небо, и солнечный свет отступал, пока от него не остался один янтарно-алый край заходящего солнца, да и тот вскоре утонул в сиренево-серой мгле, покрывшей мир плотным душным одеялом.

Стоя у распахнутого в бесполезных поисках прохлады окна, Раэн замороженно любовался редкими серебристыми росчерками молний на темно-лиловом. Небо, залитое тучей до краев, казалось гигантским дымчатым аметистом невероятной глубины, которая едва угадывалась под непрозрачной, наполненной грозовой мутой поверхностью. Это было красиво и страшно. Такой он степь еще не видел. Впрочем, любоваться грозой Раэн предпочитал из окна удобной комнаты в доме местного управителя, а не в самой степи под дождем и ветром...

— Что там интересного, почтенный?

– Гроза идет, – вздохнул Раэн, отходя от окна и присаживаясь на край широкого низкого дивана.

– Скорей бы, – буркнул наиб, отдавая ему пустую чашку из-под зелья. – Дышать нечем. Когда я встану?

– Если хотите жить, то не раньше, чем через неделю. А в дорогу соберетесь через две-три.

Наиб недовольно засопел, явно собираясь возразить. Раэн поставил чашку на столик у дивана, в упор посмотрел на ир-Дауда. Губы уже не синие, лицо перестало отливать восковой желтизной. А то ведь на покойника был похож. Беда с этими любителями работать до последнего вздоха.

– Светлейший, вы хоть понимаете, как вам повезло? Если бы приступ случился в степи, а не возле города, если бы местный целитель не был хорош, если бы я не привез вам письмо светлейшей госпожи... Я ведь говорил, что вам следует ехать в паланкине. Или вы считаете, что я плохо знаю свое ремесло? Дождались, пока уберусь подальше, и сразу же в седло пересели.

– Никогда на сердце не жаловался, – буркнул наиб, обиженно глядя в сторону.

– Верю, – примиряюще улыбнулся Раэн. – С людьми долга такое бывает – они умеют не замечать собственную слабость и нужду в отдыхе. Но ведь если не смотреть на змею, она от этого не исчезнет? В вашей жизни, господин ир-Дауд, были бои, тяготы походов, горе от потери близких... Вы износили сердце, словно кожаные ножны для сабли. Клинок духа чист и остер, однако ножны истерлись и вот-вот лопнут. Хотите – можете не слушать меня и дальше. Но тогда ваш племянник очень быстро останется единственным мужчиной в роду.

Он поднес к губам медальон целителя, вспышкой подтверждая искренность сказанного.

– Снимая приступ, я лишь убрал боль, но болезнь никуда не ушла. Сердечная мышца изношена и может порваться в любое мгновение. Светлейший, вы славный военачальник, но в битве с недугами смыслите меньше лекаря. И либо вы будете меня слушаться беспрекословно, как хороший солдат – своего полководца, либо готовьтесь к худшему.

Бронзовое солнышко, обвитое змеей, сияло ровным белым светом, рассеивая наступившую в комнате темноту. Наиб несколько мгновений

смотрел на знак, потом устало откинулся на подушки.

– Что ж раньше не лечили, почтенный? – поинтересовался он ворчливо, сдаваясь.

– Лечил, – отозвался Раэн. – И этого хватало. Когда в крепостной стене нет дыры, ее легко укрепить. Но с проломом справиться куда труднее. Несколько дней покоя – и ваше сердце окончательно окрепло бы. Но вы сели в седло и занялись делами, обратив мои усилия в пыль.

– Значит, неделя?

– Самое меньшее, – подтвердил Раэн, поднимаясь. – И никаких переживаний. Только сон, лекарства, легкая еда... Гроза пройдет – вам станет легче. А теперь лучше поспать.

Он вышел, аккуратно прикрыв дверь, и взглянул на мающего в коридоре джандара.

– Сейчас уснет. Благодарите богов, что местный лекарь протянул время до моего приезда.

– Я слышал, – тихо проговорил ир-Нами. – Благослови боги его и вас. Теперь-то что?

– Теперь только лежать, – пожал плечами Раэн. – Сердце у него – тронь и расползется, но я с этим справлюсь.

В узком длинном коридоре без окон было темно и почти прохладно, только у комнаты наибо горели масляные лампы, рассевая мрак. Раэн велел устроить больного в самой безлюдной части дома, приставив слуг, чтоб исполняли каждое желание, но ни в коем случае не беспокоили. Вот, кстати, надо будет и самому перебраться поближе, а то управитель города отвел почтенному целителю прекрасные покои, но далековато, в другом крыле дома.

– Если неделю здесь проживем, буду пока искать воинов, – озабоченно проговорил джандар, шагая рядом. – Отряд совсем мал, как дальше ехать?

– А дальше куда?

– В Иллай.

Раэн вздрогнул, с интересом глянул на джандара. Случайность или совпадение?

– Иллай... Это рядом с Нисталем? Дорога идет через долину?

– Нет, огибает. В сам Нисталь мы не поедem, что там делать в такой глуши? А в Иллае сходятся караванные пути из Харузы,

Гюльнары и Тариссы – там надолго застрянем. Пресветлый наш государь и повелитель велел проверить налоги за три года.

– И наиб опять будет работать, – поморщился Раэн. – Днями и ночами изучать денежные книги, принимать просителей, судить преступников, гонять местных казнокрадов...

– Будет, как же без этого, – проворчал ир-Нами. – Или вы, почтенный, его не знаете? Ничего, Надир поможет. Это он саблю в руках держать не умеет, а с чернильницей и каламом неплохо управляется. Хватит ему, бездельнику, облака ветром вышивать.

– Ах да, Надир...

Они уже завернули за угол, где стало заметно светлее от пары прорезанных в стене окон, так что Раэн видел хмурую складку между бровей джандара. И вспоминал то, что за суматохой показалось неважным, а вот сейчас всплыло тревожной ноткой.

– Какой овод его укусил, уважаемый ир-Нами? То проходу не давал, а сейчас и на глаза не показывается.

– Соскучились, почтенный? – хмыкнул джандар.

– Странностей не люблю, – серьезно ответил Раэн. – Так быстро без причины не меняются. Встретились вчера, – Раэн поморщился, вспоминая, – так он мне гадостей наговорил. Учтивых таких гадостей, свысока!

– Крови понюхал, – пробурчал джандар, – вот и ошалел с непривычки. Думал, вся жизнь будет, как на шелковом ковре в отцовском доме. Не берите в голову, почтенный, он всегда с придурью был, а сейчас и вовсе удила закусил.

– Вот это и беспокоит... – тихонько проговорил Раэн. – Ладно, разберемся...

Джандар свернул в боковой коридор, а Раэн прошел дальше, туда, где ему отвели комнату. Отчаянно хотелось вытереться мокрым полотенцем и лечь спать, а перебраться поближе к наibu можно и завтра... Темный тупик... Это еще что? Человек, сидевший на полу у его двери, только головой мотнул, когда Раэн об него едва не споткнулся. Надир!

Пульс есть... Быстрый и неровный, но это ничего. Рубашка в темных пятнах – кровь? – нет, вино. А вот изо рта винного запаха почти нет, зато от волос тянет горьковатым дымком. Саншара... Ах ты,

паршивец! И где только достал? Зелье не просто дорогое, но и редкое, на простом базаре не купишь.

Ругнувшись, Раэн втащил безвольно обмякшее тело в комнату, сгрузил на диван. Взмахом руки прикрыл дверь, обернулся – и наткнулся на пронзительно-трезвый взгляд прищуренных глаз. Быстро он... Впрочем, от саншары быстро и отходят, но штука это коварная: дурман наплывает волнами, и так же мгновенно племянник наибо может снова уплыть в грезы.

– А что, обычного вина уже не хватает? – мягко поинтересовался он у Надира, опускаясь на подушку перед диваном и смотря на незваного гостя снизу вверх.

– Не хватает, – с вызовом подтвердил тот. – Впрочем, не ваше дело, почтенный!

– Отчего же? – улыбнулся Раэн. – Не вы ли, светлейший, вчера посоветовали мне заниматься как раз лекарскими делами, если уж мне именно за это платят? А пристрастие к саншаре – это болезнь. Весьма неприятная, кстати.

– Идите вы в Бездну, – огрызнулся Надир.

– Мы там уже были, – все так же мягко напомнил Раэн. – Вместе. И, между прочим, я пошел туда за вами, светлейший. А вытащили меня из Бездны вы, – прервал он Надира, наверняка собирающегося ляпнуть, что он никого не просил или тому подобную глупость. – Не нам с вами считаться услугами, господин ир-Дауд. Но когда-то вы просили меня стать вам другом. Сами просили, хоть я и говорил, что дружба между высокородным и лекарем, как гнилая нитка – слишком легко порвется, если потянуть.

– Прости, – помолчав, отозвался Надир, виновато отводя взгляд. – И забудь, что я наговорил вчера. Если... сможешь.

– Я хлопотный друг, – серьезно предупредил Раэн. – Но раз уж ты пришел сюда сам...

– А если я не за разговорами пришел? – пьяно усмехнулся Надир, снова мгновенно меняясь.

Развалившись на диване, он закинул руки за голову, вытянулся, согнув одну ногу в колене, напоказ провел кончиком языка по губам.

– Ну что, выгонишь? Или сам сбежишь?

И это тоже была очередная волна. Через несколько мгновений Надир мог вернуться к себе прежнему или, напротив, перейти от слов

к недвусмысленным действиям. Или поднять шум, закричав, что его насилуют... Саншара, чтоб ее!

– Надир, – устало вздохнул Раэн, поднимаясь и присаживаясь на край дивана. – У тебя есть хоть капля жалости? Я всю ночь провел в дороге, а потом даже вымыться не успел, весь день лечил твоего дядюшку. Не представляешь, как это все силы вычерпывает. А ты развлекаешься! Пусти, дитя порока и разврата.

Бесцеремонно подвинув колени наибова племянника к стене, он оперся на нее спиной и с наслаждением вытянул ноги сам. Скинул сандалии. Щелкнул пальцами, засветив лампу.

– Потом от тебя не пахнет, – тихо заметил Надир.

– Я чародей или кто? – хмыкнул Раэн. – Уж на чистку одежды и тела у меня сил хватает. Кстати, а вино еще есть, или ты все на себя вылил?

– Не знаю, – растерянно откликнулся Надир. – Кажется, у меня в спальне еще бутылка. Сходить?

– Обойдусь, – вздохнул Раэн. – Самому идти лень, тебя в таком виде пускать нельзя. О, погоди, у меня вишневая наливка осталась, кажется. Она слабая, можно не закусывать. Хочешь?

– После саншары-то? С ума сошел?

– Да, верно. Тебе уже лишнее. А я выпью.

Не вставая с дивана, Раэн картинно повел рукой. Сумка, лежавшая на кресле, подлетела и опустилась рядом.

И что делать дальше? Одну опасную волну он отвел в сторону, однако надолго этого не хватит. Усыпить? Протрезвить магией? Выпроводить? В любом случае, разговора потом не получится: Надир окончательно замкнется в себе.

Раэн взболтал густую темно-красную жидкость, и вправду некрепкую, основу для сиропов, если на то пошло. Пробка не поддавалась – он вытащил ее зубами, наплевав на манеры. Глотнул из горлышка, невольно скривился.

– Сладкая... Ладно, сойдет. Что это тебя разобрало? Никогда не видел, чтобы ты эту дрянь курил.

Не дождавшись ответа, глотнул еще и еще. Некоторая крепость в наливке все-таки была, из желудка по всему телу пошло приятное тепло. Надир молча смотрел на него, потом перевел взгляд на аккуратно пристроенную Раэном между коленями бутылку.

– Я... Дай и мне. Все равно...

Ой-ой-ой... Вино с дурью – смесь непредсказуемая... Разн с неподдельным интересом глянул на запрокидывающуюся бутылку, потом, спохватившись, отобрал.

– Полегче! Я, вообще-то, сам пить собирался.

Потянувшись, поставил бутылку подальше и глянул на снова развалившегося Надира. В ровном теплом свете масляной лампы смуглый харузец казался золотой статуей, одетой в легкий зеленый шелк. Заплетенные от макушки волосы, рубашка наполовину расстегнута... Красив, негодник. Не просто смазливая мордашка – порода. Так похож на сестру, что сердце замирает. И при этом совсем иной. Вместо мягкости – изысканная чеканность черт, хоть сейчас на камею, вместо плавных округлостей – точеная мужская стройность. Только глаза совершенно одинаковые, словно Наргис смотрит на него с чужого лица. Нет, не чужого, а своего, но странно искаженного, будто глядишь через слой воды... А может, это выход? Уж в постели харузскому баловню точно будет не до глупостей, сколько бы саншары он ни выкурил перед этим. А там и протрезвеет...

Надир, словно уловив его мысли, томно потянулся, опять заложив руки за голову, приоткрыл губы, хитро поглядывая из-под ресниц... Как же у него быстро меняется настроение! Может, просто его протрезвить? Есть подходящие чары... Нельзя. Трезвым Надир бы к нему не пришел. А раз доверился, то надо играть по его правилам. И в постель укладывать нельзя. Не в морали дело.

Просто из-под маски балованного мальчишки порой проглядывает такая вымораживающая душу тоска... Вот в этом они тоже с Наргис похожи. Тоска, страх... Страх? Что там говорил джандар? Крови понюхал, вот и ошалел? Болван! Забыл первый выход за грань? Ты три недели просыпался с криками. А Надир ушел туда сам, умирая в ужасе и боли.

Разн наклонился к подавшемуся навстречу харуцу, просунул между подушкой и его шеей ладонь. Склонился совсем низко, избегая влажного от вина рта, к самому уху. И прошептал, едва не прихватывая мочку губами:

– Саншара не помогает, Надир. И вино тоже. Ничто не помогает, когда страшно по-настоящему. Только ты сам с этим можешь справиться.

– Не могу, – шепнули ему в ответ. – Не могу, веришь? И ничто не помогает, ты прав. Пожалуйста, Арвейд... Ты же маг, целитель... Сделай что-нибудь! Я больше не могу бояться!

Дыхание у него было жарким, словно предгрозового ветер долетел сюда, в темную прохладу закрытой комнаты. Раэн вдохнул сладкую терпкость вишни, смолисто-травяную горечь саншары и запах горячего возбужденного тела... Проклятье, а ведь ему сейчас не это нужно. Просто не верит, что можно получить необходимое иначе, не расплачиваясь красивым холеным телом за простое человеческое тепло рядом.

– Ты не думай, – торопливо шептали ему в ухо, прижимаясь, глядя плечи и спину ладонями. – Это не саншара. Я бы и без нее пришел. К тебе... Я помню. Все помню. Тебя – и тьму. Так темно! Ты меня звал издали, потом закрыл собой – и вытащил. Наверх, к свету. Я твои глаза помню, Арвейд! И руки. Запах крови... Не могу забыть! Подожди, не говори ничего... Просто останься. Я потом уйду, обещаю. И даже не напомним никогда! Ни словом, ни взглядом... Не могу так...

Он еще что-то шептал уже совсем неразборчиво, всхлипывая и дрожа. Откровенно и бесстыдно терся бедрами, грудью, лицом, а Раэна обволакивал тяжелый липкий ужас, пробивающийся сквозь горький привкус дурмана саншары. И вместо того, чтобы оттолкнуть или отодвинуться самому, Раэн прижал бьющееся тело еще сильнее, вдавил в подушки, не позволяя дернуться, обнял, закрывая собой.

– Хватит... Ну, хватит, слышишь? Я здесь, я не уйду. Ну, перестань... Я и так не уйду, обещаю...

Обняв горячие даже сквозь рубашку плечи, пальцы другой руки он запустил в растрепавшиеся влажные волосы Надира, перебирая пряди, поглаживая, и тот медленно обмяк, уткнувшись лицом в плечо целителя. Притих, как пойманная птица замирает в ладони, боясь шевельнуться. За окном гроыхнуло совсем близко – и комнату осветила резкая вспышка. Надир очень медленно и осторожно повернул голову, не отстраняясь, а прижимаясь еще сильнее.

– Ты ведь тоже считаешь, что я ни на что не годен? – спросил он вдруг странно спокойным голосом. – Я и сам знаю. Воин из меня, как из жасминовой ветки – клинок. Я крови боюсь, представляешь? Отец и к целителям водил, и к магам... Не помогло. Саблю держать научили, конечно, но как представляю, что вот удар – и кровь...

Он судорожно вздохнул. Помолчав и убедившись, что Раэн не отвечает, продолжил:

– Отец потом смирился. Сказал, что шаху можно служить не оружием, а пером и бумагой. Стал приглашать учителей. Думаешь, я только наряжаться умею да болтать? Я четыре языка знаю, Арвейд. Все своды законов – почти наизусть. Звездный круг, исчисление мер и времени... Торговый кодекс и Родословие... А кому это нужно? Почему я не умер от черной горячки? Лучше бы я умер, а они остались живы!

Он опять всхлипнул яростно и беспомощно, заговорил торопливо:

– Я просил дядю отпустить меня в Харузу. Ну на что я ему? Он меня презирает, считает позором семьи, выродком развратным! А я не могу. Не могу жить, как он хочет. Я не виноват, что таким родился. Другие как-то устраиваются, женятся... Потом в дома удовольствия к юношам бегают... Всем плевать – лишь бы дети были. А я не племенной жеребец! Я не хочу – так!

Раэн, немного сдвинувшись, лег рядом, по-прежнему крепко обнимая Надира. Зарылся лицом в его волосы, слушая горячечную сбивчивую речь.

– Он говорит, что стихи и музыка – все вздор. Что нужно жениться, служить шаху, жить как все. Я сам знаю, что я последний мужчина в семье, но почему он не спросит, чего хочу я? Никогда не спрашивает! Сказал, что в Гюльнаре найдет мне девушку из хорошей семьи. Там никто не знает, что я не мужчина. А что, мужчина – это только тот, кто может залезть на женщину?

Он почти выкрикнул это, и Раэн отстраненно подумал, что надо бы запереть дверь. Войди сейчас кто-нибудь – и ни за что не докажешь... Но Надиру нужно выговориться, и оборвать эту зыбкую, едва возникшую струну доверия, что сейчас протянулась между ними, значит испортить все. И, может быть, погубить ир-Дауда. Как же он изголодался по теплу и нежности, что сейчас жметесь слепым щенком и готов отдаться, лишь бы его не бросили, выслушали, побыли рядом. Не уйти, не отодвинуться, не встать на минутку, чтоб прикрыть дверь – и пусть. Главное, что страхом от него веет меньше... Пусть говорит, выплескивая все, что накопилось!

– И знаешь, может, он прав? – с тихой обреченностью продолжал ир-Дауд. – Что толку от моей учености, если любой наемник может

убить меня проще, чем яблоко сорвать? Что толку от того, что я могу рассчитать сложный процент на долг или написать стихи? Один удар сабли – и меня не стало! Совсем! И если бы не ты – меня бы не было, Арвейд... Никогда и нигде! Почему так? Почему боги допускают такое? Я трус! Я никак не могу забыть ту ночь. Лучше бы ты меня не спасал...

– Глупости, – спокойно проговорил Раэн, тщательно подбирая слова. – Ты не трус. Ты боялся, но вышел из комнаты, не забился со страху в темный угол. Ты вышел – и встретил беду. Не каждый способен на такое.

– И это тоже от страха. Я... просто не мог сидеть и ждать. А саблю взял, чтоб страшно не было, только толку от нее... Я и ударить не успел. Ни разу... Видел, что меня убьют сейчас, а ударить не смог!

Он опять вздохнул-всхлипнул, чуть отодвинулся и, подняв голову, встретил взгляд Раэна, зашептав:

– Я никому не нужен, понимаешь? Я даже род не могу продолжить... Были бы у меня сыновья, дядя бы оставил меня в покое. Но я же никчемный выродок, ни на что не способный... Все говорят, что это мне следовало родиться девочкой, а Наргис – мальчиком...

Он и вправду заглядывал целителю в глаза беспомощно и пощеничы доверчиво, откинувшись на его руку и все равно лежа так близко, что пряди их волос, давно рассыпавшихся у Раэна и выбившихся из короткой, изысканно заплетенной косы у Надира, смешались друг с другом, падая на прижатое к груди Раэна плечо харузца. И никто бы, взглянув мельком, не отличил их от любовников, сплетенных в объятии, так что не стоило строго судить джандара ир-Нами, застывшего на пороге, онемев от негодования. К сожалению, немым он оставался недолго.

– Нечего сказать, достойное поведение! Уж от вас, почтенный, не ожидал!

Надир, не видевший джандара, вздрогнул, захлебнулся на полуслове – и Раэн проклял не запертую в спешке дверь. Ах, как не вовремя! Он уже открыл рот, чтобы поставить незваного гостя на место, но Надир дернулся как ужаленный и на мгновение замер. А потом развернувшейся в броске коброй обернулся к джандару.

– А от меня ждали, значит? Еще бы, кто же сомневался?

– Надир!

Отпрянувший харузец не слышал, да и не хотел слышать.

– Видишь, – уголком рта прошипел он Раэну, не поворачиваясь к нему, – как обо мне заботятся? Днем и ночью под присмотром. Разве что в постель пока не укладывают. Ну да ничего, недолго ждать осталось... Понадобится, поведут, как жеребца на случку!

– Светлейший... – сквозь зубы проговорил джандар. – Не вам бы говорить такое...

– Не вам бы за мной шпионить, Хазрет! – выкрикнул Надир, скатываясь с дивана. – Или у дядюшки других верных псов нету, помоложе? Но вы же меня грязью считаете, вот и видите во всем только грязь! Надоело! К демонам!

По щекам у него текли злые слезы, рубашка окончательно распахнулась, и Надир, не застегиваясь, босиком выскочил из комнаты мимо ир-Нами, оттолкнув его плечом, и изо всех сил хлопнул за собой дверь.

– Вы... – возмущенно продолжил джандар, подходя к дивану и брезгливо взирая на Раэна.

– Вот какой демон вас принес, уважаемый? – оборвал его целитель, садясь. – Других забот мало?

– Да ты...

– Я, – холодно продолжил Раэн, не давая джандару слова вымолвить. – Вот именно. Почему я должен думать о том, о чем вам всем подумать недосуг? Вы что, не видели, что с Надиrom неладное творится? Вам, уважаемый ир-Нами, убивать, думаю, привычно, а самому часто умирать приходилось? Или забыли, что там у окна не одна сабля валялась, а две? Или вы сразу великим воином родились? Мальчишка саблю держать не умеет! Но он ее взял и вышел навстречу смерти. И погиб! Думаете, легко с той стороны возвращаться? Кто из вас хоть спросил, что у него на душе? Вы свой-то первый бой помните, Хазрет? Сладко вам после него было?

Джандар, уже набравший воздуха, резко выдохнул. Открыл рот – и снова закрыл его, посмотрев на совершенно одетого, разве что слегка растрепанного целителя, потом на распечатанную бутылку у дивана...

– Так вы...

– Успокаивал я его! – от души рявкнул Раэн, злясь на самого себя. – Как мог, и как ему нужно было. Разговаривал. И уж наверно, занимайся мы тем, о чем вы подумали, так хоть дверь заперли бы!

Подскочив к окну, он распахнул деревянные створки, выглянул во двор. Порыв горячего ветра, ворвавшийся внутрь, едва не потушил лампу. Пахнуло сухой полынью и еще какими-то травами, тяжелым густым запахом близкого скотного двора – простучали конские копыта. Вспышка молнии – и Раэн разглядел шагах в двадцати силуэт всадника на пляшущем перед воротами коне. Распахнулись ворота – конь длинным прыжком прыгнул за них и исчез в чернильно-синей ночи.

Джандар, оказавшийся рядом, сдавленно охнул.

– Ну вот, – ядовито сообщил Раэн. – Хотели – извольте получить. Каким вам больше нравится младший ир-Дауд, почтенный джандар? Пьяным в чужой постели, или вот так? В ночной степи перед грозой? От мертвого хлопот будет меньше? Впрочем, я тоже хорош...

– Свет небесный... – одними губами прошептал на глазах бледнеющий ир-Нами. – Великие светлые боги...

– Без них разберемся, – торопливо обуваясь, проговорил Раэн. – С наместником – что? Вы, вообще, зачем ко мне пришли?

– Спит светлейший. Я хотел... а, да неважно!

Джандар дернулся к двери, но Раэн опередил его. Выскользнул из комнаты, на мгновение задержавшись на пороге, и бросил повелительно:

– Наместника будить не смейте. С одним натворили дел, так хоть другого поберегите. Надира я сам верну. Не успеем до утра – врите наibu, что хотите, лишь бы он не испугался...

И, не слушая ответа, помчался по темному коридору.

ГЛАВА 2. Гроза богов

Немой чернокожий невольник, одетый роскошнее, чем наследник иного знатного рода, поклонился и отступил, растворившись в вечерних тенях. Человек, которого он привел, сложил перед собой ладони и тоже поклонился. Уже одно это движение выдало бы в нем чинца, но Джареддин все-таки окинул медленным внимательным взглядом и смуглое узкоглазое лицо, и приземистую фигуру, закутанную в несколько цветных халатов, и широкие рукава, колыхнувшиеся в сумерках, словно крылья сонной птицы.

– Ну что ж, почтенный, – уронил он. – Зачем вы хотели видеть меня?

Чинец поднял взор непроницаемых карих глаз, в которых Джареддину ничего не удалось прочитать, кроме безмятежного спокойствия, и тихо сказал:

– Приветствую мудрейшего среди сильных и сильнейшего среди мудрых, повелителя тайных знаний, стоящего у престола пресветлого государя...

– Одного из дюжины тех, кого шах зовет бездельниками и дармоедами, – усмехнувшись, в тон ему подсказал Джареддин. – Не первого из них и даже не второго или третьего.

– Разве я забыл упомянуть о мудрости светлейшего? – удивился чинец. – Только глупое дерево тянется выше своих сородичей, забыв, что молнии первыми поражают гордецов. Сила дерева не в его высоте, а в том, сколько земли могут накрыть тенью его ветви. И в глубине, на которую уходят корни.

– Будь я и правда подобен дереву, вы стали бы самой сладкоголосой птицей на его ветвях, мой дорогой гость, – продолжал улыбаться Джареддин, чувствуя, как внутри горячо и остро разливается предвкушение.

О, как давно он хотел подобраться к существу, которое сейчас стояло перед ним. Хотел – и не знал, как это сделать, боясь испортить первую встречу. А сегодня чинский оборотень пришел сам. Древний, хитроумный, опасный... И вот-вот расскажет, что его привело. Хотя бы намекнет!

– Щебет птиц обманчив, светлейший, как и пестрота их оперения, – улыбнулся в ответ чинец, едва разжимая губы. – Вот они славят величественное дерево, давшее им приют, а вот раз – и улетели! Много достойнее участь родника, бьющего из корней. Он питает силу дерева, смиренно принимая покровительство его ветвей. И как бы ни был этот родник мал и скромн, иногда именно его недостает, чтобы спастись во время засухи.

– Воистину это так, – согласился Джареддин и взмахнул рукой, указывая на россыпь пестрых подушек вокруг низкого столика. – И прошу простить мою неучтивость. Пусть не скажут, что в доме ир-Джантари не нашлось для гостя другого угощения, кроме сладких речей.

Он хлопнул в ладоши, и, пока гость опускался на подушки, по-чински скрестив ноги, все тот же невольник мигом соткался из сумрака, заполнившего комнату, поймал взгляд хозяина и снова исчез, чтобы через несколько мгновений вернуться с подносом.

Пока безмолвная черная тень в дорогих одеждах расставляла на столике вино, сыр, фрукты и сладости, Джареддин молчал – и гость молчал тоже. Когда невольник появился во второй раз уже с фарфоровыми чашками, полными дымящегося кофе, Джареддин шагнул к столу и опустился на подушки с другой его стороны, напротив чинца.

Тот склонил голову, и его руки снова вспорхнули перед грудью и лицом, сложным жестом выражая благие пожелания дому и его хозяину. Джареддин мог бы ответить ему тем же – в роду ир-Джантари никогда не считали изучение чужих обычаев пустой тратой времени. Но не стал. Просто поклонился и пожелал доброго здоровья, причем не по-чински, хотя владел этим языком. О да, он был согласен с каждым словом велеречивого гостя! Только глупец возвышается над остальными, когда гнев небес ищет себе жертву. Но еще больший глупец позволяет узнать, на какую глубину в самом деле уходят его корни. У мудрого человека всегда в запасе несколько секретов.

Первую чашку кофе они выпили молча, со спокойной, почти дружелюбной сосредоточенностью вглядываясь друг в друга. Вторую Джареддин неспешно налил, и Серый Лис ее даже пригубил, но поставил на стол, показывая, что пришло время разговора.

– Здорова ли семья мудрейшего? – мягко спросил он и кинул в рот сваренный в меду орех, с удовольствием причмокнув. – Ваша почтенная матушка и благородный брат?

– У них все благополучно по воле богов, – отозвался Джареддин. – А как процветает ваш род, мой достойный гость?

Они обменялись понимающими улыбками, тонкими, почти неуловимыми, скорее даже тенью улыбок. И оценили их, как два мастера боя оценивают первое касание клинков, легкое, словно первый поцелуй застенчивых влюбленных.

О да, разумеется, Серому Лису известно, что брат Джареддина умирает в Тариссе, не зная, какой глоток морского воздуха окажется для него последним. И о том, что светлейшая Лейлин ир-Джантари, младшая сестра самого шаха, вдова Лунного визиря, не вполне здорова рассудком, в Харузе не ведает разве что глухой.

Но и Джареддину кое-что рассказали темные ночные пташки, приносящие вести и уносящие золото. Лучшее наследство, что он получил от отца, – привычка следить за Харузой и тем, что в ней происходит. А происходит что-то весьма интересное! За несколько последних дней в чинских домах удовольствия разом сменились почти все управляющие, из Пестрого Двора исчезли многие акробаты и фокусники-чинцы, и даже подданные Ночного шаха насторожились, пытаясь понять, откуда дует ветер.

– Мой род отныне в руках моих детей, – безмятежно улыбнулся Серый Лис. – Я оставил семейное дело сыновьям, а сам ушел на покой. У нас говорят, что настоящая чинская ива знает, когда упасть, освобождая место молодой поросли.

И он положил в рот еще один медовый орех, а потом запил его кофе и даже прищурился от удовольствия.

– Вот как... – медленно сказал Джареддин.

– Именно, – подтвердил чинец. – Не знаю, известны ли вам обычаи моей родины, светлейший, но у нас принято, чтобы мужчина, достигнув предела жизненных сил и свершений, оставлял мирские заботы, становясь отшельником или странником. Не всем подобное дано, разумеется, а лишь тем, кто ищет в этом свое призвание и духовный путь. Я понял, что пришло мое время, и попросил богов о милости не пережить самого себя, не стать трухлявой ивой, мешающей собственным потомкам ловить дожди и солнце.

– Как красиво! – восхитился Джареддин, нежа в ладонях чашку из расписного чинского фарфора. – Мудрость вашего народа беспредельна, мой драгоценный гость!

«Иными словами, – подумал он с холодной расчетливой ясностью, – ты сбежал, чтобы собственные дети не перегрызли тебе глотку. Что ж, это даже у людей встречается, так что наполовину зверям и вовсе простительно. Но... что же ты хочешь от меня? Помощи в возвращении власти? Нет, не можешь ты быть настолько глуп! Ты, славящийся коварством! Тот, кто не удержался в воздухе на собственных крыльях, на чужих и вовсе не взлетит».

– Чем же я могу вам помочь, почтенный? – любезно уточнил он, чуть наклоняясь вперед и ловя взгляд все таких же непроницаемых, словно нарисованных на фарфоре, глаз чинца. – Если вы ищете мудрости, то это мне, недостойному ученику, следует припасть к вашим стопам и просить поделиться ею.

И они снова обменялись взглядами, подобными столкнувшимся саблям. Однако этот незримый поединок был лишен всякой злости. Просто два мастера, молодой и старый, встретились и отдают друг другу должное, наслаждаясь беседой клинков, как собственной.

– Разве я не говорил об этом? – растянул губы в улыбке Серый Лис. – Ваше древо, светлейший ир-Джантари, обладает на диво могучими ветвями. Его корни глубоки и уходят в такую тьму, что она способна испугать несведущих в тайных искусствах. Но даже такому дереву, поистине шаху среди собратьев, не помешает маленький родник, приютившийся среди корней. Кто знает, какого глотка знаний или опыта может не хватить тому, кто однажды решит возвыситься над остальным лесом? А все, что я попрошу взамен, это немного тени, спасающей от жестокого солнца.

– Вы ищете... моего покровительства? – вдруг севшим голосом уточнил Джареддин, и Серый Лис молча опустил ресницы, спрятав взгляд в кофейной чашке. – А не боитесь, что однажды в дерево моих замыслов ударит молния, не разбирая, где ствол и ветви, а где родник у корней?

– Я слишком стар, чтобы бояться, – бесстрастно отозвался чинец и вдруг открыл глаза, в упор посмотрев на Джареддина. – У меня в этом мире осталось лишь одно незавершенное дело. Я должен закончить

его, рассчитаться с последним долгом, а после... пусть бьют любые молнии, если им это суждено.

– Сдается мне, почтенный гость, – так же тихо сказал Джареддин, – что вода в вашем роднике обернется для кого-то ядом.

– Надеюсь, что так, – изогнул губы в улыбке, больше похожей на гримасу, чинец. – Но вам, светлейший, бояться нечего. Мой враг вам не друг. Вы еще слишком молоды, не считите это за обиду, чтобы враждовать с ним. Или хотя бы знать его по-настоящему. Разве что слышали о нем... Известно ли вам имя Арвейд Разн?

Два чужеземных слова упали в темноту комнаты, а следом за ними пришла тишина. Джареддин почувствовал их, как два укола иглой куда-то под сердце, в мягкое незащищенное нутро. Его вдруг пронзила ледяная боль дурного предчувствия. А следом пришло воспоминание об имени, которое назвал давно подчиненный его воле шпион. И рисунок, который Джареддин увидел чужими глазами. Листок дорогой чинской бумаги, украденный из вещей ир-Даудамладшего, а на нем карандашный набросок – смеющееся лицо, тонкое, красивое, чужое...

– Арвейд Разн... – медленно повторил Джареддин, ставя чашку на столик, чтобы не расплескать. – Бродячий целитель, не так ли? Маг и воин. Чужестранец, недавно приехавший в Харузу?

– Вернувшийся в Харузу, – поправил его Серый Лис, и глаза чинца, мгновение назад безжизненно тусклые, вдруг вспыхнули яростными желтыми огнями. – Он бывал здесь не раз и даже жил подолгу. Впрочем, как и во многих других местах. Чужестранец? О да. Он чужак везде, и нет под этим небом земли, которая признала бы его своим порождением. Но я вижу, вы встречались?

– Еще нет, – уронил Джареддин и вспомнил ветку алых роз в спальне у Наргис. Его Наргис! – Но я очень, очень хочу с ним встретиться. И пока вы согласны помогать мне в этом, почтенный Серый Лис, я обещаю вам свое покровительство. Ибо нет такой грозы, которой бы я испугался.

* * *

Едва не затоптанный конюх все не мог отойти от возмущения и страха. Но рассказал, пока Разн торопливо седлал коня, что молодой господин ускакал на единственной случайно оседланной лошади –

злой и нервной кобыле, на которой вернулся недавно вечером кто-то из домочадцев, да так и бросил, не желая возиться с упрямой скотиной. Но молодой господин и слушать ничего не стал, вскочил в седло как одержимый...

С одной стороны, это было хорошо. На усталой лошади, которую не успели выводить и напоить, Надир далеко не ускачет. С другой – чтобы натворить бед, не обязательно скакать далеко. Гроза в степи опасна молниями, которые бьют по всему, что чуть выше травы. Вдобавок, выводя гнедого мерина из стойла, Раэн с трудом успокоил его, хотя конюх клялся, что уж этот конь очень послушен. Как Надир управится в грозу с пугливой лошадей? Удержится ли в седле, если кобыла понесет? И где его искать?

Отъехав от усадьбы, Раэн огляделся. К воротам городка выходила всего одна улица, прямая, как стрела. Вряд ли Надир куда-то свернул. А вдруг? Тьму вокруг резали бело-голубые всполохи молний, на лицо упала крупная капля, потом еще одна... Проклятье, нужно было взять хоть какую-то вещь ир-Дауда! Дождавшись очередной вспышки, Раэн осмотрел рубашку. Есть! На плече, к которому прижимался Надир, к тонкому льну прилипли два темных волоса. Только вот чьи?

Бережно сняв один, Раэн намотал его на палец, скручивая в комочек, прошептал заклинание. Гроза, чья дикая сила разлилась в воздухе вокруг, изрядно мешала, но все же волос вспыхнул голубым огоньком, поднялся в воздух и остановился над головой самого Раэна. Понятно... Не теряя надежды, он потянул второй. Получилось! Несмотря на ветер, шарик света уверенно поплыл по улице. Поймав его ладонью, Раэн подхватил другой рукой поводья и пустил мерина быстрой рысью.

У ворот никого не было, только одна створка, сорвавшись, качалась и скрипела на ветру. Раэн разжал ладонь – огонек, померцав, поплыл прямо. Медленно! Слишком медленно! Это для спокойного поиска, не для погони. Ловя сполохи света, он встал на стремянах, оглядел темное пространство. Капли все чаще падали на лицо и плечи, конь беспокойно зафыркал, пятась и перебирая ногами: в ночную степь под грозовые вспышки ему явно не хотелось.

Порыв раскаленного ветра ударил в лицо, мешая дышать. Отвернувшись, Раэн тряхнул поводьями, и еще... Мерин прижал уши,

злясь, круто выгнул шею. Над головой грохнуло так, что и сам Раэн пригнулся. Скоро с конем будет не справиться. А если...

Приподнявшись на стремянах, он еще раз взгляделся в темную степь. У Надира пугливая лошадь. А молний и грома уже было столько, что... Она должна была понести!

Торопливо сотворив огненный шар размером с яблоко, Раэн запустил его в землю прямо перед конем. Шар разлетелся снопом крупных искр. Перепуганный мерин встал на дыбы, замотал головой, а затем рванул вперед по степи, не разбирая дороги.

Прижавшись к конской шее, почти распластавшись, Раэн летел в ночь, стараясь не думать, что расчет может не сработать, и одна обезумевшая лошадь вынесет совсем не туда, куда другая. Вокруг странным образом посветлело, будто через пелену туч пробивался свет, но это играли мелкие сполохи далеких молний. Жаркий ветер, удушающе пахнущие травы...

Только бы конь не оступися, не попал копытом в сусличью нору, не споткнулся о незаметный бугорок в высокой, по конское брюхо, траве! Только бы проклятая кобыла не сбросила Надира, все еще одурманенного смесью вина и саншары... Дурак. Трижды дурак! Зачем отпустил? Надо было удержать, пусть даже силой. А что теперь?

Конь заржал, не прерывая бега, и Раэн вскинулся. Что-то слышит? Эх, надо было брать жеребца, вдруг тот почуял бы запах кобылы? Вспышка! Раскат! Что-то мелькнуло вдалеке. Раэн до боли в глазах всматривался в ночь, не такую уж и темную для него. Всадник? Может быть... Далеко! Слишком далеко...

Капли западали чаще, остужая разгоряченное лицо. Раэн глянул на небо, ловя потоки силы, что сейчас была разлита везде. Задышал глубже, концентрируясь. Они с Надиром связаны. Разделенной памятью о Бездне, болью и исцелением, все еще не порвавшейся нитью доверия... Где же ты?!

Ночь. Мелкие огни степных птиц и сусликов. Тонкие, едва заметные полосы и пятна холоднокровных змей. Конь неся мимо, и Раэн успевал ощутить только смутные отблески живых существ. Откликнись... Что-то крупнее! Волк, прижавший уши, распластался в высокой траве. Отдавшись поиску, Раэн едва не вылетел из седла, но в последний момент удержался, вернулся в сознание. Мерин снова дико

и зло заржал, перепрыгивая через зверя, но тот даже не шевельнулся... Есть!

Покачнувшись в седле, Раэн зацепил и поймал сильный огонь сущности немного справа от своего пути. Двойной огонь, движущийся... И почти сразу увидел цель уже настоящим зрением.

Некрупная вороная кобыла, прижав уши и вытянувшись струной, летела сквозь ночь, так же не разбирая дороги, как и мерин. Надира, вцепившегося в гриву лошади, мотало из стороны в сторону, но он держался. Из последних сил держался! Потоки силы вокруг Раэна зазвенели и вздрогнули, предупреждая... Он глянул на небо – и едва успел вскинуть руку, творя даже не заклятие, а простейший щит.

Небесный огонь – неизвестно к кому из них – рухнул сверху, притянутый чарами, растекся ослепительно-голубым пламенем по щиту и ушел в землю. Только захрипел выбившийся из сил и обезумевший от страха мерин. Раэн хлестнул его по мокрой и скользкой от пены шее поводьями. Дернул вправо! Несколько шагов – длиннее вечности. Сила снова нахлынула со всех сторон, топя его в звенящей и дрожащей глубине. Раскат!

Кобыла, роняя пену с морды, споткнулась обо что-то, скакнула в тщетной попытке удержаться, крутнулась, тонко заржав, – и Надир вылетел из седла. Вправо, к нему! Бросив поводья и сжав колени, Раэн свесился почти полностью – и дотянулся. Подхватил, вцепившись так, что синяков харузцу не миновать, прижал к конскому боку, а потом и втащил наверх, из-под конских копыт, на седло. Захлебываясь в водовороте грозовой магии, поставил щит – один на двоих, самый плотный, какой успел, круговой...

Чудовищной силы разряд ударил прямо в них. Бросив уздечку и вытащив ноги из стремян, Раэн прижал к себе оглушенного Надира, и они вместе вылетели из седла вниз, в высокую траву, примятую сферой щита, смягчившего падение. Мерин, встав на дыбы, белым факелом вспыхнул в нескольких шагах – Раэн даже зажмурился от жалости – и рухнул на землю.

Зашипела сфера щита, растворяясь, и Раэн подумал, отстраненно глядя в нависшее небо, что лежать на мокрой земле, куда бьют молнии – тоже мысль не из лучших. И что надо бы им, как положено в таких случаях, сесть на корточки, спрятать голову в колени и ждать. Но сил не было даже повернуться набок.

Тихо застонал Надир, пошевелился, приходя в себя... Дернулся – и ошалело уставился в глаза Раэну. Сверху опять сверкнуло – совсем близко, распарывая небо, заливая его злым хищным светом. От грохота качнулась вся степь.

– Ты...

– Я, – подтвердил Раэн. – А ты кого ждал?

Надир замотал головой, приходя в себя – кости, значит, целы – посмотрел вверх. Сел. Ахнул придушенно. Угольно-черное небо пересекали белоснежные вспышки, словно гигантские сабли сталкивались в поединке.

– Мы погибнем?

– Не знаю, – пожал плечами Раэн. – Как повезет.

– Прости...

Вместо ответа Раэн потянулся, тоже садясь, обнял Надира, прижав к себе, и шепнул:

– Смотри. Это гроза богов. Я про нее только слышал. Смотри внимательно! Это и есть жизнь. Настоящая!

И небо обрушилось на жаждущую землю ликованием и яростью вечного священного брака. Расколосось, извергая мириады молний и потоки грома, так что ночь мгновенно сменилась днем, а день – вечером, столь серым стало слепяще-белое небо, когда вниз хлынул дождь. Он уложил мокрую траву, пройдясь по ней неизмеримо огромной упругой ладонью, пригладил степь, наплат еe, утолив вечную жажду. Потоки воды заливали сусличыи норы, покинутые хозяевами, смывали пыль и пропитывали землю далеко вглубь... Еще сильнее прижался к земле волк, уткнув нос в лапы и прижав уши в благоговейном страхе.

Первый же поток воды, обрушившийся с неба, мгновенно промочил и Раэна, и замершего рядом Надира. И дальше уже стало все равно, что сумасшедшие струи хлещут по спине, лезут в уши и заливают лицо... Раэн глянул на Надира – тот смотрел на грозу, как слепой смотрит на мир, внезапно открывшийся ему, огромными, широко распахнутыми глазами, в которых то ли страх, то восторг, то ли все вместе.

Они сидели, обнявшись, на пригорке, а вокруг бушевали молнии, ударяя то близко, так что земля отдавалась болезненным гулом, то вдали, и лишь тонкая пленка защиты, поставленная Раэном от

разрядов, но не от дождя, укрывала их. А когда однажды ударило особенно сильно и совсем рядом, защита дрогнула, колеблясь, и прогнулась... Но все-таки выдержала. Раэн, успевший собрать остатки сил для ближнего щита, с трудом выдохнул... понял, что слишком сильно сжал плечи Надира – и увидел, как тот поворачивается. Покачал головой, улыбаясь, но было поздно!

Рванувшись, Надир повалил его на подушку мокрой примятой травы и упал сверху, закрыв собой от дождя. Сказал что-то, но слова потонули в грохоте. Снова – и опять его заглушили гром и шум дождя. Тогда он просто вытянулся на Раэне, опираясь на ладони, расставленные по обеим сторонам от целителя, и замер, неотрывно смотря ему в глаза. Вода лилась сверху, стекала у него по волосам, смешивалась с ними, и черные блестящие волны падали на грудь Раэна, струями воды утекая куда-то вниз.

А в глазах самого Надира плескалась такая чистая, сумасшедшая, всему миру открытая радость, что Раэн, покоряясь, раскинул руки в стороны – и снова сомкнул на горячий, несмотря на дождь, мокрой спине, покрытой скользким от воды шелком. Обнял, медленно проводя от плеч ниже, и улыбнулся в ответ, чувствуя, как струями хлещущего ливня вымываются из них обоих тоска и напряжение последних дней.

Он точно знал, что бы ни случилось дальше, но эта безумная и яростная ночь связала их с Надиром навсегда. Не обычным желанием плоти, но тем, что выше. Тем, что погнало одного из них в беспощадную тьму навстречу собственным страхам, а второго – следом, чтобы уберечь и спасти.

И так они смотрели друг другу в глаза с шалой хмельной улыбкой, не нуждаясь в словах, пока небо окончательно не рухнуло вниз стеной рокочущей воды, прижимая их друг к другу, спутывая волосы и сплетая пальцы, сплавляя взгляды в попытке почувствовать другого сильнее, чем себя. И сверкали молнии, и рушился на землю гром, но в этот краткий миг посреди расколотой вспышками степи больше не было ни страха, ни одиночества.

ГЛАВА 3. Вероятности и возможности

Линии вероятности, которые Раэн рассчитал для новой игры Равновесия, упорно сходились именно здесь, в небольшой длинной долине, почти со всех сторон окруженной холмами. Их извилистая цепь тянулась на многие недели пути и веками служила естественным рубежом между Светлым шахством и Степью. Нистальская долина, которую называли Восходными Вратами государства, одним концом выходила в Степь и потому была не самым спокойным местом для поселения. Случись большой набег степняков – и Нисталь падет первым. Но люди здесь все-таки жили, между безопасностью и свободой от шахских чиновников неизменно выбирая волю.

Примерно две дюжины кланов оседлых степняков перебрались сюда еще несколько веков назад и смешались с самыми отчаянными крестьянами Иллая, которым шах пообещал освобождение от налогов за рубежную службу. Слияние крови оказалось удачным. Потомки двух народов сохранили упрямую гордость Степи, крестьянское трудолюбие, гортанный выговор общего языка и привычку щедро украшать одежду бахромой и кожаным плетением.

Особых богатств за ними никогда не водилось, но из поколения в поколение нистальцы разводили отличных лошадей, благоразумно не увеличивая табуны сверх определенного количества. Каждый год Нисталь посылал пять дюжин отборных жеребцов для конницы шаха и не платил больше никаких податей, оттого заезжим чиновникам кланялся не из угодливости, а только ради учтивости.

В прочих землях над ними не без зависти посмеивались, мол, нистальцы не могут уснуть без оружия под подушкой, а погода в долине меняется чаще, чем улыбается уличная танцовщица. То снежную тучу принесет откуда-то теплой осенью, то гроза налетит, то солнце неделями жарит. Нистальцы отшучивались, что они, как хороший кожаный аркан, от вымачивания и выделки только лучше становятся, а класть подушку поверх сабли мягче, чем весь год совать под нее каждую монетку, собирая подати.

Все это Раэну рассказали в доме управителя Иллая, последнего города, где он остановился по дороге в долину. Гостя, приехавшего с

письмом от верховного предстоятеля, который приходился управителю дядюшкой, здесь приняли со всем возможным радушием. Устроили в честь почтенного целителя настоящий праздник, расспрашивали о столичных новостях, восторженно встречая даже самые незначительные, и от души сокрушались, что гость не может побыть подольше.

Что ему делать в этой богами забытой долине? Там и нет ничего интересного для мудрого человека, повидавшего, как говорится, города и дороги! Раэн еле отбился, пообещав заглянуть на обратном пути, но умолчав, что и сам не знает, когда будет возвращаться. Игры Равновесия иногда тянутся долго... Уезжая, он предупредил управителя, что следует вскоре ждать караван наиба, задержавшийся в дороге из-за болезни высокородного ир-Дауда, и это известие было воспринято с должной благодарностью. Известно ведь, что лучшая неожиданность та, к которой оказываешься хорошо подготовленным.

Раэн же искренне понадеялся, что Надир не заскучает в Иллае настолько, чтобы рвануть на поиски возлюбленного. Вроде бы младший ир-Дауд, несмотря на показную взбалмошность, достаточно умен, чтобы спокойно принять обещание Раэна вернуться, как только позволят дела. Да и Хазрет ир-Нами обещал присмотреть за парнем.

В памяти невольно вспыхнула та гроза, когда Раэн все-таки не удержался и позволил себе гораздо больше, чем рассчитывал. Влажные пряди смоляных волос, в которых путались его пальцы, горячие губы, жаркое тело, пламя в котором лишь сильнее разгорелось от страха и восторга... Как он выгибался в его объятиях, этот избалованный высокорожденный красавец, как льнул к рукам и задыхался от удовольствия, шепча что-то мурлыкающим тягучим выговором истинного харузца. И как просил еще, не отводя пьяных бесстыжих глаз, дрожа всем телом и заранее позволяя гораздо больше, чем Раэн собирался сделать.

О нет, самое ожидаемое Надиром все-таки не случилось! Ну не на мокрой же земле, в зарослях колючей степной травы наслаждаться такой долгожданной близостью?! Еще и без всякой подготовки, что при любовном общении мужчин все-таки необходимо. Раэн так старательно убеждал в этом и Надира, и самого себя, что поверили оба, но даже так им хватило губ и рук, чтобы заласкать друг друга до

сладкого изнеможения. На постоянный двор Надир возвращался в полной уверенности, что победил, а Раэн...

Когда схлынуло упоение грозой и разбуженной страстью, ему стало досадно, смешно и немного стыдно. Он так и не нашел нужных слов, чтобы сказать Надиру, как тот ошибается. Что ему действительно снятся зеленые глаза под густыми черными ресницами и солнечные блики на золотистой коже, но имя этим снам – Наргис. Наргис... Каждую ночь неделю подряд он пытался дотянуться до девушки через розу, но зачарованный цветок не отзывался, и Раэн, вздохнув, решил, что его подарок наскучил и был выкинут. Что ж, это не последняя возможность порадовать Наргис ир-Дауд и заодно присмотреть за ней. Лишь бы девушка не узнала про их с Надиром степные шалости, вот это и вправду будет трудно объяснить.

Он придержал коня, с интересом оглядывая Нисталь с вершины холма. Узкая тропка вилась вниз, будто приглашая спуститься по ней. До этого дорога бежала между холмами и только перед самым въездом в долину поднялась на вершину последнего, хвалясь открывшимся видом, как торговец, который раскидывает по прилавку лучшие ткани. Освещенная закатным солнцем, долина кудрявилась тугим осенним золотом садов, синела змейками речушек, пестрела лоскутами полей и рощ. Прохладный воздух, пронизанный запахом сушеных яблок, меда и дыма, будоражил кровь, словно глоток терпкого вина. Славное местечко! Сюда бы наведаться ради удовольствия, не ожидая никакой пакости! До чего жаль, что линии вероятности сходятся именно в Нистале...

Вдоволь налюбовавшись, Раэн тронул поводья, и лошадка, весело потряхивая головой и уже предвкушая отдых, заторопилась вниз по тропе.

Вблизи долина оказалась еще приятнее на вид. Копыта звонко цокали сначала по засыпанной мелким галечником дороге, потом по булыжной мостовой, что сделала бы честь иному городу. Вокруг то и дело белели стенами аккуратные домики, окруженные садами и огородами. А вскоре дорога вывела его на площадь, без которой, понятное дело, не может обойтись ни одно уважающее себя поселение.

Проезжая под аркой, указывающей путнику на сердце Нисталя, Раэн не удержался и потрогал известняк, украшенный искусно вырезанным орнаментом. В сумерках камень будто светился ровным

жемчужным сиянием. Лошадь миновала высокий просмоленный столб на середине площади и безошибочно направилась к приземистому строению чуть в стороне, откуда тянуло запахами дыма, еды и конюшни. Разн спрыгнул на мощный тем же известняком двор и бросил повод выскочившему мальчишке.

Ну, вот он и в Нистале! Завтра найдет старейшин и попросит разрешения на время поселиться в долине. Кто же откажет целителю, приехавшему для сбора редких корней и древесных грибов? Даже если здесь имеются собственные лекари, лишних, как известно, не бывает. Нужно только снять уединенный домик, чтобы переждать первый приступ любопытства к чужаку и потом жить спокойно, не отвлекаясь на назойливых соседей. Нет, ну до чего все-таки обидно, что неумолимые линии судьбы указали ему дорогу именно сюда...

* * *

– Виданное ли дело держать такую зверюгу в доме? – негромко, но очень выразительно страдала Иргана, стоя на коленях у кровати. – Да еще в спальне, да на ковре халисунском! У-у-у, шерсти-то, как от медведя! Говорят, на самом далеком севере живут такие медведи, белые, словно молоко! Хорошо, что госпоже такого никто не подарил!

– Тебе-то что переживать? – буркнула Мирна. – Через три дня выйдешь замуж, и больше пачкать руки не придется. Богатый муж тебе служанок наймет, будешь им только пальчиком указывать. Одна ковер почистит, вторая кофе с пахлавой подаст, а третья с опахалом встанет.

– А тебе завидно, да?! – Иргана выпрямилась, уперев руки в бока, и тут же покраснела, встретившись взглядом со стоящей в дверях Наргис. – Ой, простите, госпожа!

– Иргана, разве я не сказала тетушке Навадари, чтобы тебе не давали домашней работы? – нахмурилась Наргис. – Не хватало еще, чтобы ты ушла в дом мужа усталой и истомленной. Невеста должна радовать глаз и сердце всякого, кто на нее посмотрит. А ты что делаешь?

– Да я только ковер почистить! – затараторила Иргана, быстро сложив руки перед собой. – Шерсти-то, шерсти сколько! Это ж никакого ковра надолго не хватит! Зверь ваш его лапами истопчет, когтями порвет, а шерстью так покроет – узора видно не будет!

– Вот в своем доме и будешь коврами распорядиться! – отрезала Мирна. – Дай сюда, я сама! – Она ловко выхватила у Ирганы из рук

щетку и фыркнула: – Час уже ползаешь, а толку никакого. Точно тебе в купеческие жены надо, руками-то совсем работать разучилась.

– Мирна! – взвизгнула Иргана, заливаясь краской еще сильнее.

– Прекратите, – устало вздохнула Наргис, проходя в комнату, и обе служанки замерли, как мыши, увидевшие кошку, следя за ней круглыми глазами. – Иргана, сходи к тетушке Навадари и скажи, что я прошу список того, что выделено тебе в приданое. Возьмешь его и возвращайся сюда. Мирна... – Она запнулась, глядя на ковер, действительно лишившийся обычной свежести. – Вот что, скажи это вынести. А сюда пусть принесут гладкий коврик, с него шерсть легче убирать.

– А может, лучше уберем собаку? – жалобно спросила Мирна. – Госпожа Наргис, он такой огромный и мохнатый, все равно придется каждый день чистить.

– Значит, будешь чистить, – непреклонно сказала Наргис. – Возьмешь в помощь еще одну служанку, а понадобится – двух. Но Барс останется здесь. Мне так спокойнее спится.

В этом она не лукавила. С тех пор, как подарок целителя Раэна поселился у нее в спальне, Наргис перестал мучить постоянный страх, что она снова проснется в объятиях Джареддина. Пусть пес и не сможет ее защитить, но хотя бы предупредит о появлении чужака, в этом Наргис не сомневалась. О том, что будет, если Барс кинется на чародея, она старалась не думать. Может, было бы правильнее не рисковать жизнью мохнатого стража, однако Наргис малодушно утешала себя, что Джареддин не станет ронять свое достоинство, причиняя вред собаке. Ведь не станет же? А если что, она сумеет сдержать Барса, ведь пес понимает любые команды и слушается их, как вышколенный охранник.

– Как скажете, госпожа, – вздохнула Мирна и посмотрела вслед Иргане с неожиданной неприязнью. – Честное слово, я ее работать не заставляла. Эта дуреха с утра сама не своя, то помогать кидается, то хвастается, как хорошо жить станет, то плачет, то смеется. А чего теперь плакать, сама свою судьбу выбрала. Эх, жалко...

– Кого? – не поняла Наргис. – Иргану?

– Да нет же, светлейшая! Маруди! – Мирна потупилась и попыталась тоже проскользнуть мимо Наргис, но была остановлена.

– Тебе-то с чего Маруди жалеть? – снова нахмурилась Наргис, присаживаясь на кровать. – Мирна, говори прямо, он тебе нравится?

Служанка вздохнула и, не поднимая взгляда, ухитрилась уставить мимо Наргис куда-то в сад.

– Разве такой парень может не понравиться? – спросила она тоскливо. – Дурочка Иргана! Польстилась на золото, шали шелковые да сад с прудом. Вы, госпожа, не подумайте лишнего! – Она испуганно посмотрела на Наргис. – Я в Маруди не влюблена! Еще чего! А просто жалко его. На глазах сохнет, все клянет себя, что раньше с Ирганой не поговорил. Хотел как лучше и достойнее, а вышло вон как. Все деньги копил, а теперь и деньги есть, и чин немалый, да зачем ему это все? А ушел бы со службы годом раньше, купил на сбереженные деньги товаров да повел караван в Халисун или Джайпур – так вернулся бы с прибылью один к трем, не меньше! Тогда и на лавку хватило бы, и Иргана была бы его!

– Это он так говорит?

Наргис покачала ногой в шелковой туфельке, сосредоточенно следя за позолоченным носком. Ах, как нехорошо. Глупышка Иргана, сама того не желая, может натворить дел. Если Маруди кинется добывать деньги, чтобы исправить то, что уже почти случилось, это может привести его на скользкую дорогу. Быстрые деньги требуют либо великого ума, либо грязных рук и даются обычно кровью или бесчестьем.

– Вы, госпожа, не слушайте мою болтовню! – спохватилась Мирна. – Маруди ничего такого не говорил! Это я слышала, как стражники болтали!

– И кто из них об этом болтал? – спокойно поинтересовалась Наргис, но у девчонки виновато заметался взгляд.

– Ой, светлейшая, а я и не припомню, – проямлила она. – Темно было во дворе, я просто мимо шла, а они говорили, вот я случайно и услышала. Простите дуру языкатую! Это не Маруди, правда-правда!

– Смотри, язык от вранья почернеет, – усмехнулась Наргис. – Не бойся, Маруди я не накажу. Но если он и правда думает уехать, мне об этом нужно знать, чтобы вовремя с ним поговорить. Не дело это – срываться с достойного места. А чтобы торговлей заработать, нужно не только саблей уметь махать. Люди этому с детства учатся, да не у

всех получается. Куда Маруди торговать, у него язык не повернется ни свой товар похвалить, ни на чужой цену сбить.

– Ваша правда, госпожа, вот и я ему так сказала... Ой!

Мирна зажала себе рот руками, глядя на Наргис с нешуточным испугом.

– Сходи принеси лимонного шербета, – вздохнула Наргис. – И ничего не говори Маруди, я сама найду время с ним побеседовать.

– Да, госпожа... – пролепетала служанка и выскочила из комнаты.

«Вот почему так неудобно устроен мир? – грустно подумала Наргис. – Если верная и старательная, то непременно дурочка, а если умник, то хитрый и зачастую подлый. Нет, бывает, что ум сочетается с верностью, да только такие люди дороже золота. Отец умел их находить, но с его смертью многое в доме ир-Даудов изменилось. Те, кто помогал визирю в придворных делах, нашли новых покровителей, остались лишь те, кто служил в самом доме, а их всегда было немного, потому что отец выбирал тщательно и придирчиво».

Джандар Маруди ир-Бехназ один из этих немногих, но что Наргис делать, если он покинет их? Конечно, дядюшка пришлет нового джандара, а пока кто-то из людей Маруди заменит его, но... Она поняла, что боится перемен, цепляясь за видимость того, что в доме ир-Даудов все по-прежнему.

Однако привычный и любимый мир оказался подобен драгоценной чинской вазе с тонкой росписью. Смерть отца, матушки и брата разбила эту вазу, однако осколки на время замерли, не рассыпавшись сразу, и Наргис позволила себе поверить, что вазу можно удержать и склеить. А теперь что-то случилось – и расколотый мир посыпался мельчайшими частицами, что разлетелись во все стороны, потерялись, а то и вовсе оказались не от этой вазы.

И она сидела над ними, не в силах собрать обратно, сложить правильно. И, главное, понимая, что это бесполезно и глупо. Даже разбитая и склеенная ваза уже не будет прежней, а уж целый мир?

Что бы сказал на это отец?

«Ваза разбилась? – услышала она как наяву глубокий низкий голос Солнечного визиря Бехрама, ее любимого батюшки. – Это неприятно. Но такова участь всех вещей в нашем мире, рано или поздно их срок заканчивается. Ты всегда можешь поставить цветы в новую, такую же красивую или даже лучше. Мир должен меняться,

дитя мое, иначе он умрет. Люди приходят и уходят, а они куда ценнее вещей, вот именно людьми и следует дорожить. Не отпускай тех, кто тебе нужен, если можешь не отпустить. Но не держи тех, кто не дорожит тобой. И помни, всегда будут те, кого ты удержать не сможешь, но они останутся с тобой сами, по своей воле. Мир состоит из возможностей и вероятностей, дитя мое. Выбирай их, как выбираешь путь по опасному месту, и не забывай смотреть по сторонам. Потому что мир, созданный для нас богами, прекрасен настолько же, насколько опасен. Упустить из виду опасность – неосторожно, а не успеть увидеть красоту – печально. И никогда, слышишь, никогда не горюй о вещах. Это меньшая из возможных потерь».

– Я буду выбирать, отец, – прошептала Наргис. – Возможности и вероятности. Я помню, ты говорил это не мне, а Надиру, когда он разбил... неважно, какую-то чинскую диковину. Ты воспитывал его, сына и преемника, но твое великодушие и мудрость были так велики, что и мне позволялось поливать древо разума из источника твоих поучений. И я ничего не забыла.

Она встала, рассеянно подумав, что следовало бы дожидаться Мирну с лимонным шербетом – день обещает выдаться жарким. Но нетерпение заняться делами было слишком велико. Следует поговорить с Маруди, но так, чтобы не выдать Мирну, которой он доверился. Нужно попробовать убедить джандара, что он делает глупость, пытаясь приставить отрезанный кусок обратно к лепешке. Иргана для него потеряна, даже если за эти три дня Маруди свершит чудо и осыплет ее золотом.

Вряд ли он сам сможет забыть, как ему предпочли пожилого купца лишь потому, что на ту же чашу весов упал ворох шелковых шалей и сад с прудом. Нет, ни Маруди, ни Иргана этого уже никогда не забудут, и какая супружеская жизнь у них может получиться? Растить любовь на обиде и недоверии все равно, что замешивать лепешку на протухшем масле. Может, и пышно получится, да только все равно горько.

Решено, она поговорит с Маруди сегодня же! Но сначала следует зайти к почтенному Амрану ир-Галейзи, домашнему волшебнику ир-Даудов. Отец ему доверял, господин ир-Галейзи живет у них в доме многие десятки лет... Нет, Наргис все еще помнила о своих

сомнениях, ведь ир-Галейзи не почувствовал вторжения Джареддина. А это значит, что он слабее придворного чародея. Но Амран мудр и невероятно опытен, он знает очень много! Возможно, ему что-то известно о таинственной магии, которая позволяет Джареддину управлять памятью людей и страницами книг. Если же и этот путь приведет в никуда, то в Харузе множество книжных лавок, есть и другие придворные чародеи. Неужели они все дружны с Джареддином?!

Наргис чувствовала себя бабочкой, запутавшейся в паутине. Но вот ей удалось высвободить одно крыло, и она приготовилась забиться как можно сильнее, пока не вернулся паук. Вдруг да удастся вырваться?

Выйдя из спальни, она прошла через весь дом, удивляясь, куда подевался Барс. Утром был с ней в саду, потом успел обшерстить ковер в спальне, она сама видела, что из этого получилось. А потом пропал! Наверное, лежит где-нибудь в тенечке, охранник? Что ж, в такую жару упрекать его за это трудно. К тому же Барс, как хороший джандар, знает, когда начинается его служба. Вот и старается выспаться, чтобы беречь покой Наргис ночью.

Перед покоями ир-Галейзи Наргис приостановилась и прислушалась. Из-за двери слышались голоса – у мага кто-то был. Наверное, не очень вежливо входить без предупреждения, но если Амран занят, она извинится и вернется позже. Наргис постучала и услышала:

– Входите, госпожа моя! Ваш приход всегда радостен, но сегодня даже более обычного!

– Ах, почтенный Амран, – улыбнулась она, толкая тяжелую дверь. – Это ваша магия подсказывает вам, кто пришел?

– Конечно, магия, дитя мое, – расплылся в улыбке круглолицый седой маг, даже в эту жару не сменивший теплый бархатный халат на что-нибудь полегче. – А еще, признаюсь честно, стук твоих туфель по коридору. Только у тебя в этом доме такая легкая и звонкая походка, словно птичье сердечко стучит от любовной песни!

– Почтенный ир-Галейзи сказал так, словно заглянул в мое сердце и прочел в нем восхищение светлейшей госпожой, – церемонно произнес гость Амрана.

Встав с горки подушек, на которых сидел, он с величайшей почтительностью поклонился Наргис, и она ответила поклоном. А когда гость выпрямился, их взгляды встретились, и Наргис почувствовала, что внутри что-то дрогнуло. Не от страха, а от предвкушения чего-то важного, что вот-вот случится.

– Рада приветствовать вас в этом доме, почтенный, – сказала она, по головной повязке и темному парчовому халату сразу определив, что гость – книжник, а может быть, тоже маг.

– Счастье видеть госпожу стирает из памяти все беды, случившиеся в жизни недостойного, – еще церемоннее произнес немолодой чинец. – Прошу почтенного Амрана о чести знакомства.

Наргис показалось, что он моложе их домашнего мага, но у чинцев трудно определить возраст. Круглое лицо с морщинками у глаз и рта, выдающими, что их обладатель часто улыбается, внимательные темно-карие глаза... Черные волосы чинец собирал в хвостик по обыкновению своего народа, а потом подбирал в небольшой тугой пучок. Из широких рукавов темного халата виднелись шелковые подрывавники темно-красного, голубого и белого цветов, придавая наряду особую изысканность. На поясе – бронзовая чернильница и объемный кошель... Наргис немного смутилась, поняв, что ее любопытство выглядит неприлично, однако гость смотрел с благодушным пониманием, и его глаза лучились мягкой приветливостью.

– Да-да, – спохватился ир-Галейзи, суетливо подвигая Наргис скамеечку, на которую она присела. – Госпожа моя, это... мой старый друг и знакомый! Почтенный Лао Шэ впервые решил посетить Харузу, но мы... очень давно знакомы. Очень! Писали друг другу письма, да...

– Почтенный ир-Галейзи удостоил меня своей дружбой и вниманием, – снова поклонился чинец. – Он пригласил меня в Харузу, зная, что я давно мечтаю посетить прекрасную столицу вашей великой державы. Сердце мое полно радости и благоговения.

– Так вы впервые у нас? – переспросила Наргис, бросив взгляд на столик между ними, где чашки кофе и сладости стояли вперемешку с письменными приборами и какими-то свитками.

– Никогда прежде нога скромного ученого Лао Шэ не ступала на землю вашего города, – склонил голову книжник. – Если, конечно, так

не звали кого-то из моих братьев, – добродушно улыбнулся он, и Наргис тоже улыбнулась шутке.

Что-то в нем было удивительно располагающее, в этом Лао Шэ. Может быть, забавная чинская велеречивость. Или взгляд, умный, пронзительный, но веселый и с хитрецей. Или улыбка, что пряталась в уголках тонких губ.

– Тогда прошу вас быть гостем нашего дома, – сказала Наргис. – Если бы мой брат или дядя не отлучились, они бы сами пригласили вас. Но служба пресветлому государю нашему увела их далеко от Харузы, и я прошу вас не посчитать обидой приглашение от меня.

– Я сам хотел просить вас об этом, светлейшая госпожа, – приподнялся Лао Шэ и снова поклонился. – Прошу прощения, что явился незванным гостем, но почтенный мой собрат заверил меня, что великодушные хозяев этого дома не знает равных себе. Признаюсь, что таил некую надежду молить вас еще об одной милости...

– Почтенный Лао Шэ просил меня помочь ему в поиске кое-каких редких книг, – сообщил ир-Галейзи, наливая Наргис кофе.

Похоже, книжники так увлеклись беседой, что и про угощение забыли. Чашки стояли на столе пустыми и чистыми, ровная горка орехов в меду тоже была не тронута.

– Библиотека вашего дома славится далеко за пределами Великого шахства! – откровенно польстил, поблескивая глазами, Лао Шэ. – Если бы светлейшая госпожа позволила ознакомиться с некоторыми манускриптами эпохи Соловья и Зеркала...

– То есть времен шаха Ирукана, – перевел ир-Галейзи. – Скажу без хвастовства, в Харузе нет второго такого собрания этого времени. Светлейший Бехрам, да покоится он в свете, приумножил собрание книг, начатое еще его прадедом.

– Я охотно выполню желание гостя, – улыбнулась Наргис. – Вы можете брать любые книги в библиотеке, почтенный Амран в этом вам поможет. По обычаю этого дома книги нельзя только выносить за его пределы, остальное дозволяется.

– Какой мудрый обычай, – восхищенно покивал чинец. – Должно быть, он сберег вашей семье немало редчайших трудов! Сказано ведь, иные не украдут куска хлеба, умирая от голода, но не устоят перед соблазном взять книгу. Очень, очень мудро.

– Таково было завещание моего деда, – подтвердила Наргис, пряча улыбку. – Но вам не о чем беспокоиться, почтенный Лао Шэ. Я буду рада, если вы погостите у нас подольше.

Она пригубила кофе больше из вежливости, потому что хозяйке дома надлежит разделить угощение с гостем, чем действительно по желанию. Горячий горький кофе – это совсем не то, чего ей сейчас хотелось. А ведь она еще собиралась о чем-то поговорить с Амраном. И с Маруди... Ах, это было что-то очень важное! Или не очень, раз так легко вылетело из головы?

– Немедленно распоряжусь, чтобы вас устроили со всеми удобствами! – сказала Наргис, вставая и снова кланяясь. – Почтенный Амран, вас тоже прошу позаботиться о нашем госте.

– Я постараюсь как можно меньше обременять ваш гостеприимный дом! Мне так неудобно, у госпожи столько дел!

Чинец вскочил и принялся кланяться, так что Наргис едва смогла воспользоваться мгновенным перерывом в его поклонах и сбежать.

Выйдя из комнаты, она потерла лоб, недоумевая, зачем все-таки пришла к Амрану? Что-то ведь хотела, это точно! Но, так ничего и не вспомнив, вздохнула и отправилась к себе. Дела, у нее очень много дел! Свадьба Ирганы, разговор с Маруди, еще проследить, чтобы в спальне ковры поменяли... И Барса искупать! Он опять вымазался в саду. Какое счастье, что эта гора меха с таким удовольствием моется, а потом лежит на солнышке и сохнет. И вычесать его надо непременно! Тогда и шерсти меньше будет на коврах. Но Амран... Что же она все-таки от него хотела?

ГЛАВА 4. Между снегом и жарой

Стайка парней с хохотом и свистом тянула по улице здоровенную громыхающую арбу, распевая не слишком приличную песню о вдове, у которой было семь дочерей. Осенью в Нистале играли свадьбы, и обычай требовал, чтобы три дня от сватовства до начала подготовки к торжеству друзья жениха разыгрывали семью невесты.

Наверняка местные удалыцы с превеликими ухищрениями выкрали арбу и сначала тихо волокли огородами и садами, лишь затем выкатив на улицу, чтобы притащить на площадь. Отсюда повозку заберут родные невесты, громогласно ругаясь и обещая, что никогда красавица их рода не выйдет за это порождение тьмы, по недосмотру богов родившееся в приличной семье.

А в это время гордый жених придумает что-нибудь еще. Например, угонит корову своей возлюбленной и проведет по улице, разукрасив бусами и шелковыми лентами. Или, ухитрившись приручить сторожевых собак, ночью возведет на пороге ненаглядной каменную кладку, которая к утру так застынет, что освободить живущих в доме придется паре каменотесов. В общем, чем больше изобретательности и рвения будет в этих розыгрышах, тем больше чести девушке, ради которой так стараются. Ну и друзьям жениха есть куда направить буйную силушку, что кипит в молодых крепких телах...

— Раэн, ты меня совсем не слушаешь! Наверное, думаешь о возлюбленной, что оставил в Харузе?

Красивый синеглазый юноша лет девятнадцати-двадцати, устроившийся на куче подушек под яблоней, обиженно надул губы.

— Ну что ты, сердце мое, — рассеянно улыбнулся Раэн, прислушиваясь к удаляющимся звукам. — Увы, нет у меня никакой возлюбленной. Как ты думаешь, куда они поволокли эту громадину?

Его предположение насчет площади судя по всему оказалось неверным.

— К оврагу, конечно, — уверенно отозвался гость, мгновенно оттаяв и заулыбавшись. — Представляешь, каково будет ее оттуда вытаскивать? Будь я главой рода Кицхан, я бы потихоньку свернул

шею Фарису ир-Джейхану, как только Малик ир-Саттах посватался к их девушке.

Раэн вопросительно поднял бровь и пригубил чашку с горячим вином. Вечер сегодня был на диво хорош, а вино с пряностями и блюдо сладких треугольных лепешек из местной харчевни делали его еще лучше. Ну и гость, разумеется...

Еще в первый день, когда Раэн покупал еду, на вопрос о местных развлечениях трактирщик неодобрительно покачал головой и нравоучительно сообщил, что на приличных девушек и женщин здесь не принято заглядываться. Блудливых же девок в Нистале попросту не имеется, это вам не столица.

Но если у почтенного целителя загорится пониже пояса, а в карманах найдется пара монет на подарок, то можно свести знакомство с Камалем ир-Фейси. Только напоказ это выставлять не следует, у них в Нистале народ порядочный и целомудренный, не то что в этой вашей развратной Харузе. Того же Камалю, к примеру, порядочные люди обходят стороной, но если кто и стучится к нему в дом глухой ночью, так на посещение мужчины мужчиной в обычаях запрета нет, это не к женщине прийти. Вот с женщинами все строго!

Раэн на эту речь покивал, поблагодарил и попросил добавить к заказу пару кувшинов вина получше и что-нибудь лакомое. Мало ли кто заглянет на огонек, чтобы спасти бедного странника от скуки, рассказав ему о местной жизни и обычаях. Пусть даже и этот юноша, как же его... И звякнул о стойку дополнительной, сверх денег за еду и вино, серебрушкой. Трактирщик хмыкнул еще неодобрительнее, но вино со сладостями подал, причем даже неплохое, и цену завысил всего раза в полтора по сравнению с развратной Харузой.

А на следующий день, когда Раэн пил кофе, сидя на пороге нового дома, у забора остановился смуглый красавчик, одетый не по-нистальски ярко и нарядно – в голубую шелковую рубашку под цвет лазурных глаз и черные штаны с щегольскими замшевыми сапожками. Улыбнулся, приоткрыв две нити жемчуга, как пишут столичные поэты, и задорно поинтересовался, не будет ли господин целитель так любезен рассказать новости? Ой, а правда, что у пресветлого шаха, да хранят его боги, есть золотой верблюд, на котором государь катается по улицам Харузы? И говорят еще, что вместо навоза из этого верблюда сыплются розы, а плюется он серебряными монетами!

Может ли быть такое или тот проезжий купец наврал о столичных чудесах?

Рассмеявшись, Раэн признался, что волшебного верблюда у шаха и вправду нет, но если господину хочется послушать про настоящие чудеса Харузы... Юноша просиял, скользнул в калитку... и немало удивился, когда после приятного вечера за вином и закусками Раэн ровным счетом ничего не потребовал взамен. Похоже, целомудренные беседы в Нистале не очень ценились. Тем с большей радостью он принял приглашение заходить каждый вечер, и вот уже неделю Раэн ужинал, наслаждаясь беседой с наивным, но неглупым и славным парнишкой, который с радостью делился местными сплетнями.

— А в чем выгода убивать Фариса, если жених — Малик? — поинтересовался Раэн, вспомнив, что видел этого Фариса, местного заводилу и признанного вожака среди парней.

Знакомства, впрочем, у них не вышло, просто скользнули друг по другу взглядами.

— Выгода в том, что ир-Саттаху никогда в жизни подобного не придумать, — разъяснил Камаль, кокетливо теребя завязки на воротнике шелковой рубашки, сегодня синей, расшитой золотом. — Это все проделки Фариса, а Малик просто делает, что ему скажет ир-Джейхан. Вот увидишь, это только начало. Когда женился двоюродный брат Фариса, этот безумец угнал у семьи невесты стадо овец голов в сорок прямо с пастбища, а потом развесил их в мешках на высоченной чинаре. Овцам за полдня это ничуть не повредило, зато их хозяин чуть не поседел, пока освободил свою скотину. В одиночку Фарису нипочем бы такое не провернуть, но старый Джафар до сих пор не знает, кто украшал чинару его овечками.

— Зато ты это знаешь, правда? — Камаль лукаво улыбнулся и кивнул. — Интересно, а что Фарис придумает для тебя?

— Ну, Раэн, не говори глупостей! Неужели я похож на того, кто когда-нибудь женится?

Камаль ир-Фейси звонко рассмеялся, оценив шутку. Ревнитель нравственности, твердо уверенный, что мужчины должны быть мужественными, посчитал бы это златокожее синеглазое чудо ошибкой природы. Возможно, так оно и было. Но ошибка получилась прелестной и точно знающей свое жизненное предназначение, что крайне редко можно сказать о ревнителях нравственности.

Родись Камаль не в Нистале, а в охочей до порочных развлечений Харузе, он бы прославился и разбогател в одном из роскошных столичных домов удовольствий или стал «сердечным другом» кого-то из высокородных. И никакие соображения нравственности ему бы не помешали, поскольку юный Камаль попросту не понимал, что это за зверь такой – нравственность.

Разн подлил гостю вина и получил в ответ зазывный взгляд из-под густых ресниц. Что ж, хоть что-то скрашивало смертельную скуку его пребывания здесь.

Прошла неделя с того дня, как он снял очень уютный домик неподалеку от площади. Густые заросли терна, вдобавок увитые густой лианой, с трех сторон огораживали двор и длинный сад, выходящий к широкому оврагу. Колючки не позволяли пробраться через ограду ни зверю, ни человеку, а лиана скрывала владения от любопытных взоров, так что в небольшом дворике можно было хоть голышом бегать, хоть вызывать демонов, появившись вдруг у хозяина подобное желание.

А можно было попросту принимать такого гостя, как Камаль, который знал все обо всех в Нистале и не упускал случая попробовать на приезжем целителе свое незамысловатое кокетство. Не то чтобы Разн был так уж против, но эта игра томными взглядами и улыбками изрядно его забавляла, так что сдаваться он не торопился. Конечно, в искусстве тонких намеков Камалю было далеко до Надира, зато местный мальчик для удовольствий и ожидал от Разна намного меньше, радуясь подогретому вину со сладостями, как роскошному пиру, ловя каждую улыбку и ласковое слово, которыми его здесь, кажется, не очень баловали.

– Разн!

– Я слушаю, малыш. – Он мгновенно вспомнил последние слова Камалю, поймав ускользнувшую нить разговора. – Ты сказал, что Сейлем ир-Кицхан в бешенстве. И что он вообще терпеть не может Фариса, а теперь особенно. Почему? Что ему сделал Фарис?

– Через три дня, когда отец Лалины ир-Кицхан назначит день свадьбы, Малик поедет на торг покупать ей подарок. И все, кто сейчас дурачатся, поедут с ним, но только те, кто носят серебро на поясе. Сейлем тоже просился, он ведь родич невесты, но Фарис уперся, как

баран в дерево. Мол, кто он такой, чтобы ради него нарушать обычай, пусть сначала сменит медный пояс.

Эту традицию Нисталья Раэн уже знал. Подростки и юноши носили здесь широкие кожаные ремни с медными бляхами, которые меняли на серебряные, становясь мужчинами. Для этого следовало пролить кровь в бою, причем свою или чужую, не имело значения: способность достойно принять рану ценилась так же высоко, как умение нанести ее.

Пока этого не случилось, парень считался незрелым, сколько бы ему ни было лет, и ни один житель долины, будучи в своем уме, не показался бы на людях без пояса, по которому можно узнать о нем все необходимое от происхождения до личных заслуг. Это было так же немыслимо, как выйти на улицу голым, а то и еще немыслимее. Даже Камаль носил такой пояс, правда, не широкий, а узкий ремешок с ажурной медной пряжкой, больше похожий на девичий.

— Погоди-ка! — заинтересовался Раэн, вспомнив ладного пригожего нистальца с такими же синими глазами, как у Камалья, только темнее. — Фарис же сам носит медь, я видел.

— Медь, да не ту! — торжествующе заявил ир-Фейси. — Был у Фариса старший брат Фарид по прозвищу Талисман. И никак не мог бедняга встретить себе соперника. Он и коней пас в степи, и на торг ездил, и просто неделями пропадал за долиной, а все как заговоренный. Словно все беды его нарочно объезжали. Вот над ним и шутили: наш Фарид — лучший талисман от степняков. А когда все-таки встретил, оказалось — на беду. Сшибли его стрелой, да так, что сразу стало ясно, домой довезти живым не получится. Фарис, который с ним был, тогда уже два года серебро носил, а старший брат так и уходил к предкам в медном поясе. Вот он и поменялся поясами с умирающим Талисманом, чтоб тому в мире предков девушка не отказала. Есть такой старый обычай, он это позволяет. Но только теперь Фарису всю жизнь носить на поясе медь, пока внуков не женит. Свое-то серебро он отдал, и медь только на золото поменять может. Правда, взрослым он все равно считается, все ведь знают, что серебряный пояс у него был.

— Справедливо, — задумчиво признал Раэн. — А весело у вас играют свадьбы, мне нравится.

Он усмехнулся, представив, во что вылились бы подобные розыгрыши у него на родине, в мире, где у каждого есть та или иная

магическая сила. Ох, пожалуй, о таком и подумать страшно!

Камаль закинул в рот еще один кусочек лукума, начиненного орехами, и прикрыл глаза от удовольствия. А Раэн в который раз подумал, что Нисталь – интересное место, но он-то сюда приехал не отдыхать, изучая местные обычаи, а ждать игру Равновесия. Халид, наверное, давно добрался до Аккама, а здесь ничего не происходит, и Нисталь напоминает подвешенный над очагом котелок, который ни за что не закипит, пока на него смотришь. Хм, а может, отвести от него взгляд?

– Камаль, а правда, что у вас тут поблизости есть пещеры, где можно найти горную смолу? – спросил он. – Раз уж ты не едешь на торг, может, покажешь мне их?

– Пещеры? – Нисталец задумался. – Ну да, есть. Я там был, в них темно, холодно и воняет. Наверное, этой самой смолой.

– Пожалуйста, Камаль. – Раэн улыбнулся ласково и просительно. – Я же городской житель, вдруг заблужусь в этих холмах и буду выбираться из них до зимнего солнцестояния?

Это, конечно, было наглым враньем. Даже если бы Раэна неделю таскали с мешком на голове по незнакомым горным тропам, а потом бросили где-нибудь в скалах, возможно, какое-то время он и поплутал бы. Возможно, однако совсем не обязательно! Скорее, нашел бы обратную дорогу с уверенностью пчелы, летящей на запах меда. А уж заблудиться в известняковых холмах, всего в часе конного пути от долины?! Будь он способен на такое, не носил бы прозвище Раэн, что значит «Бродяга». Но вранье было хоть и наглое, однако не впрямую, а это он мог себе позволить.

– Ну, ладно, – с притворным унынием согласился Камаль. – Но только тебе придется позаботиться, чтобы я не скучал!

Он соорудил глазки, с такой неподражаемой лукавой наивностью хлопая ресницами, что Раэн невольно восхитился. Положим, у него самого ресницы ничуть не хуже, в детстве и юности соученики немало потешались над этим. Однако трепетать ими с подобным искусством он не умел. Непременно следует перенять: иногда нет ничего полезнее, чем прикинуться таким вот легкомысленным мотыльком-однодневкой, безопасным и вызывающим лишь снисходительную улыбку.

Он помог встать Камалю, который при этом ухитрился прижаться к нему всем телом, и проводил юношу до калитки. Вдалеке

раздавались голоса, на все корки честящие проклятого богами Малика и мерзкое отродье Фариса, чтоб земля расступилась и поглотила их обоих. Похоже, кто-то из семьи Кицхан не просто обнаружил пропажу арбы, но и выяснил, какая участь ее постигла.

Вечернее солнце заливало долину теплым светом, и, если не считать этих воплей, все дышало таким умиротворением, что Раэн замер на пороге дома, не в силах сделать шаг внутрь. «Слишком тихо, — билось у него в висках. — Слишком хорошо. Слишком спокойно. Что-то идет... что-то идет... что-то...»

* * *

Простыни казались раскаленными, и Надир перевернул подушку, чтобы поймать хотя бы несколько мгновений прохлады. Прижался к тонкому полотну пылающей щекой, закрыл глаза... Снова бессонная ночь, снова метаться по постели в горячке, которую не утолить ни водой, ни вином. Оставалась еще саншара, но эту дрянь он твердо решил выбросить, как только сможет это сделать потихоньку от слуг. В доме местного управителя к светлейшему наibu и его племяннику все почтительны и внимательны — даже слишком.

Подушка мгновенно нагрелась, и Надир снова перевернул ее, хотя вторая сторона не успела остыть. Ну зачем было так топить?! А слуги все твердят одно: скоро придут холода. Какие холода в месяц Желтых трав? Еще вчера в саду пели цикады... В Харузе и вовсе розы еще не отцвели! А эти полоумные смотрят сострадательно, кланяются и клянутся, что каждый год примерно в эти дни Степь гонит первые снеговые тучи. И подкладывают, подкладывают дрова в очаг, так что воздух наполняется сухим жаром, от которого тело слабеет. И очаги в каждой комнате! Неужели зимы здесь и вправду настолько суровые? И даже со снегом?!

Он сам видел снег в детстве лишь пару раз, когда отец совершал паломничество в северный храм Белой богини. Матушка тогда тяжело болела, и кто-то из лекарей, бессильных облегчить ее страдания, поклялся своей доброй славой, что у жриц Госпожи снегов есть лекарство от этого недуга. Наргис, конечно, оставили дома, она же девочка, а вот Надира отец взял с собой, и весь долгий путь он провел, читая книги, беседуя с отцом, жадно разглядывая каждый новый город

на пути, пока они не слились воедино, похожие друг на друга и все-таки неуловимо разные, как жемчужины в ожерелье.

Снег... Да хоть бы он выпал поскорее! Все-таки лучше, чем жара.

Рывком повернувшись, он уставился в потолок, на котором смешались блики от огня в очаге и темные тени. Единственная свеча давно погасла, больше света в комнате не было, и Надир откинул тонкое шелковое покрывало, разметавшись на постели, раскинув руки и ноги. Все равно никто не видит!

Все так же глядя вверх, он провел ладонями по телу, привычно убеждаясь в совершенстве его очертаний и упругой гладкости кожи. Никто, обладающий зрением и разумом, не скажет, что последний в роду ир-Даудов нехорош собой! И глаза под пушистыми ресницами яркие, и волосы вьются тугими смоляными кольцами, и губы свежи... И даже нет нужды смотреть в лукавые зеркала, что всегда скрывают какой-то недочет. Лучшее зеркало – глаза мужчин и женщин, которые восхищаются его красотой. Сказано же поэтом, что для сердца нет привязи надежней, чем та, что соткана из влюбленных взглядов.

Но почему же всего этого мало?! Почему тот, кого Надир больше всего хотел бы видеть рядом, снова уехал, оставив лишь смутное и небрежное обещание вернуться? Вернуться для чего?! Чтобы опять вести тайные разговоры с дядей и Хазретом, в которые Надира посвятить отказался? Чтобы молчал на вопросы, улыбаясь то загадочно, то виновато? Чтобы иногда смотрел так странно, словно видит не Надира, а кого-то другого? Знать бы – кого?!

И чем этот неизвестный и далекий лучше? Неужели смеется звонче или целуется слаще? Может быть, он целомудренно недоступен или, напротив, так страстен, что Надиру до него далеко? Чем он привязал Раэна, какими тайными умениями?

И почему, о великие боги, никак не удастся выкинуть из головы этого проклятого джинна, укравшего сердце Надира?! Мыслимое ли дело ему, светлейшему наследнику высокородной семьи, грезить о любви странного чужестранца, то ли шпиона, то ли мага и лекаря, то ли все вместе? Ждать его, не спать ночами, метаться в постели, томясь телесным и душевным голодом...

– Нет, – прошептал Надир. – Да нет же!

Вскочил с постели, кинулся к окну и приоткрыл плотный деревянный ставень, не думая, кто во дворе может увидеть нагой

силуэт, освещенный пламенем очага. В лицо ударил воздух, показавшийся ледяным, и Надир глотнул его торопливо, как умирающий в пустыне – воду. Отдышался, наслаждаясь холодом, пока не замерз, и лишь тогда шагнул назад, в тепло комнаты.

– Нет! – повторил негромко, но уверенно. – Любовь? Какая глупость! Да, я желаю его в своей постели. Хочу утолить жажду обладания... но не больше! Он ведь обманывает меня молчанием так же верно, как дядюшка – глупой детской ложью и недомолвками. Так разве я могу ему доверять? Я же спрашивал!

О да, когда они вернулись после той грозы в безопасный тихий дом, Надир готов был сердце вынуть и бросить под ноги возлюбленному, чтобы тому мягче было ступать. И хотел всего лишь правды! Но Разн, улыбнувшись, покачал головой и шепнул, что не для всех ответов на вопросы пришло время. И сказать он может лишь одно, что не желает зла ни Надиру, ни его семье, а остальное в воле богов. Богов! Да кому они нужны, эти боги, равнодушные к делам смертных?!

С размаху сев на кровать, Надир спрятал лицо в ладони, чувствуя, как оно горит, и даже холодный воздух ничуть не остудил кипящую в теле кровь. Боги, судьба, тайны... Будь оно все проклято! Он простил бы что угодно! Даже окажись Разн шпионом верховного предстоятеля, как прямо сказал Хазрет, это было бы не страшно! Надир сам сын визиря, он понимает, что шпионы, стражники и палачи необходимы для жизни государства, как целители для поддержания здоровья тела.

Признайся Разн, что его прислали сюда втереться в доверие и следить за Надиrom – ну что ж, и такое бывает. Но что это за шпион, то и дело исчезающий куда-то? А дядя знает что-то важное, но не говорит, упрямый старый осел! И все чаще кажется, что вокруг сжимается темная сеть, которая вот-вот спутает по рукам и ногам...

– Я должен узнать правду, – проговорил он, страдая от бессильной горькой обиды. – Я должен узнать о нем все. И либо вырвать с корнями эту колючку, что заплела мне душу, либо... Я сын визиря, в конце концов! Никто не будет использовать меня, словно неразумное орудие! Что бы сделал отец на моем месте?

Он старательно отогнал подлую предательскую мысль, что Солнечный визирь ир-Дауд никогда не оказался бы в такой паутине лжи и предательства, слишком велика была его мудрость и

осторожность. С силой провел ладонями по щекам, стыдясь своей слабости и глупости. Нашел, по кому сходить с ума!

Но в самом деле – по кому?

Снова вскочив, Надир голым, как был, метнулся к столику в углу, где стоял письменный прибор – дядюшка днем велел сделать кое-какие заметки... Зажег свечу, торопливо нашел чистый лист бумаги и задумался, с кем можно отослать письмо в Харузу. Сделать это без ведома дядюшки вряд ли получится, однако он ведь не узник здесь! Мало ли кому из друзей решил написать, поделившись рассказом о путешествии? Но что, если дядюшка захочет письмо прочитать? Значит, надо отправить его как можно скорее, пока он не здоров и не занимается делами! Прямо утром! Или... да хватит уже думать, как влюбленный мальчишка, в первый раз оставшийся наедине с предметом страсти! Осел! Чему тебя учил отец?

Перо забегало по бумаге, и строчки полились сами собой.

«Милый друг... ах, участь моя печальна, потому что в этой глуши никаких развлечений... погода хуже, чем в пустыне, жара сменяется грозами, а зной – холодом... Мой почтенный дядюшка столь суров, что не позволяет никаких вольностей... Помнишь ли, дорогой друг, веселые счастливые дни в Харузе...»

Строчка за строчкой, глупость за глупостью, щедро приправленные обидой на дядюшку и тоскливыми излияниями, как же здесь отчаянно скучно! Тот, кому это предназначено, не может не понять, что Надир никогда не стал бы писать такое откровенно пошлое письмо без особой цели. О, он умен! И особенно на руку сейчас, что они с Надиром никогда не были близки напоказ. Так, пара тайных встреч, о которых почти никто не знает...

Но этот человек – настоящий друг, проверенный бедой! Когда-то он предложил свою помощь в деле, о котором Надир до сих пор боялся даже вспоминать. Правда, проговорился при дядюшке и Хазрете, признавшись, что уже открыл счет убитым врагам, но его обмолвку наверняка посчитали пустой похвальбой – и это к лучшему! Есть тайны, которые надо хранить в самых дальних уголках памяти.

Он перечитал письмо и в конце, подумав, дописал:

«... еще прошу вас, любезный друг, приобрести для меня новую поэму блистательного ир-Ховеиди, которая называется «Молочная река в раскаленном песке». Она так мала, что поместилась бы на

обратной стороне моего письма, и я льщу себя надеждой, что вам не составит труда ее раздобыть и прислать. Остаюсь вашим преданным слугой...»

Присыпав чернила песком, чтобы сохли быстрее, он накинул халат и выглянул в коридор. Два охранника, недавно сменившиеся у двери, встрепенулись, показывая, что глаз не сомкнули и вообще бдительны, словно коты, сторожащие мышиную нору.

– У меня болит горло, – бросил Надир. – Сходите на кухню и принесите молока. Только без меда и масла, чистого!

– Да, светлейший, – поклонился тот, что был помоложе, и кинулся исполнять распоряжение.

Надир вернулся в комнату и снова подошел к окну. Оттуда явственно тянуло холодом, пожалуй, уже не таким приятным, как раньше. Комната проветрилась, и в ней было гораздо легче дышать.

«Ну вот, – обратился он к себе. – И стоило так мучиться? Следовало всего лишь открыть окно ненадолго! Многие беды, что кажутся нам непосильными, решаются так же легко и без всяких усилий, стоит за них взяться».

Он плотнее запахнул халат и подождал, пока в дверь постучит вернувшийся охранник. Взял кружку горячего молока, благосклонно кивнул и снова запер дверь...

Пальцы дрожали от нетерпения, но пришлось дожидаться, пока чернила письма высохнут. Закусив губу, Надир перевернул лист, обмакнул чистое перо в молоко и принялся писать им, тщательно выводя каждое слово, тут же исчезающее вслед за пером:

«Дорогой друг, если ты читаешь это, мое восхищение твоей догадливостью уступает лишь моей же благодарности. Умоляю тебя об услуге, за которую буду твоим вечным должником, хотя еще не рассчитался за прошлую. Но и просьба моя, надеюсь, в этот раз доставит тебе меньше беспокойства. Мне нужно узнать все возможное о бродячем целителе и маге по имени Арвейд Разн, чужестранце, который, возможно, служит верховному предстоятелю ир-Шамси. Все, что сможешь поведать, передай как можно быстрее и в полной тайне от моего дяди любым способом, какой сочтешь надежным. Остаюсь твоим другом и должником, Надир».

Он подул на листок, чтобы бесцветные буквы окончательно высохли. Положив его в конверт, разогрел на свече кусочек воска,

заклеил письмо и прижал перстень-печатку с родовым знаком ир-Даудов. Если дядя пожелает прочитать, следует оскорбиться, но позволить, пусть потом чувствует себя виноватым за недоверие к племяннику. Ведь в письме ровным счетом ничего особенного! А поэма со странным названием... Ну так дядюшка в поэзии не силен. А тот, кому предназначено послание, легко догадается нагреть его обратную сторону и прочитать скрытое.

Его друг... Впрочем, Надир вовсе не был уверен, что этого человека можно назвать другом. Они никогда не поверяли друг другу тайны, не проводили время за беседой, даже почти не разговаривали. Но... однажды Надир попал в беду. Такую лютую, что нынешние неприятности по сравнению с ней подобны мошкам рядом с шершнем.

И этот человек, почти случайно обо всем узнав, предложил помощь, которой Надир не посмел бы попросить ни у кого. Его самая страшная тайна и величайший стыд оказались во власти чужого ему человека! Того, кто спас Надира, ничего не попросив взамен, никогда ни словом, ни делом не напомнив о грязной и опасной тайне, что их связала. Так кому же еще он мог довериться снова? Сказано ведь, что над пропастью следует идти по проверенному мосту!

Обмакнув перо уже в чернила, Надир написал на конверте: «Доставить на улицу Первых Роз, в дом ир-Джантари, лично в руки почтенному господину Джареддину».

И облегченно выдохнул, радуясь так вовремя пришедшей удачной мысли. Джареддин – придворный чародей, он должен знать всех сильных магов, да и Раэна никак не назовешь неприметным! И вскоре Надиру будет известно достаточно, чтобы принять решение.

ГЛАВА 5. Ашара

Прогулка в холмы, окружившие Нисталь, удалась на славу. Камаль, правда, едва не обиделся, когда понял, что они действительно приехали за горной смолой. Он-то считал поездку поводом остаться наедине вдали от любопытных глаз и ушей, а Раэн так разочаровал беднягу. Впрочем, долго расстраиваться Камаль не умел. Пока маг, посмеиваясь про себя, соскребал потеки драгоценного зелья со стен небольшой пещеры, нисталец развел рядом с пещерой костер, достал из корзины печеную ягнятину, вино и лепешки с сыром, расстелил толстое шерстяное покрывало, подбитое мехом, и улегся прямо на него, ничуть не смущаясь тем, что день выдался холодный.

Однако просто лежать ему показалось скучным, и Камаль, прихватив коробочку с ореховым лукумом, перебрался к самому входу в пещеру и сел на камень, лениво наблюдая за спутником. День уже перевалил за полдень, и Раэн торопился набрать как можно больше «горных слез», уже предвкушая, сколько полезного из них сделает. Конечно, «горные слезы» можно с легкостью купить в Харузе, но здесь они свежайшие, чистые, вон как морщится Камаль от резкого дурманного запаха, заедая его лукумом.

– А почему у тебя нет возлюбленной? – поинтересовался Камаль, которому просто сидеть рядом тоже быстро надоело. – Ты красивый и веселый. Да и ремесло у тебя почтенное, а если заслужил храмовый знак раньше, чем седина пробилась, значит, скоро будешь богатым, и твоя семья станет жить в достатке. Не понимаю, как тебя еще никто не поймал в любовные сети? Разве в Харузе девушки не имеют ни глаз, ни ушей?

– О, и глаз, и ушей у столичных девушек предостаточно, – отозвался Раэн, закрывая коробку со смолой плотно подогнанной крышкой. – Только я слишком часто уезжаю из Матери Городов. Не люблю сидеть на месте. В мире столько прекрасного, хочу увидеть как можно больше. Ну какой из меня получится муж и отец?

– Это верно, – с неожиданной рассудительностью согласился Камаль. – Семья, она как сад, постоянного присмотра требует. Но чем ты хуже купца, который водит караваны в Чину или Вендию? Говорят,

они иногда годами дома не бывают. Бедные люди! Не видят, как растут их дети, да и самим детям и женам несладко. А все-таки семьи у них есть!

– Но я уж точно не хочу, чтобы мои дети росли без меня, – улыбнулся Разн. – Так что придется прекрасным девушкам подождать, пока я не увижу весь мир. Вот тогда и остепениться можно будет. Полей мне на руки, малыш, не сочти за труд.

Вскочив, Камаль сбегал за кувшином с водой, помог отмыть липкую черную смолу, а потом подал полотенце.

– Хочешь, я мясо разогрею? – предложил он, заглядывая Разну в глаза. – И лепешки можно поджарить на углях... Жалко, придется скоро возвращаться, но поесть мы еще успеем.

– Обязательно успеем, – согласился Разн. – А зачем уезжать так рано? Ты ведь говорил, что можешь побыть со мной до самого вечера. Или твои родители, пусть будут они здоровы, велели вернуться пораньше?

– Мои родители? – удивился Камаль. – Какое им дело до того, где я и с кем? Жив – и хорошо. Но если умру, плакать тоже не станут, по таким, как я, добрые люди слез не льют. – Он искоса взглянул на Разна и тут же спохватился: – О, прости... Не хватало мне еще жаловаться! С горькими словами даже мед невкусным станет! Прошу, забудь мою глупость!

– Ничего плохого ты не сказал, – помолчав, ответил Разн и, потянувшись, погладил черные блестящие волосы, которые Камаль никогда не повязывал косынкой, как остальные нистальцы. – Беседа без правды, как еда без соли, а правдивые слова должны идти от сердца.

Мальчишка потянулся за его рукой и на мгновение замер, а потом улыбнулся, будто просяив изнутри, и вздохнул:

– Станный ты, Разн... Я таких еще не видел. Даже самые щедрые из наших мужчин все равно за свою щедрость требуют в ответ... ну, сам понимаешь, чего можно от меня захотеть. И приходят за этим ночью, когда никто не видит, а днем на улице мимо пройдут, здоровья не пожелают. А ты мало того, что не стыдишься меня при всех, так... тебе ведь и стыдиться нечего. Если кому скажу, что ты меня который день угощаешь просто так... За стол сажаешь,

разговариваешь, как с дорогим гостем... Кто мне поверит? Сам себе не поверил бы!

Поймав руку Раэна, он прижался к его ладони щекой, но почти сразу отпустил ее. Смуглое лицо залилось краской, и Камаль посмотрел так доверчиво, что Раэна передернуло от стыда и бесполезной жалости. Ох уж эта нистальская добродетель!

Нет, Камаль действительно не жаловался, но и скрывать ничего не умел, так что из его бесхитростных рассказов и обмолвок Раэн давно знал правду. Семья попросту махнула на мальчишку рукой, смирившись с природой неудачного отпрыска, как смирилась бы со слепотой или уродством. Ему выкупили отдельный дом подальше от общей усадьбы и время от времени отвозили туда дрова и кое-какую утварь.

Всем остальным Камаль великодушно снабжали добрые нистальцы. Его же ровесники, у которых распирает в штанах, а девушку, даже собственную невесту, до свадьбы пальцем тронуть нельзя. Вдовцы, еще не успевшие приглядеть новую жену. Почтенные отцы семейства, что потихоньку бежали в домик на окраине за особым удовольствием, которого не получишь от таких же почтенных и тоже добродетельных жен. Всем известно, что есть постельные улады, которых не позволяют приличные женщины, а с такими, как Камаль, разрешено все. За кусок свежей или копченой баранины, круг сыра или отрез полотна на рубашку можно остаться добродетельным, потому что виноват во всем – ну ясно же! – испорченный мальчишка, полный греха и не знающий стыда.

Раэн смотрел, как Камаль хлопчет у костра, и не знал, что здесь можно исправить. Увезти парнишку в Харузу? А будет ли он там счастливее? Хорошо, если найдется человек, способный принять и полюбить Камаль таким, какой он есть, а если нет? В столице куда больше соблазнов, а Раэн не сможет постоянно быть рядом. Как бы не сделать хуже. И, главное, захочет ли сам Камаль уехать из Нисталя?

– Раэн? Вот, возьми!

Камаль снял с угляй и протянул ему прутик с разогретой ягнятиной, подал лепешку. Второй такой же взял себе и впился зубами в нежное мясо. Прожевал с наслаждением, лукаво посмотрел на Раэна.

– А на зиму ты тоже у нас останешься? Зимой ночи длинные, заскучаешь, если никто не станет греть тебе постель...

– До зимы еще далеко, – шутливо возразил Раэн. – Когда у вас выпадает первый снег?

– Да сегодня же выпадет, – удивился Камаль. – Поэтому домой и надо ехать. – Посмотрел на изумленно вскинувшего брови Раэна и рассмеялся: – Что? Неужели правду говорят, что в других местах люди никогда не знают погоду заранее? Как ее можно не знать? Мы всегда собираем стадо раньше, чем тучи покажутся на небе, иначе не успеть уйти от непогоды.

Раэн растерянно посмотрел на самое обычное небо, серо-голубое, слегка подернутое облачной дымкой, но не предвещающее непогоды. Снег? Сегодня? Ему говорили, что в Нистале погода меняется внезапно, однако чтобы настолько?!

– Ты точно знаешь, что пойдет снег? – переспросил он Камалю, который сидел у костра в своей обычной нарядной одежде, только на плечи накинул куртку из плотной шерсти. – Откуда?

– Ветер им пахнет, – беспечно ответил нисталец. – Степной ветер всегда пахнет снегом или дождем раньше, чем они начнутся. Вот сейчас поедим, и надо собираться домой, а то замерзнем.

Раэн снова перевел взгляд на небо, безмятежное и фальшивое, как нистальская добродетель. Может, и правда он принял за дурные предзнаменования обычный приход зимы? Но как быть с тем, что последние дня два его постоянно что-то тревожило, не давая полностью забыться даже во сне. Что-то на самой границе сна и яви, неясное предчувствие грядущей беды, вползающее в сознание исподтишка, но неотвратимо. Не заметить это ощущение Раэн не мог, но и определить его точнее не получалось: ничто в Нистале не предвещало неприятностей. Набег степняков? Землетрясение? Неожиданная эпидемия? Нет, это все несчастья настоящие, житейские и не могут иметь отношения к тому, зачем он приехал. Тогда что?

Он быстро съел мясо, почти не чувствуя вкуса, зажевал его лепешкой и выпил несколько глотков вина. Камаль тоже расправился со своей долей, встал и звонко свистнул. Его вороная кобылка, статная, как все лошади нистальской породы, встрепенулась и тихо заржала, гнедая Раэна бросила куст, который ошипывала, и посмотрела в их сторону.

– Ну вот, сам видишь...

Камаль кивком указал в сторону степи, где край неба уже затянула густо-фиолетовая туча. Самая обычная туча, насколько Раэн мог судить! Но ему вдруг нестерпимо захотелось как можно быстрее собрать вещи и мчаться в Нисталь.

– А хочешь, пересидим снегопад в пещере? – жизнерадостно предложил Камаль. – Сушняка много, можно палить вволю. Одеяло есть, еды и вина хватит... Переночуем и вернемся завтра. На Иллай дорогу точно завалит, но нам-то ехать по ровному. Ну?

Раэн молча помотал головой, лихорадочно быстро сбрасывая всякую мелочь в дорожную сумку. Камаль, вздохнув, принялся подтягивать подпругу на своей лошади. Вот и хорошо, вот и умница... Раэн глянул на небо: туча ползла так стремительно, что это уже пугало. Отсюда до въезда в Нисталь час пути ровным конским шагом. Да по долине еще столько же до его дома. Придется лошадкам выложиться, иначе не успеть!

Что именно он не успевает, Раэн не знал, но легче от этого не становилось. Ах, как хорошо его в свое время научили чувствовать беду. Знать бы еще, откуда она идет!

Ответ явился в ту же минуту с гулким топотом копыт прекрасного степного рысака. Всадник, нещадно погоняющий взмыленного гнедого, вылетел из-за поворота дороги и резко осадил жеребца.

– Сейлем?! Что случилось?

Сейлем? Ах да, медный пояс... Брат невесты, которого не взяли на торг. Камаль, замерев с одеялом в руках, о чем-то спрашивал нистальца лет двадцати с лишним, одетого по местным меркам богато и в нарядном, действительно усыпанном медными бляшками поясе, а Раэн, почти не слыша их разговор, бессильно прикрыл на мгновение глаза. Он оказался прав, покинув Нисталь всего на день. Сердце снова билось ровно, и щемящая тревога пропала, поскольку в предупреждении больше не было нужды. Все уже случилось... Первый ход в игре сделан.

– Возвращайтесь, целитель. Степняки рядом. Отец велел предупредить вас, чтобы не случилось беды.

Отец? Глава рода ир-Кицхан, которого Раэн даже не в лицо не знал? Откуда он... Впрочем, в небольшом поселении все на виду, а трактирщик знал, что они с Камалем собираются за «горными слезами», да и по дороге их могли видеть. Что ж, позаботиться о госте,

который не знает местных опасностей, это дело понятное. Но почему Камаль так перепуган? Мальчишку трясло, он смотрел то на Сейлема, то на Раэна широко распахнутыми глазами, вцепившись в одеяло так, что пальцы побелели.

– Раэн... – выдавил он, но тут же смолк.

– Малик ир-Саттах погиб. И все, кто с ним были. Степняки догнали их у Девичьего родника, – повторил Сейлем ир-Кицхан то, что успел уже сказать Камалю.

– Погибли? Все? – почти беззвучно, одними губами переспросил Камаль.

– Вообще-то, нет. – Ир-Кицхан произнес это с какой-то особенной гадкой ласковостью и, снова повернувшись к Камалю, добавил: – Твой драгоценный Фарис остался жив. Один из всех. Представляешь, какая удача!

Золотисто-медовую кожу Камалья стремительно заливала бледность, а Сейлем продолжал:

– Он примчался без единой царапинки и выложил сказку, как у Девичьего родника их накрыло серебристое облако, и все вокруг стали падать под ливнем стрел. Причем никаких степняков поблизости якобы не было, а наш храбрец видел стрелу, летящую в него, но она исчезла, так и не вонзившись.

До чего нехороший у него был голос! Торжествующий... Раэна передернуло от волны злорадной ненависти, которую излучал этот парень.

– А потом ир-Джейхан увидел, что они мертвы, и кинулся рассказать, что случилось. И действительно, Малика и всех остальных нашли со следами от стрел. От степняцких боевых стрел! Кто бы мог подумать?

– Он не мог, Сейлем... – простонал Камаль.

– Не мог?! – все-таки сорвался в крик ир-Кицхан. – Шакалье дерьмо твой Фарис! Бросил их и ускакал! Все знают, что у него лучший конь в долине! Хоть бы придумал что-нибудь поумнее, а то нес полный бред про серебряные облака и тающие стрелы!

– Вы точно знаете, что Фарис ир-Джейхан лжет? – вежливо поинтересовался Раэн.

Сейлем глянул на него так, словно только сейчас заметил еще чье-то присутствие.

– Я знаю, что Фарис ир-Джейхан – подлая тварь! – бросил он. – И что простой смерти за это мало. Жаль, отец мне запретил, я бы с огромным удовольствием отвязал подонка от столба.

Камаль побледнел еще больше, хотя только что Раэну это казалось невозможным.

– Столб...

– А что же еще? Или ты знаешь другое наказание для труса? – Сейлем жестко усмехнулся. – Я смотрю, вы уже собрались домой? Вот и хорошо: может, успеешь с ним попрощаться. Ты ведь не брезгливый, а, Камаль? Догоняйте!

Он зло хлестнул гнедого и рванул назад по дороге. Глаза Камалю наполнились слезами, которые он и не пытался сдерживать, прозрачные ручьи хлынули по щекам. А туча напоздала все быстрее, уже зависнув над долиной.

– Тихо! – рявкнул Раэн. Отобрав у парнишки одеяло и бросив на землю, он развернул безвольно обмякшего Камалю и прижал к себе, заглядывая в глаза. – Расскажи мне, – мягко попросил, краем глаза поглядывая на тучу, уже закрывшую большую часть неба. – Что это за столб?

– У нас не казнят, как везде, – тусклым голосом отозвался нисталец. – Нельзя осквернять свою землю кровью. Видел столб на площади? Это для убийц, насильников, предателей... Человека просто привязывают к нему и оставляют... Хорошо, что сейчас зима, – закончил он совершенно без интонаций.

Зима? Ну да, пожалуй. Сколько может прожить привязанный к столбу человек без пищи и воды? Летом его сравнительно быстро убьет солнце, а вот весной и осенью, когда прохладно, мучения могут тянуться долго, очень долго. Милосерднее всего смерть оказывается зимой. Да еще снегопад надвигается.... И никаких расходов на палача, зато какой урок всему Нисталю!

Раэн стиснул зубы в судороге ледяного бешенства. Возможность судебной ошибки даже не рассматривается? Интересно, а как они терпят крики обреченного? Затыкают ему рот? Или наоборот, все должны слышать их и понимать, что они означают? Ладно, это выяснять он не собирается, но было еще кое-что, задевшее в словах Сейлема...

– Почему Сейлем хотел отвязать ир-Джейхана? Зачем ему спасти своего врага?

– Спасать? – Камаль попытался усмехнуться, но ничего не вышло. – Это хуже смерти, Разн. Если осужденного отвязать от столба, он становится ашара.

Он сделал ударение на последнем слого, и Разн нахмурился – слово было совершенно незнакомым.

– Ашара? Это что за гадость?

– В Нистале нет рабов, как в других землях, – тускло пояснил Камаль. – Но ашара – хуже раба. С ним нельзя разговаривать, и сам он ни с кем не заговорит, пока хозяин не позволит. Самая тяжелая, самая грязная работа – ему. Есть обеды, спать где-нибудь в сарае со скотом, побои терпеть только за то, что хозяину не на ком зло сорвать... Понимаешь? А если молодой красивый парень, как Фарис, так это еще хуже. Хозяин и сам развлечется, и друзьям предложит... Лучше умереть, чем надеть ошейник ашара, – закончил Камаль, не глядя на мага.

– Вот уж не думал, что в Нистале возможно такое, – медленно проговорил Разн.

– С человеком – нет. И даже со мной нельзя. Я все-таки свободный нисталец, могу отказать любому, если захочу. А это не человек, это ашара, с ним что угодно можно сделать. Хорошо, что Сейлему запретил отец, иначе он бы на Фарисе вволю за все отыгрался. У них с детства вражда...

– Понятно. – Разн судорожно вдохнул и выдохнул студеной воздух. – Давай-ка домой. Буря вот-вот начнется.

Ветер и в самом деле крепчал. Вот упала первая снежинка, за ней еще одна. Так...Теперь только бы не ошибиться. Бросить чары спокойствия на Камалю, чтобы не наделал глупостей.... До Нисталю час? И еще час до площади? Если галопом, переходя на рысцу по необходимости, когда лошади устанут, то намного быстрее! Главное, что нет больше мерзкого ощущения безнадежности происходящего. Только нужно очень торопиться, чтобы кто-нибудь не осуществил ту же идею.

Сколько еще нистальцев, кроме Сейлема ир-Кицхана, таят обиду на Фариса за дурацкие шутки и розыгрыши? Сколько тех, кто смертельно завидовал молодому удачливому красавцу, кумиру всех

парней долины? И сколько тех, кто просто не откажется от возможности заполучить живую игрушку, над которой можно измываться в свое удовольствие?

Оказалось, нисколько. Фигуру у столба Раэн заметил, едва въехал под арку. Высокий плечистый парень, привязанный за запястья, почти висел, упираясь в мостовую лишь носками сапог, непокрытая черноволосая голова бессильно свесилась.

Раэн спрыгнул с лошади, хлопнул ее по крупу, и умная животинка, тихо фыркнув, спокойно пошла к выходящей на площадь садовой калитке, которую он никогда не запирает. Ничего, стойло она сама найдет и постоит часик не расседланной, пока у него дела поважнее. Хорошо, что дом совсем рядом – удачно. И хорошо, что Камаль послушался просьбы, приправленной толикой магического убеждения, и не поехал сюда, свернув к своему дому на окраине. Незачем впутывать мальчика в эту историю еще глубже. Как бы ему и так не досталось за эту поездку и вечера в компании чужака.

Вспоминая старейшин Нисталя нехорошими словами, Раэн разрезал веревки, искренне надеясь, что по местным ритуалам их необязательно развязывать: узлы сыромятных ремней на морозе насмерть задубели. Тяжелое тело рухнуло ему в объятия, на бледном лице медленно, с трудом таяли крупные снежинки, но, кажется, Раэн успел вовремя.

Просто нехороших слов хватило ненадолго, и, втаскивая парня в дом, он ругался на трех языках одновременно так, что пьяный боцман пиратской галеры позеленел бы от зависти. Щелчком пальцев растопив очаг, Раэн уложил рядом с ним нистальца и принялся его раздевать. Ледяную куртку – в сторону, стянуть штаны и узкие сапоги, потом рубашку.... Ребра бесчувственного Фариса были покрыты кровоподтеками, запястья и лицо распухли, а левый глаз полностью заплыл. Следы народного возмущения, надо полагать. Ну, могло быть и хуже. Могли и насмерть забить, пожалуй, но сдержались – оставили в живых для назидательной казни.

Раэн попытался представить, что сделает, если Фарис действительно окажется трусом и предателем, заслужившим казнь. Представлять не хотелось... Что бы ни говорили местные жрецы Света и философы его далекой родины, далеко не все заслуживают милосердия и великодушия. А вот справедливости – все.

И он собирался для начала разобраться в том, что случилось. В конце концов, одна-единственная минута слабости и трусости – это совсем не обязательно погубленная душа. Безгрешных людей вообще не бывает. Ему ли, подарившему жизнь наемному убийце, этого не знать?

Натирая слегка обмороженные пальцы спасенного остро пахнувшей мазью, Раэн гадал, сколько времени им дадут. Он успел влить в парня стакан вина с ложкой эликсира, хорошенько растереть ладони и ступни и закутать его в меховое одеяло, когда в дверь требовательно постучали. Чародей покосился на пациента, не спеша открывать. Фарис дышал глубоко и ровно, не собираясь просыпаться, но на всякий случай Раэн коснулся его волос, накинув легкие сонные чары.

В дверь уже грохотали кулаком, судя по звуку. Раэн тяжело вздохнул и пошел встречать гостей. Резко распахнув дверь, он отступил, с интересом наблюдая, как вваливается не ожидавший этого старейшина рода Керим, краснолицый неповоротливый толстяк в золотом поясе человека, женившегося внуков.

Его спутник, словно для контраста, был высок и худощав, с приятным умным лицом и плотно сжатыми губами. И кричать в отличие от ир-Керима, разразившегося гневной тирадой на нистальском диалекте, он не стал. Внимательно оглядел комнату, несколько мгновений рассматривал укрытого Фариса, затем перевел холодный, ничего не выражающий взгляд светло-серых глаз на Раэна.

– Ты что творишь, лекарь? – брызжа слюной, завопил ир-Керим, наконец-то сообразив, что чужестранец не способен в должной мере оценить его красноречие.

– Лечу, – вежливо сообщил Раэн. – Как лекарю и положено.

Но нисталец не смог оценить даже такую незамысловатую иронию.

– Кого лечишь? Эту тварь? Этого... этого...

Отчаявшись подобрать достойное определение, ир-Керим, и без того румяный, побагровел так, что Раэн на всякий случай вспомнил, где у него средства от гипертонического криза. Пустить себе кровь старейшина вряд ли позволил бы, а жаль...

– Не хотите ли кофе, уважаемые? Или горячего вина? – попытался он изобразить гостеприимство.

Медный котелок с водой, повинуюсь мановению его руки, вспорхнул с неожиданной для столь увесистого предмета легкостью и, перелетев через всю комнату, приземлился на очажном крюке. Толстый старейшина проводил его взглядом и наконец-то вспомнил, что имеет дело с магом, судя по тому, что принялся хватать воздух ртом, не произнося ни слова.

Раэн присмотрелся к пряжке на поясе второго, вспомнил родовые знаки, виденные им на воротах местных усадеб, и определил в высоком нистальце главу рода Кицхан. Отец Сейлема со скучающим видом рассматривал пучки трав, что Раэн развесил по стенам, стараясь хоть немного приблизить вид своего жилища к тому, какой достойно иметь лекарю.

– Парень, ты нам тут воду не мути, – продолжал, отдышавшись, ир-Керим уже значительно вежливее. – Фарис... он там привязан был потому, что нужно так.... Так что это... давай все назад, а мы уж тут...

Пока толстяк отчаянно пытался выразить мысли, а Раэн размышлял, как такой экземпляр мог стать старейшиной, ир-Кицхан соизволил разомкнуть тонкие губы:

– Мой друг желает сказать, что юноша Фарис, родившийся в роду Джейхан, приговорен к смерти. И при всем уважении к почтенному целителю, не чужестранцу вмешиваться в наши дела.

Ну, вот и разъяснилось. Если в их совете много таких, как Керим, то гораздо легче управлять долиной таким, как Кицхан. А тот размеренно продолжал на редкость бесцветным голосом.

– Вы – человек сострадательный, да и долг целителя обязывает помогать людям, это понятно. Только здесь не к кому проявлять милосердие. Зачем нам ссориться? Осужденного придется вернуть к столбу. А мы забудем об этом происшествии. Не так ли, почтенный Раэн? Каждый может ошибиться.

«Это уж точно, – весело подумал Раэн. – Ты, например, сейчас крупно ошибаешься».

Что ж, пора было кончать этот спектакль, будто поставленный неумелым кукольником, так сильно чувствовался привкус фальши. Да и вода уже закипала, а делить наслаждение первой чашкой кофе за день с этими двумя Раэн абсолютно не собирался. Подумав, он изобразил наивный взгляд, достойный Камалю. Право, можно только

пожалеть, что у него самого глаза не светлые, не получится должной придурашливости...

– Разве я нарушил какой-то закон, почтеннейшие? – поинтересовался он, изо всех сил хлопая ресницами. – Ведь каждый, насколько я понял, вправе освободить осужденного, если пожелает. Верно?

«Точно, каждый. Нет никаких запретов на этот счет, и о ремнях не стоит беспокоиться, уж Кицхан обязательно бы все проверил и не упустил возможности выложить такой козырь. Вон как сузились глаза. А Керим был нужен, чтобы сходу на меня наорать, зато сейчас он помалкивает скромно, знает свое место».

– Речь идет не о законах, почтенный. – В тоне старейшины ир-Кицхана прорезалось легкое раздражение. – Мы, жители долины, сами вершим суд и наказываем своих преступников. Тому, кто хочет жить в Нистале, не следует об этом забывать.

– Понимаю! Но я не собирался на всю жизнь остаться в этом богами благословенном месте, – учтиво отозвался Раэн. – Сбор трав закончен, сушка тоже. Вот только дорогу снегом завалило, теперь и не знаю, как быть, – вздохнул он.

– Это первый снег, – с едва заметной тенью угрозы в голосе произнес ир-Кицхан, – он до конца зимы не пролежит. Одна-две недели, а потом путь свободен...

– Вот и отлично, – с радостным воодушевлением заявил Раэн. – Меня давно ждут важнейшие дела в Салмине.

Глаза ир-Кицхана еще больше сузились, теперь он напоминал хищника, готового к прыжку. Но силой заставить приезжего целителя вернуть осужденного к столбу он явно не мог. И пригрозить ему было нечем. Оставался лишь один спорный момент, который Раэн не преминул прояснить.

– Надеюсь, уважаемый Совет старейшин не будет возражать против нашего отъезда?

– Вашего? – ир-Кицхан в надменном удивлении вскинул бровь.

– Ну да. – Раэн посмотрел в ответ с не меньшим удивлением. – Я ведь, кажется, теперь отвечаю за этого юношу перед людьми и богами, так что ему здесь без меня делать нечего.

Ашара принадлежит хозяину. Но позор, конечно же, не должен выйти за пределы долины. Раэн злорадно наблюдал, как

нахмурившийся Кицхан пытается решить это логическое противоречие. Однако старейшина, устав от его несговорчивости, холодно бросил:

– Почтенные люди Нисталя подумают об этом. Идемте, уважаемый ир-Керим. А вы, – обернулся он уже от самой двери, – следите за дорогой, почтенный Раэн. Снег скоро сойдет...

«И вы можете катиться подальше, – договорил Раэн про себя невысказанную мысль старейшины. – Как же, сойдет он. То есть, конечно, сойдет, но когда это будет нужно мне. Уж хорошую снеговую тучу над холмами я вам всегда обеспечу, на это сил хватит, если не торопиться. И как там, кстати, мой пациент, вовремя избежавший участи стать сосулькой?»

Дождавшись, пока дверь плотно закроется, он снял с Фариса наложенные перед разговором чары, прошел к очагу и принялся священнодействовать над котелком, любовно и ответственно предавшись изготовлению кофе.

* * *

Фарис медленно выплывал из тяжелой липкой тьмы. Веки казались налитыми свинцом, руки и ноги тоже не шевелились, но ни боли, ни малейшего неудобства он не чувствовал. Напротив, пушистый легкий мех приятно ласкал почти обнаженное тело.... Вот пахло как-то странно, словно в комнате дядюшки Нафаля, известного в долине травознатца. Да что же это с ним такое?

Память возвращалась кусками, и первое, что он вспомнил, это холод. Ледяной пронизывающий ветер, бьющий в лицо. Боль в стянутых ремнями руках, на которых висит тело. Мучительный, хуже боли, выворачивающий душу стыд.... Как он обрадовался, когда холод начал делать свое милосердное дело, унося его в темное забытие подальше от стыда...

Вспомнив то, что было до этого, Фарис рывком повернулся со спины набок и прижал колени к животу, как от удара. Ни боли, ни холода больше не было, и это оказалось самым ужасным, что могло случиться с осужденным на смерть у столба. Это значило, что кто-то развязал ремни и вернул его, полумертвого, к жизни.... К жизни? А зачем ему такая жизнь?!

– Проснулся? Вот и славно. Кофе хочешь? – раздался где-то рядом голос.

Мягкий уверенный голос человека, едва знакомого Фарису. Теперь был понятен запах трав, смешанный с ароматом кофе, и ясно, почему не болят наверняка обмороженные руки и разбитое лицо. Лекарь, недавно приехавший в Нисталь. Фарис видел его пару раз, но особо не приглядывался. Никакого интереса чужестранец для него не представлял, и вообще, целительством должны заниматься женщины. В крайнем случае, старики или калеки, как однорукий Нафаль. А молодой парень, собирающий травки да коренья, не носящий даже короткого меча и вряд ли знающий, с какой стороны за него братья, вызывал у потомственного воина рода Джейхан нечто среднее между безгливостью и недоумением.

Над ним даже одну из любимых озорных шуточек Фариса нельзя было сыграть, потому что ни чести, ни интереса в шутках над человеком, не способным за себя постоять. Так что обращал на него Фарис не больше внимания, чем на пыльную чинару рядом с крыльцом харчевни. А теперь вот как повернулось... Что ж ты наделал, целитель! Зачем?

Должно быть, этот вопрос непослушные губы прошептали вслух, потому что сидящий рядом хмыкнул.

— Если бы я сам знал. Хотя скажу так: мы нужны друг другу, Фарис. Ты — мне, а я — тебе, и от этого никуда не деться. Так что насчет кофе?

«Нужны? Да кто тебя просил, недоумок?» — хотел сказать бывший ир-Джейхан, однако губы снова перестали слушаться. Добраться бы до двери, шагнуть в леденящую круговерть вьюги — вон, как подвывает за окном! — и вытерпеть всего несколько минут.... А потом — блаженная тьма без боли и стыда.

— Даже не думай об этом, парень, — решительно произнес ненавистный голос, и еще сильнее запахло кофе.

Глиняная чашка оказалась у самых его губ, и Фарис почти против воли сделал глоток густой горьковатой жидкости, как раз в меру горячей, благоухающей дорогими приправами. А потом, сообразив, что именно сказал чужак, едва не захлебнулся следующим глотком.

— Да не читаю я твоих мыслей, успокойся. — Теперь в голосе слышалась явная насмешка. — Вполне хватает обычного житейского опыта, чтобы понять, что у тебя на уме. Только знаешь ли, Фарис, для тебя сейчас смерть — слишком большая роскошь. Твои спутники

мертвы, а ты – нет, следовательно, что-то или кто-то пощадил тебя. Непонятно кто и неизвестно зачем... Тебе самому разве не интересно?

Вожделенная дверь была совершенно недостижима, так что Фарис лежал, стараясь не вслушиваться, но голос, мягкий, как шкурка новорожденного ягненка, завораживал, словно сам втекая в уши.

– Я уверен, что ты не виноват в том, за что тебя приговорили к смерти. И если бы ваши старейшины дали себе труд немножко поразмыслить, они бы сами это поняли. Но почему-то они не хотят видеть того, что бросается в глаза, и это весьма-таки странно...

«Не виноват?» У Фариса перехватило дыхание, он медленно, с усилием разогнулся и взглянул на осмелившегося сказать это.

– Конечно, ты ни при чем, – подтвердил человек, сидящий на полу рядом с ним.

Впервые Фарис был к нему так близко и рассматривал внимательно. У чужестранца было молодое лицо с четкими, но непривычными для Нисталя чертами. Темные, как ночное небо, глаза и ровные, словно выписанные кистью брови.... Прямой нос, чуть припухшие губы. Гладкая белая кожа на вид нежнее, чем у юной девушки, и овал лица, словно на рисунке в старой книге, что показывал ему как-то дядя Нафаль....

Слишком красивое лицо для мужчины, несмотря на странность, и Фарис мгновенно понял, почему Камаль ир-Фейси вечерами пропадал в саду у лекаря, никогда не жалуясь на здоровье. Слишком красивый и слишком юный, если бы только не глаза, совершенно непроницаемые, манящие, как тьма обрыва ночью. Впервые Фарис почувствовал, что кто-то может заставить его опустить взгляд. Но целитель даже смотрел мягко, потом улыбнулся теплой открытой улыбкой и продолжил:

– Чтобы сбежать, бросив товарищей, а потом придумать в оправдание полнейшую небылицу, нужно быть не только трусом и подлецом, но еще и совершенным дураком. А это явно не про тебя. Думать ты умеешь весьма изобретательно, если вспомнить все твои шутки. Значит, у Девичьего родника случилось нечто иное, странное и страшное. У меня вряд ли получится в ближайшее время убедить в этом старейшин Совета. Но когда никто тебе не верит, а ты действительно не виноват, очень полезно знать, что кто-то все-таки в тебе не сомневается. Между прочим, твой кофе стынет.

Фарис удивленно глянул на чашку, неизвестно когда оказавшуюся у него в руках. Последние сутки обернулись невыносимо жутким дурным сном, от которого он никак не мог проснуться. И вот некто произнес те самые волшебные слова, способные его разбудить. Кто-то верит, что Фарис не трус и не предатель. Верит, что у Девичьего родника не было никакого шального отряда степняков, и Фарис ир-Джейхан не бежал, спасая свою шкуру. «Я верю, что ты не виноват». Что может сравниться с этими простыми словами, растопившими ледяной комок, в который превратилось его сердце?

Целитель, уютно устроившийся на низенькой скамеечке у очага, с легкой улыбкой наблюдал, как старательно Фарис отводит глаза, в которые, конечно, просто попал дым. Наконец, проморгавшись, он поднял голову и посмотрел на чужестранца.

– Ты сказал, что я тебе нужен, почтенный Разн...

– То, что случилось однажды, может случиться и в другой раз, – уронил тот. – Я не знаю, как погибли твои спутники, но не хочу, чтобы кто-нибудь разделил их судьбу. Ты не знаешь, почему остался жив, но причина была, и, может быть, вдвоем мы сможем ее отыскать. А тогда старейшинам Нисталя придется признать, что их приговор был несправедлив. И будет гораздо лучше, если к этому времени ты все еще останешься жив.

– Я не надену ошейник ашара! – выпалил Фарис, вдруг поняв, что чувствует загнанный олень перед стаей собак.

– А тебя никто и не просит, – пожал плечами чужестранец. – Если ты не виноват, в наказании нет ни смысла, ни справедливости. Конечно, тебе придется пожить здесь, и не стоит рассчитывать на доброе отношение жителей Нисталя, но я – дело другое. Можешь считать себя гостем, Фарис ир-Джейхан. И, кстати, зови меня просто Разн, если тебя это не затруднит. Не такой уж я почтенный, спроси кого угодно.

Сверкнув улыбкой, он поднялся и поставил свою чашку на стол.

– Между прочим, ты так и собираешься спать у огня? Возьми одеяло и перебирайся на постель, а твоя одежда пока просохнет.

Выйдя в другую комнату, целитель вернулся с толстым покрывалом и длинной шерстяной курткой, которую ловко свернул в подобие подушки и уложил на пол там, где только что лежал Фарис.

– Что ты делаешь? – осторожно поинтересовался Фарис, сидя на краю дивана и кутаясь в одеяло.

Никогда прежде его не смущала собственная нагота, если рядом случалось оказаться кому-то из мужчин. С чего бы? Но как бы ни был учтив и на словах великодушен его... хозяин, в голову лезло всякое. Ну не зря же сюда каждый день бегал Камаль, верно? Фариса самого мучило от этих мыслей, но одно он знал точно. Ашара не человек, и с ним позволено все.

– Устраиваюсь на ночь, – объяснил Раэн. – Я тебя, конечно, подлечил, но теперь тебе нужно выспаться в тепле и покое, а для двоих здесь тесновато. Вдруг я неудачно повернусь во сне, а ты решишь, что я посягаю на твою невинность?

Он усмехнулся, покосившись на Фариса, который залился краской от такого точного попадания в цель.

– Не решу, – процедил Фарис сквозь зубы. – Можем лечь вместе, и ворочайся сколько угодно. Я же не Камаль...

– Я тоже, – вкрадчиво сообщил целитель. – Уж поверь, Камаль ир-Фейси по сравнению со мной – невинное дитя. Но если ты сам предлагаешь...

Он взглянул на покрасневшего Фариса и расхохотался. Сообразив, что над ним просто потешаются, Фарис вспыхнул злостью и внезапно почувствовал себя окончательно живым и согревшимся. А потом, встретившись глазами с улыбающимся Раэном, понял, что как раз этого и добивался странный чужеземец с лицом его сверстника, но глазами и голосом без возраста. А еще через мгновение это и вовсе перестало его волновать, потому что усталость навалилась тяжелым сладким теплом, и все вокруг закружилось в призрачном танце теней.

ГЛАВА 6. Куда ведут дороги

– Значит, тебя зовут Халид?

Зеринге молча склонил голову, стоя на коленях и удивляясь, до чего же благодатнейший ир-Шамси не похож на почтенного старца, которого он ожидал увидеть. В представлении Халида такой важный человек, да еще и жрец, должен был ходить чинно, смотреть важно, а если уж о чем-то говорить, то изрекать одни только мудрости. И, конечно, верховный предстоятель должен быть украшен сединами, а взгляд иметь лучистый и умиротворенный...

– Встань, юноша, – хмыкнул невысокий дородный старичок, посмотрев на него поверх листа бумаги. – Пол каменный, холодный, хоть и коврами застелен. Оказал уважение – и ладно, хвалю, а колени побереги, к старости ой как пригодятся.

И снова углубился в чтение письма Раэна.

Зеринге поднялся, раз было велено, и украдкой быстро огляделся. Когда еще выпадет случай попасть в спальню такого человека?! Комната, куда его привели, была обставлена удобно, однако без особой роскоши. В глубине виднелась постель с балдахинном, по стенам тянулись полки, заставленные книгами и шкатулками, а сам предстоятель сидел в глубоком низком кресле у стола, вытянув ноги в шерстяных чулках и уложив их на скамеечку. Темный халат, не слишком щедро расшитый зеленым шелком, короткая борода и морщинистые руки с одним-единственным перстнем-печаткой, да и то камень в нем какой-то простенький, вроде яшмы... И это один из столпов трона, светоч мудрости и благочестия? Больше похож на небогатого книжника, который не гнушается заработать лишнюю монетку, составляя прошения для крестьян и ремесленников.

– Вот оно как, значит... – задумчиво произнес благодатнейший ир-Шамси, сворачивая письмо, и Халид напрягся – голос жреца неуловимо изменился, потеряв добродушие. – Что ж, дай-ка я на тебя погляжу, Халид ир-Кайсах, именуемый также Зеринге. Иди сюда. Только на колени больше не падай, ни к чему это. Так мне в глаза посмотри.

Похолодев, Халид сделал шаг на негнущихся ногах, потом еще один – и оказался совсем близко к предстоятелю. Тот, откинувшись на спинку кресла, несколько мгновений рассматривал Халида, а потом поймал его взгляд своим, нисколько не благодетным, а острым, словно входящий в тело нож.

– Целитель Раэн просит, чтобы я оказал тебе милость и принял твою исповедь, – уронил он негромко. – Только исповедь должно слушать, когда она исходит от сердца, а у тебя сердце пока молчит. Впрочем, и голова – тоже. Скажи, Зеринге, сколько жизней у тебя на счету?

– Не знаю, благодетнейший, – с трудом вымолвил Халид пересохшими губами.

Странное дело, он совсем не боялся, хоть и понимал: одно слово этого старичка – и болтаться ему в петле где-нибудь на заднем дворе храма. А если не повезет, бывает участь и похуже. Вот решит благодетнейший, что душа Халида требует спасения – и бросят его в каменный мешок, вспоминать прегрешения да каяться. Говорят, в подвалах Света многие дюжины преступников замаливают свои деяния долгие годы до самой смерти.

Все это он знал, но страха все равно не было. Только пронзительное чувство тоски, будто что-то хорошее коснулось Халида, но не осталось, а ушло безвозвратно.

– Не считал, да? – хмыкнул ир-Шамси.

– Не считал, – хрипло признался Халид. – Когда в караванной охране ездил, редкий раз без драки обходился, а там разве посчитаешь? А потом...

– Да-да, а потом?

Темно-карие глаза предстоятеля хищно блеснули.

– И потом не считал тоже, – выдохнул Халид. – Как за дюжину перевалило, так и... бросил.

– Страшно стало? – спросил ир-Шамси без малейшей улыбки на губах и во взгляде. – Или стыдно? Или все равно?

Перед тем, как ответить, Халид честно подумал. Нет, наказания после смерти он не боялся, хоть жрецы и говорят, что убийца получит воздаяние от демонов Бездны. Те же самые жрецы еще как блудят, воруют и клятвопреступничают. И подняться в своем храме на ступеньку-другую ценой чужой жизни еще как не гнушаются – были у

него и такие заказы. А если они не боятся расплаты от богов, значит, не все так сурово с этой расплатой.

И стыдно ему не было. Ну, почти никогда. Кое-какие заказы и вправду хотелось позабыть, но стыд – это когда обещаешь больше такого не делать, неважно, богам или себе самому. А Халид понимал, что все равно не бросит свое черное ремесло. Привык уже к легким деньгам да вольной жизни. Вот если поймают – придется платить сразу за все, но кто из ночного народа об этом не знает? Все ходят под плахой да веревкой. Но стыд?

– Нет, благодатнейший, – сказал он, всем телом чувствуя взгляд предстоятеля, как пронизывающий холодный ветер. – Не страшно, не стыдно. Просто не к чему. Боги и так все видят и счет ведут. Люди... Ну, тем все равно, за одну смерть меня казнить или за сотню. А исповедоваться, уж простите, я не буду. Зачем?

Он опустил глаза, уставившись на самый обычный ковер, тоже не из дорогих, как и все в этой комнате. Даже потертый немного. Удивившись собственному равнодушию, подумал, что может и не доехать до Салмины, если благодатнейший решит иначе. Однако ир-Шамси снова хмыкнул, разглядывая его, а потом протянул:

– Ой, дура-а-ак... Ладно, раз уж Раэн за тебя поручился, посмотрим, что из этого получится. Но и совсем без исповеди отпустить не могу. Не положено. Служба у меня такая, всякую заблудшую душу в совесть макать, будто котенка – мордой в молоко. Скажи, Зеринге, как давно ты убил человека? Ну, в последний раз...

– Третьего дня, – выдавил Халид, поражаясь, что хочет соврать – и не может. Наверное, это все-таки жреческая магия, если правда сама лезет на язык, так и подводя его под заслуженную кару. И угрюмо добавил: – Только не одного, а троих. На дороге в дне пути от Аккама.

– И за что?

Глаза ир-Шамси снова хищно и остро блеснули.

– Ограбить меня хотели, – честно ответил Халид.

– Ах, вот как... – протянул благодатнейший. – Разбойники?

– Нет, хозяин постоянного двора да пара его работников. Увидели, что еду один, конь добрый и кошелек не пустой... Поднесли сонного зелья в вине, да я вкус вовремя распознал. А когда встал из-за стола своими ногами – втроем накинудись.

Про Ласточку он говорить не стал, чтобы не объяснять, сколько она стоит. А ведь эти трое на нее в первую очередь глаз положили. Вот за дурную жадность и поплатились.

– Ну, этот грех я тебе отпускаю. Ибо сказано: «Совершившему зло справедливость воздай полной мерой».

Предстоятель помолчал, а потом негромко сказал, глядя куда-то мимо Халида:

– Все мы идем по дороге, проложенной для нас богами. Идем и думаем, что свернуть некуда. А ведь перекрестки на этой дороге чуть ли не на каждом шагу. Вот свернули бы те трое вовремя – и остались живы. Что скажешь?

– Скажу, что будь у них дурман почище да подороже, то потерял бы голову я, а не они, – мрачно проговорил Халид. – Это хорошо, благодатнейший, когда свернуть можно, а ведь бывает, что либо прорвешься через засаду, либо сдохнешь. Вот когда дорога чистая, тут и оглядеться можно.

Несколько ударов сердца ир-Шамси смотрел на него, словно обдумывая сказанное, а потом негромко рассмеялся. Морщины-лучи разбежались от уголков глаз, но в самих глазах улыбка так и не появилась. Отсмеявшись, предстоятель взял со стола колокольчик и позвонил, а потом неторопливо уронил:

– Разн просит, чтобы тебя отправили в Салмину. Будь пока гостем храма, а как соберется караван, тебе найдут место. Иди, Халид ир-Кайсах, именуемый Зеринге. И помни, боги долго терпят, но никогда не забывают. Потому осмотришься получше и подумай, куда ведет твой путь.

Халид молча поклонился и вышел вслед за появившимся в дверях прислужником. Между лопаток чесалось так, словно благодатнейший ир-Шамси смотрел поверх наложенной на тетиву стрелы. Облегчения от того, что его выпустили, тоже не было.

«Думай не думай, а ехать придется туда, куда велел Разн, – усмехнулся Халид про себя. – И никакие поучения этого не изменят, а уж мои решения – тем более».

* * *

Фарис так и не узнал, где провел эту ночь целитель, потому что проснулся в одиночестве. Лежа на кровати лицом к стене и слушая, как уютно и мирно позвякивает посуда, он беспомощно замер, не решаясь

ни встать, ни даже повернуться, и ненавидя себя за эту трусость. Вся его жизнь, такая понятная и беззаботная, в одночасье рухнула, разделившись на то, что было до вчерашнего утра, и то, что будет теперь. И эта новая жизнь казалась беспросветной тьмой.

Вчера, когда старый ир-Саттах, разом лишившийся двоих внуков, трясущимися губами зачитывал приговор, Фарис просто оцепенел, не понимая, что происходит. В чем его обвиняют? Он же честно все рассказал! Но явь обернулась кошмаром, от которого не удалось очнуться. С Фариса срывали пояс, привязывали к столбу, в собравшейся толпе всхлипывали женщины, а он, избитый и знающий, что скоро умрет, больше всего боялся увидеть глаза родных, на которых тоже лег его позор. Напрасно боялся, никто из них не появился на площади. Ни мать, ни ее братья, дядьки Фариса, ни младшие родичи... Вот тогда Фарис и понял, что уже мертв.

Он знал, что рядом с могилами погибших у Девичьего родника поставят шестое надгробье, но женщины рода не станут плакать над ним три дня, как положено по обычаю, и никакого имени на камне не напишут. И мать Фариса до конца жизни будет приносить цветы и медовое печенье только к могиле его брата, обходя заброшенный холмик, который быстро сравняется с землей. И никогда больше в семье ир-Джейхан не назовут ребенка его, Фариса, именем, доставшимся ему от прадеда, именем труса и предателя.

Фарис подумал о том, как встанет и выйдет на улицу, как увидит прежних друзей или кого-то из родичей – и его внутренности скрутились в тугой узел.

Не лучше оказались и раздумья о том, как ему теперь вести себя с приезжим целителем. До сих пор никто, даже отец с матерью не имели над ним такой власти, какую получил этот странный чужак. Обычай превращал ашара в бессловесную вещь наподобие коврика под ногами, и Фарис с содроганием думал, что на месте Раэна мог оказаться кто-то другой, не так великодушно настроенный. Например, кто-нибудь из семьи ир-Саттах...

А целитель не был похож на того, кто станет мучить беспомощного ради удовольствия, но даже с ним не хотелось встречаться глазами. Когда Раэн, проходя мимо, окликнул его, Фарис поглубже зарылся лицом в подушки, старательно изображая сон. И

хотя понимал глупость этого, все-таки попытался оттянуть момент, когда нужно будет вставать.

– Эй, парень, – не отступал хозяин дома. – Ты сегодня есть собираешься?

Пришлось приподняться и вежливо отозваться, что он совершенно не голоден, так что пусть почтенный Разн о таких пустяках не беспокоится. Желудок, прилипший к спине, возмутился и возразил урчанием, но Фарис опять упрямо уткнулся в стену.

– Значит, завтракать ты не хочешь? – насмешливо уточнил голос у него за спиной. – Что ж, согласен, еда без желания – верный путь к болезни. Но с этой бедой постараюсь помочь, лекарь я все-таки или нет?

Ш-шух! Одеяло слетело на пол, и на ничего не подозревающего Фариса, разогретого после сна, обрушился студеной водопад.

Ошалев, он кубарем скатился с постели и тут же вскочил на ноги. Прямо перед ним висели в воздухе два пустых ведра, покачиваясь, будто на невидимой веревке, и капая на полосатый шерстяной коврик. Целитель Разн стоял у самой двери, прислонившись к ней и сверкая самой ехидной улыбкой из всех, виденных Фарисом.

Забыв обо всем и сжав кулаки, Фарис рванулся вперед, не глядя на взбесившиеся ведра, и... поймал брошенный ему ворох одежды. Его собственной одежды, причем сухой и целой! Только рубашка оказалась чужой, из серебристого шелка, да еще и расшитая по вороту и манжетам жемчугом – для мужчины непредставимая и странная роскошь.

Фарис вспомнил свою, изодранную, залитую кровью, – и осознание случившегося накрыло его с головой. Что он творит? Собирается подраться со своим спасителем?! Мерзкое слово «хозяин» он постарался отогнать, как отвратительного овода, норовящего сесть на открытую рану.

– Прости, твою рубашку спасти не удалось, проще было выкинуть, – проницательно сообщил Разн. – Ну так что, будешь бить меня голым или все-таки сначала оденешься? – Устыдившийся Фарис уже начал подбирать слова для почтительной просьбы о прощении, но целитель окинул его пристальным взглядом от мокрых волос до ступней, поднял смеющиеся глаза к лицу Фариса и вкрадчиво

добавил: – А хочешь, оставайся так. На красивое тело и посмотреть приятно, а дров я в очаг еще подкину – не замерзнешь.

В бессильной ярости Фарис кинулся натягивать подштанники, а затем и штаны, понимая, что снова попался на ту же уловку, что вчера. И ответить-то нечего, за границы положенной учтивости целитель ни разу не перешел, а шутки... Что ж, не Фарису на них обижаться!

Штаны липли к влажному телу, Фарис торопливо подтянул их и замер, когда рука привычно дернулась к пряжке пояса... С трудом отвернулся от целителя, пряча лицо... Нарядная, словно у жениха, рубашка валялась на полу, куда он ее уронил. Наклонившись, Фарис поднял и судорожно стиснул пальцами тонкий шелк, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться в него зубами и заглушить утробный отчаянный вой.

– Не надо, – тихо прозвучало от двери.

Не дождавшись ответа ни словом, ни движением, Разн подошел вплотную, с неожиданной властностью приподнял за подбородок склоненную голову Фариса, повернул к себе.

– Не надо, – повторил он со спокойной уверенностью. – Не позволяй тому, что случилось, управлять тобой. Пояс – это просто полоска кожи с медными бляшками. Кожа и медь. Это не часть твоей души.

«Неправда! – хотел крикнуть Фарис, но не смог, замороженный бездонными провалами черных глаз. – Ты не знаешь! Ты не из Нисталя, тебе просто не понять, что он значил для меня...»

«Думаешь, не понимаю?» – безмолвно ответили ему глаза целителя.

– Фарис ир-Джейхан, – негромко произнес Разн вслух, и напряженный, как тетива, Фарис не услышал в его голосе жалости, за которую сейчас возненавидел бы любого. – Можешь и дальше скорбеть о своей судьбе. Можешь тосковать о кожаной ленточке, которую носил с детства. Можешь биться головой об стену и умирать от голода. Но тем, кто погиб у Девичьего родника, плевать, на чем сейчас держатся твои штаны. Так что прекрати растекаться по полу, как жидкий навоз, и приди в себя хоть ненадолго. Мне понадобится твоя помощь.

Он отступил на шаг. Фарису показалось, что ему надавали оплеух, так загорелись щеки. Не глядя на Разна, он молча надел измятую

рубашку, на удивление оказавшуюся впору, и собственную замшевую безрукавку. Натянул сапоги и остановился, не представляя, что делать дальше.

– Ну как, вкус к еде еще не появился? – ровным голосом, словно не размазывал только что Фариса, будто лепешку по противню, осведомился целитель.

Откуда-то из-за спины он вытянул, не поворачиваясь, два грубо вырезанных деревянных меча, недлинных и узких, больше похожих на степняцкую саблю, которой в Нистале учится владеть любой мальчишка.

– Я тут краем уха слышал, что ты неплохой боец. Один из лучших в долине, говорят... Это правда? – с той же вернувшейся вкрадчивостью поинтересовался Раэн.

– Может, и правда, – буркнул Фарис, но чужих заслуг себе приписывать не стал: – Только лучшим у меня отец был, а я так... тень его, да и то не слишком длинная.

– Мастерство – дело наживное, – утешил его целитель и вышел из дома во двор, засыпанный снегом, но уже утоптаный. – Ну, чего стоишь? Или не по руке?

Фарис повертел в руках деревяшку и удивленно посмотрел на чужестранца. Высокий и, пожалуй, статный, тот все равно не казался достойным противником. Целитель же! Да и стоит как-то странно, слишком расслабленно, будто вовсе не готовится к бою. Ни хищного прищура, ни особой опасной тяжести во взгляде, которые Фарис видел у опытных бойцов. Будто вот-вот улыбнется. Или шагнет – и пойдет в легкий праздничный пляс.

– Зачем? – осторожно спросил он у Раэна и выдавил непослушными, словно вдруг замерзшими губами: – Все равно мне оружие больше не положено. Даже в руки брать нельзя. Так что если тебе джандар нужен, то промахнулся ты, почтенный.

– Забавные у вас обычаи, – усмехнулся целитель. – Саблю не положено, значит, а вилы или, к примеру, мотыгу, можно? Как будто в умелых руках они хуже сабли. Я еще не видел вещи, которой нельзя убить человека. Ну а это... – Он указал взглядом на деревяшку. – Не разминался я давно. Да и тебе полезно тяжелым помахать, чтобы меньше глупостей в голову лезло. Хочешь на спор? Кто первый три

удара пропустит, после завтрака всю посуду моет. Ее давно почистить пора, да мне все некогда было.

– А если синяков наставлю? – уточнил Фарис, у которого слегка отлегло от сердца.

Размяться – это дело хорошее, правильное. И деревянная сабля, больше похожая на игрушку, никак не противоречит обычаям, по которым ашара даже нож в руки брать непозволительно. И вообще, Раэн сам велел!

– А попробуй, не обижусь! – разулыбался целитель и первым сделал шаг.

Легкий, скользящий, даже снег не скрипнул под узким щегольским сапогом. Осеннее солнце, будто вспомнив, что должно растопить этот первый снег, брызнуло россыпью лучей. Фарис прищурился, вскидывая саблю, которая вдруг легла в руку, словно настоящая...

– Целители... так не дерутся! – выдохнул он, в который раз поднимая выбитое из руки оружие.

Запястье, которому досталось сильнее всего, болезненно ныло, голова кружилась, а перед глазами все плыло. И больше всего Фарису сейчас хотелось упасть на колени и просто отдышаться, но гордость заставляла стоять прямо, всем видом показывая, что он готов продолжать. А ведь времени прошло – тонкая свеча сгореть не успела бы!

– И многих целителей ты знал? – весело поинтересовался Раэн. – Еще и дрался со всеми?

– Все равно, – не уступал Фарис, радуясь передышке. Это не у него ноги подкашиваются и руки дрожат, а просто неучтиво разговаривать и махать саблями одновременно. – Зачем целителю уметь драться? А уж чародею – тем более! – вспомнил он качающиеся в воздухе ведра.

– Значит, я неправильный целитель и чародей, – хмыкнул Раэн, окинул его взглядом и первым опустил оружие. – Хватит с тебя, иначе упадешь. В глазах не темнеет?

– Вот еще! – вскинулся Фарис и... пошатнулся. – Да я просто...

– Ел последний раз вчера утром, – подхватил лекарь. – А то и позавчера. Потом тебя били, потом ты замерз... Хватит, говорю.

Он забрал у Фариса ненавистную уже деревяшку и, развернув его за плечо, подтолкнул в сторону дома. На последних остатках гордости Фарис еще намочил в кадке полотенце и вытер лицо, шею и руки, со стыдом подумав, что надо бы вымыться полностью, но сил нет. Раэн тем временем возился у стола, на котором появилась жареная курица, лепешки и сыр. Фарис растерянно замер, не зная, что делать. Если он гость, как сказал Раэн вчера, то ему положено ждать, пока позовут к трапезе. Но... какой он гость, если посмотреть правде в глаза?

– Садись, – позвал Раэн. – Сегодня будем доедать, что осталось, а завтра я в харчевню схожу. Тебе пока на улице лучше не показываться.

Фарис молча кивнул, опускаясь на лавку. Коротко возблагодарил богов, пожелал здоровья и благополучия хозяину дома, Раэн ответил положенными словами, словно и в самом деле принимал гостя.

Ели они молча, и с каждым проглоченным куском Фарис чувствовал, как возвращаются силы. Похоже, он и вправду был здоров, только очень голоден. А ведь думал вчера, что ребра ему точно поломали. Раэн, значит, не просто его отвязал, но и вылечил. А как он дерется! Конечно, будь Фарис отдохнувшим и сытым...

«И тогда бы ничего не смог сделать, – беспощадно сказал он самому себе. – Лекарь тебя гонял, будто котенок – перышко! Он владеет саблей лучше всех, кого ты видел. Даже лучше отца! Вот бы у кого поучиться... Но с чего ему тебя учить? Да и перенять такое мастерство – это все равно, что взглядом двигать ведра с водой. Он и это умеет, а тебе не дано».

Утолив голод, он встал и поклонился, а потом с некоторой растерянностью воззрился на посуду, что стояла на небольшом столике в углу. Там же была кадушка с водой и ковш, но...

– Что, думаешь, как проигрыш отрабатывать? – снова проявил проницательность чародей. – Тряпку хоть раз в руках держал?

– Не мужское это дело, – буркнул Фарис, принимаясь закатывать рукава щегольской рубашки и размышляя, не снять ли ее вовсе.

– Да-да... – протянул Раэн. – Целителям саблей владеть не положено, а воинам – тряпкой для посуды. Только жизнь, она посложнее, чем говорят обычаи. Поэтому лишних умений в ней не бывает.

– Говоришь, как мой отец, – заметил Фарис, и внутри снова болезненно потянуло: дожил бы глава семьи до этого черного дня, что

бы он сказал?

Ох, ничего доброго.

– Вот видишь, мудрость со всех сторон льется тебе в уши, – рассмеялся Раэн.

Оглядев гору грязных чашек и мисок, Фарис вздохнул, покоряясь тяжелой участи и принимая ее как справедливое воздаяние за недавнее бахвальство. Хорошо еще, что хвастался он воинским умением самому себе и только в мыслях, а то вовсе постыдно вышло бы. Нет, ну кто мог подумать, что на кухне бывает столько посуды, и всю ее нужно мыть?! Притом их с целителем только двое. А как женщины ухитряются целыми днями готовить на большие семьи, держа кухню в чистоте?!

Закатив рукава чужой рубашки на самые плечи и стараясь не брызгать, он осторожно принялся за дело. Вроде бы ничего хитрого. Но на мисках и пиалах упрямо оставались грязные разводы, а вода заканчивалась так быстро, словно ею напоили целую отару.

– Ладно уж, сковородку и котелок можешь не мыть, – сжалился Раэн, наблюдая за его мучениями, и вытянул их из общей кучи.

Взял горсть золы из очага, отсыпал немного песка из противня с джезвой – и вскоре медная утварь, замасленная и прокопченная, заблестела так быстро, что вряд ли здесь обошлось без волшебства. Фарис рискнул тоже набрать золы и потереть жирные миски – дело пошло куда веселее. Одобрительно кивнув его стараниям, целитель ушел варить кофе, а Фарис, перетирая полотенцем чистую посуду, как это делала его мать, задумался.

Утреннее непрошеное купание, потом бой на деревянных саблях – когда только вырезать успел? – мытье посуды и ехидные шутки в духе Камалая... Раэн изо всех сил отвлекал его от переживаний, не давая скатиться в бесполезную тоску. Но целитель прав, нужно и совесть иметь. Меньше всего Фарису пристало жалеть себя, потому что все могло обернуться куда хуже. Осталось выяснить, чем он может помочь Раэну.

Закончив с посудой, он подбросил дров в очаг и присел перед ним, уставившись на пляшущие языки пламени. Из-за спины приятно пахло кофе, тепло проникало в тело, невольно напоминая о ледяных губах выюги, едва не зацеловавшей Фариса у столба насмерть. За окном снова пошел густой снег, укрывая долину и степь пушистым

одеялом и делая путь между холмами непроходимым. Теперь выбраться из Нисталя можно только через степь, а это много дней пути по белой пустыне.

Через пару недель снежной покров, конечно, растает, и установится предзимье – пора свадебных торжеств и гуляний.

Только вот понапрасну зреет вино в деревянных чанах и копятся душистые окорока. Зря пламенеет сладкая от мороза рябина, ожидая, что ее вплетут в свадебный венок, чтобы молодым и горечь в семейной жизни обернулась сладостью. В этом году свадеб в Нистале не будет. Лишь пять холмиков, занесенных снегом, к весне покроются заботливо посаженными цветами. На шестой, поодаль от них, цветов никто не принесет...

Фарис уже начал привыкать к умению целителя появляться внезапно и бесшумно, как тень. В руках у Раэна, опустившегося рядом с ним у очага, была чашка с кофе, но пахло из нее как-то странно, с резкой дурманящей ноткой.

– Там зелье, – пояснил целитель. – Гадость редкая, а кофе хоть немного вкус отобьет. Лучше пей залпом и постарайся удержать внутри.

Последовав совету, Фарис в два глотка осушил чашку и скривился: кофе с неизвестной добавкой напоминал прокисшую брагу. Желудок свело судорогой, словно он отчаянно не желал принимать проглоченное.

– Обычно я эту дрянь не использую, – извиняющимся тоном проговорил Раэн. – А в этот раз по-другому, боюсь, не получится. Очень уж сильное отторжение... На вот, выпей еще чистого кофе, прополощи рот.

– Что сильное? – переспросил Фарис, стараясь отвлечься от происходящего в желудке.

– Отторжение. Видишь ли, человек запоминает все, что когда-то увидел или услышал, – промолвил чародей, устраиваясь удобнее. – В раннем детстве ребенок может увидеть страницу книги на незнакомом языке и, конечно, не поймет ни слова, но, став стариком, он способен вспомнить и прочесть эту страницу, если умеет управлять своей памятью и выучил язык. Неважно, как долго он ее видел и сколько времени прошло; все, на что упал наш взгляд, хранится в кладовых разума. А отторжение возникает, если память пытается что-то удалить,

извергнуть. Что-то, связанное с болью, стыдом, отвращением. То, что неприятно человеку. Понятно?

– Вполне. – Фарис поморщился. – Как твоё зелье у меня внутри. Оно отторгается.

– Точно, – хмыкнул Разн. – Когда мы разговаривали, я пытался осторожно прощупать твою память. Но тебе очень не хочется возвращаться к тем событиям, боль от них вызывает сильнейшее отторжение. А это зелье – ключик, оно способно открыть замок на кладовой, где хранится все, что ты помнишь, но спрятал от самого себя. И показать это мне, если ты позволишь.

Фарис удивленно покосился на целителя, не понимая, что тот имеет в виду. Буря в желудке вроде бы прекратилась, но теперь он чувствовал, как странно тяжелеет голова.

– Увидеть то, что тебе рассказывают, это одно дело, – объяснил Разн, подливая себе кофе из принесенной джезвы. – А проникнуть в чужое сознание с помощью зелья – совсем другое. Это безопасно, но человек под воздействием лекарства, что я тебе дал, ничего не способен скрыть и не может сопротивляться постороннему воздействию. Так что мне нужно твоё разрешение. Обещаю, что не использую его ни с какими недостойными целями.

Что ж, Фарис никак не мог сказать, что просьба пришлась ему по душе. С другой стороны, собирайся Разн сделать что-нибудь нехорошее, к чему было предупреждать об этом? Ведь кофе со снадобьем уже выпит. Поэтому он просто кивнул, чувствуя, что губы становятся непослушными, а веки слипаются.

– Ложись на спину, – велел Разн. – Расслабься и смотри мне в глаза.

Сделать это оказалось даже приятно. Тело стремительно наливалось тяжестью, Фарис опустил на коврик и ощутил, как пол под ним покачивается. Целитель сидел рядом, его глаза показались двумя темными пятнами, затем пятна слились и превратились в омут. Фарис еще успел почувствовать чужие пальцы на своем запястье там, где бьется жизненная жилка. Станным образом это биение словно связало их с Разном, и, когда Фарис окончательно провалился в черную глубину, он почувствовал, что Разн следует за ним туда, в прохладное осеннее утро перед первым зимним снегом...

ГЛАВА 7. Серебряное облако

Степь пахла сеном, свежестью и терновником, кустики которого виднелись везде, прихотливо разбросанные среди золотистой, бурой, выцветшей добела или красноватой травы.

Степь звенела птичьими криками, треском кузнечиков, радующихся последним теплым дням, курлыканьем журавлиных стай, что неслись по своим незримым тропам в прозрачной голубизне между облаками.

Степь таяла на губах терпким вином нового урожая, обжигала кожу ледяной росой, стучала в висках четким конским топотом, сливавшимся с заполошным трепетом сердца...

Двое всадников, далеко обогнав остальных, подлетели к поляне, окруженной кольцом нарядных развесистых рябин. Спрыгнув на землю у каменного колодезного кольца, где вода стояла вровень с краями, долго плескались, горстями кидая друг в друга знобко холодную, чистейшую влагу, пили, приникая сухими от ветра губами к зеркалу родника, жадно, торопливо, с той ликующей жаждой то ли воды, то ли просто жизни, что дают лишь юность, сила, дерзость.

Конь одного стоял, тяжело раздувая бока, всхрапывая, укоризненно кося глазом на хозяина. Второй, великолепный серый в яблоках жеребец, дышал ровно, словно и не было долгой скачки, тянулся бархатными губами к терновнику, чтобы обобрать ягоды...

Еще четверо, примчавшись следом, тут же влились в озорное веселье. Двое из них, едва успев облиться из кожного ведерка, затеяли шутовскую борьбу и катались по сухой жесткой траве, пока один из приятелей, подкравшись, не окатил обоих водой. Расцепившись, недавние противники догнали обидчика и, свалив, протащили несколько шагов, потчуют легкими тумачами...

Четвертый, самый хозяйственный, сноровисто распаковал остатки дорожного припаса, ловко пристроил котелок над постоянным кострищем, заботливо окруженным теми же камнями, что и в кладке колодца.

Двое, прискакавших первыми, пригладив мокрые волосы и выбив пыль из курток, подошли, присели, протянули к пламени озябшие от

холодной воды руки. Кто-то из борцов ликуяще закричал, указывая на небо. Там, робко выглядывая из-за нежно-палевых облаков, бледным серпиком желтел молодой месяц. Совсем тоненький, впервые появившийся после безлунных ночей, – лучшая примета для путешественников и влюбленных, готовящихся к свадьбе.

Один из гревшихся, одетый, как и положено счастливому жениху, наряднее своих друзей, поднял взгляд, улыбнулся. Встав, потянулся, раскинул руки, словно желая обнять весь прекрасный, искрящийся радостью мир...

А потом случилось это! Фигуру жениха окутало стремительно растущее серебристое облачко, расплылось, захватило остальных, удивленно кричащих что-то. Заколыхалось над поляной, мерцая голубыми искрами, серебряным туманом заволокло происходящее у родника... И растаяло, открыв примятую траву, спокойно пасущихся лошадей, мирно дымящий костер и пять изломанных в нелепых позах тел, распростертых на земле. Пятерых юных нистальцев, безнадежно мертвых, и шестого, упавшего на одно колено в попытке уклониться от неведомой опасности, растерянно озирающегося по сторонам...

Вот и все. Дальше смотреть не имело смысла. Все же Раэн добросовестно отследил, как в панике метался по поляне Фарис ир-Джейхан. Как он тормозил погибших, ничего не понимая, не желая смириться с неизбежным. Как, захлебываясь рыданиями, вскочил на серого жеребца и погнал его прочь от Девичьего родника к Нисталю, навстречу совершенно незаслуженному позору и уж тем более не заслуженной смерти у столба...

Разорвав нить внимания, Раэн поднялся и взглянул в окно. Снег прекратился, но на улицах, он готов был в этом поклясться, нет ни души: Нисталь, укрытый вьюгой и печалью утренних похорон, застыл в белом безмолвии. Вернувшись к пациенту, безмятежно дремлющему у очага, Раэн на всякий случай проверил ему пульс и прикинул, сколько парень еще проспит. Судя по состоянию организма и полученной дозе, никак не меньше пяти-шести часов. Как раз хватит, чтобы съездить к Девичьему роднику и обратно. Потому что единственное, что понял Раэн из увиденного, это то, что он абсолютно ничего не понимает. Конечно, те, кто забирал тела и лазил по кустам в поисках следов, затоптали все, что только можно, и, наверное, стерли тончайшие отпечатки ауры случившегося. И все-таки нужно

попробовать, вдруг незнакомые чары еще не развеялись, и возле родника получится в них разобраться?

* * *

Золотой молоточек ударил в гонг, и дородный круглолицый жених ступил на шелковый коврик перед ожидающим жрецом. Парой мгновений позже под придиричивыми взглядами на тот же коврик ступила Иргана, показывая, что знает обычаи и готова во всем следовать за мужем. Невесте оказаться на коврике первой – верх неприличия! Разве что самая властная женщина может позволить себе такое, прямо заявив, кому будет принадлежать власть в доме. Но такую неумную гордячку непременно осудят. Зачем же в лицо оскорблять мужчину? Кафтан супружеской жизни шьется тонкой иглой и мягкой ниткой. Мудрая жена непременно убедит ненаглядного повелителя, что он в доме голова, а уж то, что сама она – шея, мужу знать и понимать вовсе не обязательно.

Поэтому многочисленные гости благосклонно кивали, глядя на склоненную голову Ирганы под белым покрывалом из лучшего чинского шелка, таким прозрачным и невесомым, что сквозь него виднелся стыдливый румянец невесты. Мужчины одобряли покорность будущей жены, женщины – ее ум. Наргис, если бы ее спросили, похвалила бы Иргану только за изощренное искусство пользоваться румянами – щеки под шелковой вуалью алели удивительно правдоподобно.

«Я злая, – подумала Наргис, чувствуя, что сердце словно замерзло, не давая радоваться чужой удаче. – А ведь хотела когда-то, чтобы все вокруг были счастливы! Иргана так мечтала о муже, и я за нее обрадовалась, когда узнала о сватовстве. Но Маруди, он-то в чем виноват? Почему не могут быть счастливы действительно все? И он, и Иргана, и этот купец... Почему кому-то обязательно должно быть больно даже среди этого сверкающего, сладкого, облитого золотым полдненным медом праздника?»

Она покосилась туда, где стояли охранники, но не нашла взглядом их командира. Маруди не пришел на свадьбу, и Наргис была последней, кто упрекнул бы его за это. Стоять и смотреть, как твоя возлюбленная дает клятвы другому? Какое сердце это вынесет?! Хоть бы глупостей не натворил... Маруди всегда был умным и рассудительным, но эти последние дни перед свадьбой Ирганы казался

сам на себя не похож, словно его точила изнутри болезнь или отрава. Наргис жалела его от всей души, но что она могла сделать? Только молиться, чтобы молодой джандар нашел собственную судьбу, ту, что не польстится на лавку с шелковым товаром и сад с прудом.

Жрец читал священные слова, лившиеся медленно и торжественно, две фигуры замерли перед ним, взявшись за руки. Платье Ирганы струилось алым чинским шелком – подарок Наргис. Несколько лет назад она купила его к собственной свадьбе, соблазнившись невероятным сиянием ткани, словно сотканной из лепестков прекрасного мака, но так и не надела. Сначала пришлось отменить свадьбу, а потом... В трауре, как известно, алое не носят.

Тетушка Шевари скорбно качала головой, когда Наргис велела вынуть платье из сундука, где оно покоилось, переложенное сухими ароматными травами, и отдать Иргане. «Разве по чину простой служанке такая роскошь? – вздыхала мудрая Шевари. – Возгордится, и как бы не было от этого беды!» Но Наргис была непреклонна: пусть берет. Алый цвет приносит невесте удачу и здоровое многочисленное потомство, это всем известно. Да и родня жениха пусть видит, что берет в дом не нищую сироту, а приличную девицу, обласканную высокородной госпожой за верную и старательную службу. Род ир-Дауд всегда славился щедростью к своим людям.

Против этого Шевари нечего было возразить, а Иргана визжала от восторга и кидалась Наргис в ноги, истово благодаря. И только сама Наргис понимала, что пытается откупиться от дурных предчувствий, не оставляющих ее с того дня, как она разрешила Иргане выйти замуж. А может, от собственной тихой боли и зависти...

Жених, разумеется, нарядностью не уступал невесте. Синий парчовый халат купца был расшит золотом до того густо, что ткань едва проглядывала, а поверх этого великолепия гордо красовался широкий свадебный пояс, вышитый Ирганой. И снова Наргис не могла не подумать, что тонкий стан Маруди этот пояс подчеркнул бы куда лучше. «Перестань, – одернула она себя. – Не зови темных джиннов, приносящих несчастья, такими неподобающими мыслями. Почтенный купец не виноват, что солнце его жизни уже клонится к закату. Ты же видела сама, какими глазами он смотрит на Иргану. Как на драгоценность, потерянную и снова обретенную. Ласково, горячо, почти благоговейно. А видит ли он при этом самую девушку за

призраком той, давно ушедшей, так тебе ли об этом судить? Ты ведь и сама отдала сердце даже не надежде на счастье, а ее блеклой тени...»

А свадьба шла своим чередом. Вот запястья жениха и невесты обвязали парчовой лентой с вышитыми священными словами, вот они распили на двоих одну чашу с вином, сладким от меда, но с добавлением настоя полыни, ибо такова супружеская жизнь, в которой не может быть сладости без примеси горечи и наоборот. Вот на них посыпались горсти риса, пшена, хмеля и монет, а они шли по ковровой дорожке, связанные за руки, улыбаясь смущенно и светло. Вот взмыл под самое небо залиvistый рожок, и ему дружно отозвались прочие инструменты, выплетая древний свадебный танец...

Наргис отошла от алтаря и посмотрела вслед молодым, которых окружила веселая толпа. Сердце резануло болью – этот танец она тоже когда-то учила... Глаза на несколько мгновений заволокло темнотой, она успела испугаться, но тут же мир вокруг прояснился, а рядом послышался мягкий голос с певучим чинским выговором:

– Прекраснейшая госпожа, простите недостойного слугу, но вы так побледнели. Должно быть, огонь вашей жизненной энергии испытывает угнетение. Так бывает от большой радости или какого-то иного сильного чувства. Позвольте недостойному предложить вам этот напиток, приготовленный из меда и лимона. Он освежит вас и поддержит течение жизненной силы в вашем теле.

Чинский мудрец Лао Шэ почтительно протягивал ей обеими руками пиалу с питьем, одну из тех, что стояли на уже накрытых в саду столах. Наргис признательно ему улыбнулась, поняв, что действительно умирает от жажды. День жаркий, и следовало выбрать платье потоньше, а ее наряд из белой парчи красив, но плотный и жесткий, будто доспехи. Она поднесла пиалу к губам и жадно сделала несколько глотков кисло-сладкого настоя. Сухость в горле исчезла, и дышать стало намного легче.

– Благодарю вас, почтеннейший Лао Шэ, – искренне сказала она чинцу. – Ваша забота неоценима, а мудрость непревзойденна. Простите, что последние дни не уделяла вам должного внимания. Всем ли вы довольны в нашем доме?

– Ах, прекраснейшая госпожа! – заулыбался чинец. – Мне ли жаловаться, что вас отвлекли заботы столь благородные. Мне уже

сказали, что девица, выходящая замуж, ваша личная служанка. Отрадно видеть великодушие, с которым вы устроили ее судьбу.

– Иргана – славная девушка, – отозвалась Наргис, бросая взгляд на круг нарядных гостей и домочадцев, посреди которого виднелось ало-золотое пятно. – Я рада за нее и желаю ей счастья. От всей души желаю, – повторила она, со стыдом понимая, что убеждает в этом скорее себя, чем чинца.

Какая же она завистливая гадина! Может быть, и вправду она не заслуживает никого, кроме Джареддина, такого же мерзавца, покусившегося на то, что принадлежит его брату?

Лао Шэ закивал и принялся рассказывать что-то очень интересное о чинских свадебных обычаях, но Наргис почти не слышала его, хотя улыбалась и тоже кивала. В висках стучали маленькие звонкие молоточки, болезненно совпадая по ритму с большой кожаной дарбукой, на которой чернокожий музыкант отбивал ладонями ритм танца.

«Это я должна была стоять там, в центре круга, – тоскливо подумала Наргис. – Красивая, как всякая невеста, в алом платье, сияющем, словно лепестки мака, румяная от стыда без всякой краски, боящаяся поднять глаза на мужчину, которого отныне могу называть своим...»

– Скажите, почтеннейший Лао Шэ, – уронила она, частью сознания отметив, что чинец умолк. – Что говорят обычаи вашей родины о девицах, которые не выходят замуж?

– Разное, – откликнулся чинец, ничуть не удивившись ее вопросу. – Смотря какие причины привели их к этому решению. Бывает, что девица слишком горда или, напротив, чересчур скромна и боится мужчин. Или, возможно, ей приходится много работать, чтобы ухаживать за младшими братьями и сестрами. Большое горе, если девица вынуждена пожертвовать собственным счастьем, но причина в высшей степени благородна.

– А если... – Говорить было трудно, и все же Наргис выталкивала слова через опять пересохшее горло. – Если ее жених погиб? Или уехал так далеко, что не может вернуться? Что если мужчина перед самой свадьбой забирает свое слово обратно, потому что его зовет иной долг?

Она так и не смогла сказать о болезни, чтобы хоть немного сохранить лицо. Мужчины – сплетники не меньше женщин, будь они хоть сто раз мудрецами. И Лао Шэ, возможно, уже известно, почему она до сих пор не замужем...

– Скажите, осуждают ли ваши обычаи девушку, которая примет свободу, что ей возвратили, и отдаст ее другому?

Она затаила дыхание, ожидая ответа. Вот сейчас... сейчас и мудрый чинец повторит то, что ей годами пели в уши родственницы и служанки. Что нужно смириться с волей богов, отпустить и забыть. Что нужно искать иную судьбу, которая приведет ее к счастливому браку со здоровым мужем!

– У меня дома, о прекраснейшая госпожа, – полился голос Лао Шэ, – рассказывают одну древнюю легенду о пастухе и ткачихе. Кто называет их небеснорожденными существами, жившими в волшебном дворце, кто, напротив, самыми обычными людьми. Но сходятся все в одном. Любовь этих двоих стала так велика, что едва не привела их к безумию и стала причиной бед. Повелитель неба и земли приказал разлучить их и превратил в звезды, которые воссияли на разных берегах Молочной Реки. Лишь одну ночь в году, да и то в ясную погоду, позволено им встретиться, чтобы оплакать свою участь и принести новые клятвы бесконечной и безнадежной верности. Но...

– Но?... – повторила замороженная Наргис.

– Хотя и разлученные, они все равно любят друг друга, – просто сказал чинец. – Их верность – причина, по которой люди помнят эту легенду и рассказывают ее многие века. Неужели они не могли найти себе кого-то другого? Того, с кем были бы на одной стороне Реки? Но они любят, верят и ждут. Говорят, перед концом мира Небесная Молочная Река высохнет, и они смогут встретиться, чтобы уже больше никогда не расставаться. Но до этого еще тридцать три вечности, как учат нас священные книги, поэтому Пастух и Ткачиха сияют в небе, год за годом ожидая краткого свидания. О, верность – это самое прекрасное, что есть на земле и в небесах...

– Верность... – снова повторила за ним Наргис. – Даже без малейшей надежды? Даже если одна ночь в году – и та недостижима?

– Пока люди живы, надежда всегда остается с ними, – невозмутимо заметил Лао Шэ. – Я всего лишь скромный книжник, моя госпожа, но я слышал о многих и многих чудесах. Те, кого считали

умершими, возвращались к жизни, неизлечимо больные вылечивались, а приговоренные получали помилование. Кто может сказать, что знает будущее? Мы можем лишь надеяться, что оно окажется милосердным и справедливым. Если девушка, о которой вы говорили, отдаст другому не только свободу, но и свое сердце, никто не вправе ее винить. Но если она сохранит верность уехавшему на край света, умирающему от болезни или ушедшему на войну, тем больше ее заслуга перед людьми и богами. А боги иногда любят проявить великодушие и наградить преданные сердца воссоединением. Даже у Пастуха и Ткачихи есть надежда, что уж говорить о нас, простых смертных.

– Благодарю вас, Лао Шэ, – тихо сказала Наргис.

Ей показалось, что с сердца упали стянувшие его оковы, так легко стало дышать. Верность! Чинец прав, как Наргис могла отчаяться, если Аледдин все еще жив?! Ему предрекали скорую смерть еще несколько лет назад, когда проклятие только проявилось, но письма из Тариссы все еще идут. Значит, она должна ждать, надеяться и верить в милосердие богов.

* * *

Что-то в окружающем мире было совершенно неправильным, и задремавший совсем ненадолго Фарис растерянно озирался, пытаясь понять, что именно изменилось за это время. Целитель Раэн сидел за столом и торопливо писал на листе странной бумаги, тонкой, почти прозрачной. И снег все так же шел за окном... За окном? Фарис посмотрел на небо и заморгал, подозревая, что успел сойти с ума за время сна.

– Пять часов, – бросил Раэн, откладывая перо.

– Что – пять часов?

– Ты проспал пять часов, почти весь день, поэтому и солнце не на месте. Интересно, что ночью будешь делать?

– На луну выть. Или сонное зелье попрошу, – буркнул Фарис, садясь и растирая ноющие виски.

– После этой гадости? – Раэн удивленно вскинул брови. – Уж лучше я тебя поленом по голове огрею. Честное слово, вреда будет меньше.

Аккуратно сложив листок, целитель вскочил и, улыбаясь, протянул Фарису руку. Тот, возмущенно фыркнув, попытался встать и понял, что помощь предлагалась не зря: ноги тряслись так, словно он в

одиночку уговорил баклагу молодого вина. Впрочем, слабость быстро прошла, оставив лишь легкую головную боль.

– Ну что? – окликнул Фарис Раэна, сворачивающего письмо в трубочку. – Получилось?!

Тот пожал плечами.

– Что-то получилось, – сообщил он задумчиво. – А вот что? Пока ты отсыпался, я съездил к роднику, поискал отпечатки магии. Как бы тебе объяснить?

Покопавшись в потертой дорожной сумке, он достал из нее деревянную миску и мешочек, в котором оказалась горсточка птичьих перьев. Бережно вытряхнул их в миску, добавил золы из очага, разбил пару сырых яиц и плеснул воды, а потом взял ложку и несколькими движениями замесил подобие теста.

– Представь, что ты смотришь на след неизвестного зверя, – продолжил он, отставляя миску в сторону и опять копаясь в сумке. – Это не лапа, не копыто, не птичий след, а нечто иное, чего ты никогда не видел. Сможешь определить что-нибудь?

– Ну, может быть, величину, – неуверенно сказал Фарис.

– Разве что величину, – подхватил Раэн, старательно смешивая в медной чашке какое-то пахучее масло, белый порошок вроде муки и обыкновенный комок паутины. – Ни облика зверя, ни его повадок ты не узнаешь. Вот и у меня то же самое. Магия там точно есть, сильная, густая, несущая смерть, это я могу сказать совершенно определенно. А все остальное не читается. Откуда она взялась? Что послужило толчком? Почему не погиб только ты? Сплошные вопросы! Может быть, это как-то связано с новолунием?

Он размял получившуюся смесь и поджег, просто дунув на нее. Плоская лепешка вспыхнула ровным зеленоватым пламенем и очень быстро сгорела, оставив пепел, который чародей всыпал в миску с перьями и золой и снова размешал, на этот раз очень тщательно.

– Что ты делаешь? – не выдержал Фарис.

– Сейчас увидишь...

В ловких пальцах чародея комок грязно-серого теста с торчащими из него перышками стал фигуркой птицы, напоминая глиняные свистульки, которые лепят мальчишки.

– Если я чего-то не знаю, то это может знать кто-то другой, – отстраненно сообщил Раэн, выглаживая фигурку пальцами. Внезапно

Фарис понял, что птичка прямо на глазах покрывается перьями, точь-в-точь такими, какие чужестранец смешал с золой. – А отправить обычное письмо у нас вряд ли получится, снег отрезал долину надолго. И времени терять тоже нельзя, так что придется...

Теперь он вертел в ладонях настоящую птицу размером примерно с грача, только неподвижную, словно чучело. Отложив свое создание в сторону, целитель взял со стола длинный узкий нож голубоватой стали, который Фарис только сейчас заметил, быстро полоснул левую ладонь по бугру возле большого пальца и сложил ладонь лодочкой. Видимо, разрез был глубоким, потому что ладонь почти мгновенно наполнилась кровью.

– Если хочешь получить что-то, нужно за это платить, – спокойно произнес Разн, глядя на изумленного Фариса. – А за жизнь, даже такую ненастоящую, нужно платить жизнью. Или хотя бы ее частичкой. Все честно.

Взяв правой рукой птицу, он вылил на нее часть крови, и та мгновенно впиталась в темно-серые перья. Затаивший дыхание Фарис увидел, как то, что недавно было комком грязи, на глазах ожило, встрепенулось. Покосившись на него желтым глазом, колдовская птица перелетела на левую руку целителя и опустила клюв в лужицу крови. Через несколько мгновений ладонь оказалась чистой, только белая ниточка шрама на месте разреза еще напоминала о случившемся. Почему-то Фарису подумалось, что и она продержится недолго.

Привязав к лапке птицы письмо, завернутое для надежности в кусочек тонкого пергамента, Разн открыл дверь, что-то сказал своему созданию и резко взмахнул рукой. Темно-серый комок сорвался с его предплечья и взмыл в небо, стремительно набирая высоту.

– В Аккаме живет один мой хороший друг, знаток редких видов магии, – пояснил чужеземец, возвращаясь в комнату. Ледяной порыв ветра, прорвавшийся в распахнутую дверь, закрутил оставшееся на столе перышко. – Если кто и может нам помочь, то это он. И не смотри на меня такими глазами. Вроде бы ты и раньше знал, что я чародей? Летающие ведра тебя не удивляли...

Насмешливо улыбнувшись, Разн смахнул со стола остатки золы обратно в очаг.

– Придется нам набраться терпения, друг мой Фарис. Даже для моей птички путь до Аккама не близок. Неизвестно, когда она

вернется, и будет ли толк от ее возвращения. Что ж, подождем!

ГЛАВА 8. Мудрость счастья и горя

После первого дня все следующие потекли для Фариса непрерывной серой чередой. Он не выходил на улицу, но иногда жадно смотрел из-за садовой ограды на редких прохожих, стараясь, чтобы его не заметили. Так птица, пойманная в силоч, тоскливо глядит на свободных собратьев, надеясь взлететь и даже иногда пробуя крылья, однако снова и снова замирает в ловушке.

Долина, взбудораженная горем и страшной карой, успокаивалась медленно. То ли по приказу старейшин, то ли по общему молчаливому соглашению нистальцы разом перестали замечать и маленький домик возле площади, и тех, кто в нем жил. Целителя Разна это не беспокоило, он и сам выходил со двора только в трактир за продуктами, посмеиваясь, что конская колбаса, жареные куры и овечий сыр в Нистале все равно хороши, даже не приправленные учтивостью.

Так прошло две недели, а на третью семилетний Кадис ир-Хаман, внук трактирщика, провалился в ледяной ручей, и травники Нисталя не смогли помочь мальчику, тающему в лихорадке. Отец Кадиса посреди ночи забарабанил в дверь целителя, разбуженный Разн мигом собрался, отправился к ребенку и просидел у его постели до утра. К полудню мальчишка задышал свободно, жар спал, а еще через три дня он выбрался на улицу, здоровый и окрепший, и первым делом попытался снова провалиться в тот же ручей. На этот раз родичи были настороже, Кадис получил отцовского ремня, а нистальцы снова стали звать Разна «почтенным» и кланяться при встрече. Пару раз к нему даже приходили за зельями, Фарис в таких случаях молча уходил из дома в сарай, где лелеял и обихаживал кобылу чародея в глухой тоске по своему Серому.

Странное дело, по матери, сестрам и младшему брату он не тосковал так, как по коню, которого вырастил из жеребенка. Родные... Думать о них было страшно и невыносимо больно, и Фарис изо всех сил запрещал себе это, раз и навсегда решив, что дядюшки Фарид и Нафаль их не бросят. Конечно, и малышу Хамиду, и Зарине с Дариной, и матушке сейчас несладко, никто не позволяет им забыть о брате-

предателе, но ведь Раэн обещал помочь! Скоро все узнают, что Фарис не виноват, и тем, кто поверил в его предательство, станет стыдно.

Так что его семье просто нужно немного потерпеть, и Фарис дал бы себя выпороть кнутом, чтобы хоть украдкой попросить их об этом, но Раэн и сам отказался заглянуть к нему домой, и ему запретил. Сказал – не время. Фарис попытался было спорить, но Раэн напомнил про серебряное облако и вкрадчиво спросил, понимает ли ир-Джейхан, что именно может ненароком привести за собой к беззащитным родным? Сказанного оказалось достаточно, чтобы Фарис мгновенно покорился и согласился ждать.

Если не считать этого разговора, ему оказалось на удивление легко поладить с лекарем. Через пару дней Фарис уже чувствовал себя в доме Раэна совсем своим. Эти первые дни они лениво разговаривали за бесконечным кофе да играли в нарды, которые отыскились в кладовой. Сколько же Раэн знал интересного! О джиннах и дэвах, о древних воителях и чародеях, о далеких странах и людях, живущих там. А главное, рассказывал не как старики в долине, что важно и непререкаемо цедили пышные обороты, но весело и понятно, словно о самых обычных делах.

А потом Раэн взялся учить его сабельному бою. С утра Фарис успевал переделать все дела по хозяйству, сколько их было-то! Нарубить дров и растопки впрок, раз уж прежние хозяева домика об этом не позаботились. Натаскать воды, чтобы кухонные ведра и котел для мытья всегда были полны. Почистить сарай и покормить кобылу, прогулять ее по саду, а потом растереть соломенными жгутами, чтобы шкура лоснилась и кровь бежала быстрее. Да и все! Ни тебе заботы о большом семейном доме, ни отары овец в три сотни голов, ни прочих дел, которых никогда не переделаешь. Гоня мрачные мысли, как теперь мать с сестрами управляются без него, он быстро заканчивал, выходил в сад, и Раэн гонял его, как мальчишку, впервые взявшего в руки саблю.

Потом они обедали, целитель уходил в комнату, где варил свои лекарские зелья, а Фарис опять выходил во двор и занимался уже сам. Снова и снова он повторял указанные приемы, вплетая их в нистальскую манеру, которой учил его отец. Когда тело начинало дрожать от усталости, упрямо принимался за метание ножей и аркана, а едва передохнув – снова за саблю, доводя себя до изнеможения, до

черных мошек перед глазами, чтобы сил осталось только на ужин и мытье.

Потом он падал в постель и засыпал, не думая ни о чем, чтобы утром проснуться для нового дня ожидания.

Но однажды Раэн все-таки застал его у окна, замершего, опустившего голову и в полнейшей безысходности кусающего себе губы, чтобы не кричать. Молча встал рядом, посмотрел на голые черные ветви сада, а потом медленно заговорил, тщательно подбирая слова:

– Когда умирают близкие... или друзья... то частичка твоей души, отданная им, умирает вместе с ними. И потому эту рану никогда не залечить... Они уходят навсегда, а ты остаешься с болью и горечью... И с пустотой в душе. В той ее части, что принадлежала им... Со временем боль стихает, а потом, словно зацепил пораненное место, какая-то мелочь случайно подворачивается, напоминая, и тебя будто холодом обдает... Но они ведь тоже отдали тебе часть своей души, и пока ты помнишь их – они живы... Лица, голоса... Они возвращаются... Во сне, нечаянной мыслью, словами, что могли бы сказать они... неожиданным уколом в сердце... И твоя жизнь принадлежит и им, ушедшим, тоже. Они словно проживают ее вместе с тобой... Как и со всеми, кто их помнит... И всегда остается надежда на встречу. Так что стоит подумать, чем они смогут гордиться в вашей общей жизни. Нет стыда в скорби. Но твоя слабость – плохой подарок тем, кто ушел.

– Ты... знаешь? – прошептал Фарис, не отрываясь от разглядывания заснеженных холмов далеко за садом. – Откуда?

– Каждому кажется, что его боль невыносима, что хуже просто быть не может, – тихо проговорил чародей. – Поверь, еще как может. У меня был друг. Давно. Очень давно и очень далеко отсюда. Мы вместе учились воинскому делу, с самого детства вместе жили в школе до совершеннолетия. Три десятка мальчишек в огромной комнате. Изо дня в день, долгие годы. Его кровать стояла слева от моей. После тренировок он смазывал мне синяки и ссадины лекарством, а я ему. Когда мне снились кошмары, он меня будил. Мне часто снились кошмары...

Раэн запнулся и резко выдохнул, словно от боли, затем продолжил ровным тоном:

– Мальчишки любят прозвища, они говорят больше, чем имена. Его звали Чертополохом за упрямство и вспыльчивость, а меня – Бродягой за то, что постоянно мечтал увидеть иные земли. Потом наши дороги разошлись. Я начал всерьез изучать магию, а он остался воином и мечтал стать джандаром нашего правителя. Лучший боец из трех десятков, что начинали вместе... У него бы получилось. Вот только я как раз столкнулся со своей первой тайной, но не знал, насколько она опасна. Конечно, когда я попросил Чертополоха о помощи, он откликнулся с радостью. Мы потянули эту тайну за ниточки с разных концов, а ниточки оказались ядовитыми змеями...

Чародей снова перевел дыхание. И голос его был так же бесстрастен, только пальцы, лежащие на крае подоконника, побелели.

– Его убили у меня на глазах. Прямо на улице, в нескольких шагах от моего дома. И вся моя магия не могла помочь... Я держал его на руках и рыдал, а Чертополох задыхался и все пытался сказать мне что-то. Он знал, что умирает, понимаешь, Фарис? И пытался предупредить меня о том, что успел понять. А я знал, что он был бы жив, не попроси я его о помощи. И какая разница, что я нашел того, кто приказал убить моего друга? Нашел и заставил умереть... Все равно Чертополоха не вернуть, а мне до конца жизни помнить, что это я отправил его на смерть. Никто не винил меня, Фарис! Ни его родичи, ни наши с ним друзья по школе – никто. А если бы винули, может, мне даже стало бы легче?

Нисталец протянул руку и молча сжал плечо Разна. Вряд ли нашлись бы слова, способные помочь, так что не стоило и пытаться. Чародей улыбнулся невесело, но с благодарностью.

– Вина хуже боли, малыш. И никто не осудит тебя строже, чем ты сам. Не осудит и не накажет. Много раз после этого я терял друзей, но знаю точно: Чертополоха можно было спасти. Если б я тогда отнесся к опасности серьезнее... И все равно мне пришлось простить себя и жить с этим дальше. А иначе получилось бы, что он умер напрасно. И тебе тоже придется жить, Фарис, тем более что тебе и прощать-то себя не за что. Нет в случившемся твоей вины... Хотя от этого не легче, верно?

– Верно, – тихо отозвался ир-Джейхан.

Четкий профиль чужеземца белел рядом. За окном густые сумерки ложились на маленький дворик и пустынную улицу, скрывая

далекие холмы. Грызущая душу боль медленно отступала, превращаясь в светлую терпкую печаль, но теперь Фарис готов был принять ее и навсегда оставить в своей жизни.

* * *

— И когда славнейший и достойнейший Люань Жэ Седьмой вернулся в родной город, он пришел в родную усадьбу и упал на колени, целуя землю своих предков. А прекрасная и верная Цветок Лотоса выбежала ему навстречу. И заплакала, и закрыла лицо рукавом, чтобы не показать, как постарела за эти годы...

— Еще бы, тридцать лет-то прошло, уж не помолодела девица, — тихонько буркнула старуха Шевари, склонившаяся над вязанием.

Собравшиеся укоризненно глянули на нее и снова замороженно вслушались в мягкий певучий голос чинца.

— Люань Жэ Седьмой встал и увидел, что лицо Цветка Лотоса скрыто многослойным шелком рукава. И хотя стан ее по-прежнему тонок, словно девичий, на волосы лег туман седины. «О, прекрасная дева! — воскликнул Люань Жэ Седьмой. — Прости, что так долго был я в пути. Однако повеление твое исполнено. Вот огненная птица, что пение возвращает здоровье, чьи слезы даруют молодость. Не печалься, что нежный жасмин юности сменился яшмой зрелости. По воле небес твои годы облетят с лица и тела, как лепестки вишни под порывом ветра». Он сорвал платок с клетки, и птица запела. У всех, кто услышал ее дивное пение, прошли недомогания и болезни. А потом из глаз птицы выкатились две слезы, подобные жемчугу. Люань Жэ Седьмой проглотил одну из них и тут же обернулся прекрасным юношей, словно и не прошло тридцати лет. Вторую слезу он отдал Цветку Лотоса, и ее волосы снова стали черными и блестящими, как драгоценный соболиный мех, кожа разгладилась, а глаза просияли подобно агатам. Все были поражены таким чудом, и князь Ван Хэ велел записать повесть о нем и отправить к Высочайшему Двору. Через положенный срок, поклонившись могилам предков и принеся жертвы богам, Люань Жэ Седьмой и Цветок Лотоса сыграли свадьбу и стали жить мирно и счастливо, а земного пути боги им отмерили еще пятьдесят пять лет и забрали к себе в один день. Потомки их и поныне живут в уезде Чаной...

— А птица-то куда подевалась? — не выдержала одна из служанок. — Чего ж они опять себе молодость не продлили? Неужто

сдохла к тому времени?!

На нее шикнули за дерзость, и девчонка зажала рот рукой, но почтеннейший чинец не обиделся. Тонко улыбнувшись, он поднял палец перед собой и пояснил:

– Волшебную птицу милостиво согласился принять в дар Облачный Государь, и Люань Жэ Седьмой почтительно преподнес ее Высочайшему Двору. За этот верноподданный поступок Государь наградил Люань Жэ Седьмого двенадцатью ларцами, полными драгоценностей, и даровал ему и его потомкам освобождение от налогов на три поколения.

Женщины понимающе закивали, хотя кое-где послышались горестные вздохи, а Наргис, улыбаясь про себя, подумала, что обычаи царственных особ удивительно схожи. Если бы кто-то из подданных пресветлейшего шаха заполучил такую волшебную редкость, самым разумным поступком было бы немедленно подарить ее повелителю. В противном случае... Впрочем, думать о таких вещах ей, дочери визиря, не полагалось. Пресветлейший государь велик и мудр, он достойно награждает верность и карает непочтение. Да хранят его светлые боги, ибо без государя все шахство рухнет в пропасть беззакония.

– Благодарю вас, почтеннейший Лао Шэ, – сказала она вслух, и женщины, собравшиеся в большой комнате, закивали. – Вы великодушно рассказали нам прекрасную повесть, полную чудес и мудрых мыслей.

Чинец сложил перед собой ладони и ответил почтительным поклоном, не вставая с подушек, на которых сидел. Кто-то из девушек тут же метнулся к нему с пиалой прохладного шербета, и Лао Шэ сделал пару глотков, а затем улыбнулся и сказал:

– Мне ли, недостойному, принимать эти слова от светлейшей госпожи? Видит небо, это я, ваш покорный слуга, должен вечно испытывать признательность за подобную заботу. Поистине этот дом стал для меня дороже родного. Когда вернусь домой, сердце свое оставлю здесь, и пусть послужит оно камешком в башне славы и величия вашей семьи.

Женщины вокруг умиленно улыбались, продолжали кивать и покачивать головами, с восхищением глядя и на ученого чинца, знающего столько дивных сказок, и на свою госпожу, что ведет с ним благородную беседу.

– Говорят-то оба как по писаному... – расслышала Наргис восхищенный шепот из стайки служанок, замерших у самого входа.

Их в гостиную допустили из великой милости, и болтушке немедленно поддали локтем под ребра, чтобы замолчала. Не дай боги, госпожа прогневается и больше не позволит слушать истории, которые уже вторую неделю рассказывает по вечерам приезжий мудрец. Конечно, всю прислугу в комнату не пускали, но можно не сомневаться, что на следующий же день очередная легенда или сказка из далекой Чины облетит усадьбу, пересказанная несколько раз. Правда, благородный чинский юноша Люань Жэ Седьмой в изложении кухарок и охранников станет Латифом или Хазретом, а Цветок Лотоса превратится в привычную Ясмин, Гюльназ, а то и Наргис. Все-таки нарциссы с жасмином добрым харузцам куда привычнее и понятнее лотосов.

– Ох и хороша история! – выдохнула тетушка Шевари, и Наргис, хорошо знающая ее характер, немедленно насторожилась. – А все ж таки не следует забывать, что сказка – она сказка и есть. Добро, что боги сжалились и Люань этот живым домой вернулся, да еще и с волшебной птичкой. А ну как сложил бы голову где-нибудь по дороге? А девице его всю жизнь ждать? Понятное дело, что она завяла да исчахла от горя и забот. После тридцати лет одиночества, пожалуй, и замуж уже не захочешь!

– Так ведь она ж опять помолодела, – возразила тетушка Навадари, тоже одна из тех, кому, ради их положения в доме и почтенного возраста, обсуждать истории дозволялось. – А раз молодая, так чего замуж не пойти? Опять же, Люаня этого чинский государь сокровищами пожаловал! И молодой, и богатый – жених на славу!

– Ну, сокровища сокровищами, а жить-то с человеком, не с ними, – сварливо возразила Шевари, и все в комнате притихли, даже сам Лао Шэ сощурился, попивая шербет и слушая спор. – Вот ты бы пошла за мужчину, который по первому твоему слову готов на тридцать лет из дома сорваться? Мало ли что девчонка неразумная захочет? Может, она звезду с неба потребует, так он и за звездой побежит? А вот не добыл бы он эту птицу, а? Хорошо, если сам домой вернулся нищим да старым, хоть помер бы в покое, а не в канаве придорожной. А невеста всю жизнь прожила пустоцветом, ни мужской

ласки не зная, ни деточек не родив. Не всякому ж боги вторую жизнь жалуют. Простому человеку одну бы прожить как положено.

– Ты что ж такое говоришь, а, Шевари? – возмутилась тетушка Навадари. – По-твоему, как этот Люань за порог, так Лотос должна была за другого выскакивать? Может, еще за первого, кто посватается, чтобы в девках не остаться?

– Ну, за первого-то зачем? – пожала плечами Шевари, не переставая вязать – спицы так и мелькали в руках. – Раз уж она лучшая красавица была в этом их уезде, так выбрать могла, наверное. Уж не хуже этого Люаня там женихи водились. Да и не сразу, а подождала бы лет пять для приличия.

– А как же любовь? – простонал кто-то из молодых. – Она ж его любила!

– Эх, девицы... – вздохнула Шевари и бросила быстрый взгляд в сторону Наргис. – Любовью в холода не укроешься да в казан не положишь. Благо, что не сирота она была и не нищенка, а девица из приличной семьи, да еще и единственная дочь. Вот и прожила эти тридцать лет в довольстве. А если бы у нее на руках пять младших сестер было – и всех замуж надо выдать? Да родители старые... А если бы он не до свадьбы за птицей этой сорвался, а потом? Когда у них уже дети родились бы, а? Это, конечно, вряд ли. Мужчины только для невест готовы за волшебными птицами бегать, а станешь законной женой – и курицы на ужин не всегда допросишься. Но вдруг? Он, значит, уедет на тридцать лет, а ты с детьми? Да со своими родителями, да со свекрами, которых он на тебя оставил, а? Тут никакого волшебства не захочешь, лишь бы муж дома был, чтобы не одной с этим хозяйством биться. Ну, обещала она ему... Обещания надо держать, это верно. Да только и головой же думать надо. Поискал бы года три эту птицу – и хватит. Вернулся бы домой с подарками заморскими, так приняла бы его невеста и без птицы.

– А если бы не приняла? – спросила Навадари, воинственно выставив вперед подбородок. – Вот взяла бы да отказала, раз он слово не исполнил?

– Значит, сама дура! – отрезала Шевари. – Если живого жениха готова на глупую девичью мечту променять и на тридцать лет из дома выгнать, значит, не заслужила ни жениха этого, ни счастья женского. Вот скажи мне, Навадари, какая ей была необходимость в этой птице?

Помнишь, наш почтенный гость другую сказку рассказывал? Как девица чинская бросила жениха перед алтарем и пошла на край света за лекарством для отца? И выслужила ведь зелье у этих драконов их чинских, и домой вернулась, и замуж потом вышла. Хоть жених ее и не дождался, да нашелся иной достойный человек, что такую дочернюю преданность оценил. Вот эта история по мне. Чтобы родного батюшку или матушку от смерти спасти, любому дракону рога посворачиваешь! Но Лотос-то не больная была, а просто ей красоту свою бесценную уберечь хотелось. Чтобы подружки старились, а она все молоденькой да свеженькой бегала. Красоту, ишь ты! – Шевари зло фыркнула, и спицы в морщинистых руках замелькали еще быстрее. – Мало ей было того, что и так первая красавица. Да и кто не красив по молодости? Или ты, Навадари, нехороша была? Или я? Да я бы свою молодую красоту всю по капельке сцедила и отдала, лишь бы мой Тарун с войны пришел. Только сгинул он в Степи, и могилы не найти. С волшебной птицей не вернется... А Лотос эта – дура из дур! И зря ей боги жениха вернули, как по мне. Еще и с молодостью! Вот встретила бы она его, а оба старые, и жизнь прошла впустую! Уж и не знаю, как бы тогда в ногах валялась и за глупость свою каялась. Хотя оба хороши, конечно. Она, дура, послала, а он, дурак, пошел! – сердито закончила Шевари в полной тишине.

– Мудрость почтенной госпожи велика и неизмерима, – уронил чинец, обводя молчащих женщин добрым и лукавым взглядом прищуренных глаз. – Но бывает мудрость счастья и мудрость горя. Когда говорит одна из них, то вторая всегда молчит, потому что знает, человек не способен слышать оба их голоса вместе. Блажен тот, кто в радости не забывает о горе, а в горе умеет помнить радость. – Женщины снова закивали, а чинец продолжил задумчиво и неторопливо: – Если бы Люань Жэ погиб или вернулся старым, не найдя огненную птицу, это был бы совсем другой рассказ, не менее назидательный. Он учил бы таким необходимым вещам, как осторожность, скромность и благочестие. Боги велели нам рождаться, стариться и умирать в свой срок. Нарушение этого порядка – большой грех. Но Цветок Лотоса получила суровый урок за свое честолбие и гордыню. Тридцать лет – долгий срок, и все-таки она выдержала его, не поддавшись искушениям. Измени она Люань Жэню и выйди за

другого, чем бы оправдалась перед собой, богами и людьми? А так она сохранила главное – верность.

– Верность... – тихо повторила Наргис и смутилась: на какой-то миг все глаза в комнате обратились на нее, но тут же снова женщины отвели взгляды.

Кто старательно уткнулся в рукоделие, кто тихонько зашептался с соседкой. А Лао Шэ медленно и торжественно кивнул ей, почти поклонился. Затем встал и согнулся уже в самом обычном почтительном чинском поклоне, проговорив:

– Прошу прощения, что мой скромный рассказ едва не оказался причиной распри в этом доме.

– Ну что вы, господин Лао Шэ, – улыбнулась Наргис. – Разве истина порой не рождается заново в спорах о ней, подобно змее, кусающей свой хвост?

– Ах, госпожа моя, – покачал головой чинец, – каждый раз мне приходится напоминать себе, недостойному, какой искушенный и пытливый ум сочетается с вашей красотой. Но если так, рассудите же нас, прошу. Должна была Цветок Лотоса ждать жениха, которого сама же отправила в далекий и почти безнадежный путь?

– Да, – уронила Наргис, чувствуя, как взгляды притихших женщин снова встретились на ней. – Ей не следовало просить у него такое непосильное и опасное доказательство любви. Но если Люань Жэ Седьмой все-таки отправился в путь по ее просьбе, честь требовала, чтобы она хранила ему верность, сколько бы он ни отсутствовал.

Старуха Шевари поджала губы, тетушка Навадари просияла победной улыбкой, а чинец снова поклонился. Он вообще кланялся легко, охотно и слишком часто для пожилого почтенного человека, но Наргис знала, что таковы чинские обычаи. Надир, правда, утверждал, что чинцы делают это, потому что верят, будто через взгляд человека можно узнать его мысли. Но какие мысли может скрывать добродушнейший Лао Шэ, всего лишь рассказавший занимательную сказку?

– А жениху той девы, что отправилась за лекарством для отца, тоже надлежало ее ждать?

Лао Шэ прищурился, и было видно, что ему искренне интересно. Шепотки среди женщин не стали громче, но общий разговор, хоть и тихий, усиливался, словно шум приближающейся волны.

– Да, если он любил ее и был человеком чести, – твердо ответила Наргис. – Ее причина отложить свадьбу была достойна уважения. Какая дочь не захочет спасти родителей? Но... – Она заколебалась и сказала с некоторым сомнением: – Будь я на ее месте, я сама бы вернула жениху обещание, чтобы ему не пришлось ждать напрасно. Если любовь достаточно велика, верность можно сохранить и без клятвы. Если же нет – клятва не поможет, лишь отягчит совесть и душу.

«Как вернул тебе брачные клятвы Аледдин, – иглой воткнулась ей в сердце мысль. – Он не хотел, чтобы ты связала судьбу с умирающим. Так почему же ты до сих пор непустишь ни его, ни себя? Есть ли честь в такой верности? Может быть, просто у тебя нет иного выбора, как хранить эту непрошеную и никому не нужную верность? Что бы ты сделала, если бы кто-то действительно тронул твое окаменевшее от горя сердце?»

– Благословлен богами тот, кому не приходится выбирать между любовью и верностью, – сказал вдруг Лао Шэ, и Наргис вздрогнула, потому что это прозвучало ответом на ее вопрос самой себе. – Какой путь покажется длинным, если летишь на двух этих крыльях?

– Вы правы, почтенный, – откликнулась она и, встав, низко поклонилась чинцу. – Благодарю за рассказ и урок.

Зашелестели платья и шали: женщины в комнате последовали ее примеру, вставая и кланяясь, Лао Шэ, не переставая, кланялся в ответ. Наргис же, как только позволили приличия, стремительно вышла из комнаты на террасу, спустилась в сад. Сморгнув навернувшиеся слезы, до боли вгляделась в равнодушное эмалево-голубое небо и безмолвно взмолилась: «Пресветлые боги, пусть моя любовь и верность в самом деле обернутся крыльями. Позвольте мне увидеть его еще раз и понять, не лгу ли я самой себе, отказываясь даже думать о других мужчинах? Что это, любовь или трусость? Верность или страх? Дайте мне знак, молю!»

Но небо молчало, и лишь легкий ветерок закачал розовые чинские лотосы на зеркальной глади пруда.

ГЛАВА 9. Выбор пути

Тот вечер, когда они с Разном приоткрыли друг другу сердце, словно заставил Фариса повзрослеть на несколько лет. На первый взгляд, правда, ничего не изменилось, Разн все так же учил его владеть саблей, они вместе занимались нехитрыми домашними делами, а вечерами играли в нарды и разговаривали. Фарис никак не мог понять, какой интерес целителю, повидавшему разные страны, слушать о Нистале, самом скучном месте на свете. Здесь время считается от ярмарки до ярмарки или от одного набега степняков до другого, а больше ничего и не происходит. Ягнятся овцы, жеребятся кобылы, мужчины женятся, а потом их жены рожают детей, иногда кто-то умирает или погибает, но все это события мелкие, словно крошечные красные муравьи. А настоящая жизнь проходит мимо, она где-то за холмами, что отгораживают Нисталь от большого мира.

– Ты поэтому так на предсвадебных гуляниях чудил? – спросил однажды Разн, и Фарис кивнул, сам устыдившись прошлых забав.

– Ну да, – нехотя ответил он. – Тоска берет, если каждый день такой же, как все остальные дни. Я весь год этой поры ждал, чтобы повеселиться. А сейчас думаю, что порой лишнего творил. Нам-то с парнями весело было, когда мы арбу в овраг спихнули, а ир-Кицханам не очень. Она ведь до сих пор там лежит. Оказалось, проще новую сладить, чем ту вытащить.

– А разве это не по обычаю? – приподнял целитель брови. – Мне Камаль рассказывал, что у вас так положено.

– По обычаю, – сумрачно отозвался Фарис. – Но обычай тоже по-разному исполнять можно...

Они оба понимали, о чем на самом деле это сказано. Разн молча кивнул, и Фарис вздохнул свободно: ни вспоминать, ни вслух говорить о том, как стал ашара, ему не хотелось. Впрочем, избавившись от яда вины, разъедавшего душу изнутри, он стал гораздо спокойнее. Иногда ему даже казалось, что весь огромный мир сжался до границ маленького дома и сада, окруженного колючей полосой терновника, а за этими границами ничего нет. Даже время потекло как-то особенно,

и, когда морозным утром предзимья темно-серая встрепанная птица спикировала на руку чародея, Фарис удивился, сообразив, что прошло всего-то недели три с новолуния. Того самого новолуния у Девичьего родника.

Прямо во дворе жадно пробежав глазами письмо, Разн сначала помрачнел, затем просветлел и, в конце концов, погрузился в глубокую задумчивость, так что умирающий от нетерпения Фарис не смел даже спросить, какую весть принесла волшебная посланница. Наконец, чародей повернулся к нему:

– Фар, представь хорошенько, во что был одет Малик. Все до последней пряжки, до мельчайшей застёжки. Сможешь?

Ир-Джейхан, подозревая, что в случае неудачи снова придется пить омерзительное снадобье, решительно кивнул, тем более что задача выглядела несложной. В долине редко у какого парня было много праздничной одежды, разве что Камаль всегда ходил разряженным, будто фазан.

– А теперь вспомни, была ли у него безделушка с изображением луны? Или в виде лунного серпа? Давай, Фар, постарайся!

Некая смутная тень воспоминания плясала на самом краешке сознания Фариса, дразня и ускользая. Прищурившись, он восстановил, как мог, в памяти одежду и снаряжение друга, но не припомнил ничего подходящего и качнул головой. Ожидавший ответа Разн разочарованно вздохнул и, прыгнув с перил крыльца, где сидел все это время, открыл входную дверь. Что-то в его облике зацепило внимание Фариса, беспомощно провожавшего целителя взглядом. Сапоги. Щегольские сапоги с ремешком, затянутым пряжкой в виде розы.

– Разн... – позвал он шепотом, испугавшись упустить мелькнувшую мысль. Целитель, словно ожидавший этого, круто развернулся. Поймав расплывчатую тень воспоминания, ненадолго обретшую плоть, Фарис торопливо сказал: – На обратном пути Малик потерял пряжку с сапога! Мы еще шутили, мол, он так торопится к невесте, что готов босиком бежать. А он достал новую, как раз полумесяцем, и приладил. Раньше у него таких вроде не было...

– Не знаешь, откуда он ее взял? – быстро спросил чародей.

Фарис опять покачал головой.

– Жениху часто дарят всякие безделушки на счастье. Это хорошая примета – подарить что-нибудь новобрачным. А они уже сами

выбирают, что им носить. У Малика целая куча таких была. Кольца, цепочки, подвески на пояс...

– И пряжки? – поинтересовался Раэн, хищно сузив глаза.

Фарис пожал плечами.

– Вроде бы нет. Он тогда долго копался, чтобы найти подходящую... А больше ничего не помню.

– Ну, это уже что-то, – проговорил целитель, снова принимая озабоченный вид. – Пойду-ка я прогуляюсь...

Не утруждая себя открыванием низенькой калитки, имеющей весьма тугой засов, он попросту перемахнул через нее одним стремительным движением и ринулся куда-то по улице. Посмотрев ему вслед, Фарис поднял деревянную саблю, которую выронил, увидев колдовскую птицу, но понял, что заниматься больше не сможет. Просто терпения не хватит. А значит, надо вернуться в дом и подкинуть в очаг дров, чтобы Раэн, когда вернется, смог согреться и высушить одежду. Лепешки разогреть, пожалуй... И умудриться не сойти с ума от желания узнать, что же все-таки принесла птица, летавшая в храмовый город Аккам.

* * *

Поселение пришлось прошагать до конца, а потом еще обойти его по краю, свернуть обратно, накрывшись мороком, и только тогда выйти к небольшому дому на окраине. Слишком поздно Раэн сообразил, что не стоит ломиться в дом Камалю на глазах у его соседей. Хоть мальчишка и живет на отшибе, но это же Нисталь, здесь из-за каждого плетня блестят любопытные глаза и торчат длинные уши. А если ир-Фейси с того дня ни разу не появился у него дома, значит, у паренька на то есть веские причины.

Дом у Камалю оказался ладный, хоть и маленький. Чисто выбеленные стены, крепкий забор и даже родовая тамга на воротах. Все-таки семья не совсем отеклась от непутового отпрыска, и кованный из меди знак напоминал каждому, кто захотел бы всерьез обидеть Камалю, что за него есть кому заступиться. Предосторожность при таких занятиях вовсе не лишняя.

Но Раэн, разумеется, не пошел ни через ворота, ни через калитку рядом с ними. Обойдя двор и сад, он легко перелез через забор, скинул морок и пристально посмотрел в глаза кинувшемуся волкодаву.

Здоровенный пес, похожий на Барса, только серый, а не белый, коротко взвизгнул, припал к земле и уткнулся носом в лапы. Барс... Как ему живется у Наргис, интересно? Не наскучит ли такой хлопотный подарок тоскующей в своем доме девушке? Жаль, что до конца Игры Равновесия отлучаться нельзя, это может слишком дорого обойтись главной фигуре. Но как только партия закончится... Раэн мечтательно улыбнулся, вспомнив зеленые глаза Наргис, и пообещал себе, что непременно попробует навестить ее хотя бы во сне. Для этого, кстати, и окончания Игры ждать не обязательно!

Наклонившись, он положил руку на загривок волкодава, и пес покорно прикрыл глаза, всем телом дрожа от возмущения и страха.

– Ну, не бойся, – успокоил его Раэн. – Ничего я твоему хозяину не сделаю. Просто не люблю лишнего шума и лая. Полежи здесь, ладно?

Он поднял несколько камешков и встал под окном, выходящим на задний двор. Хорошо, что сейчас не ночь и даже не вечер. Вот уж не хотелось бы столкнуться с кем-то из гостей Камаля!

После четвертого камушка, запущенного в раму, окно распахнулось, и показалась немного заспанная мордашка нистальца.

– Пустишь? – весело поинтересовался Раэн. – Не бойся, меня не видели. Только твой мохнатый сторож, но он обещал никому не рассказывать.

– С ума сошел! – сдавленным голосом ужаснулся Камаль. – Он же тебя порвать мог! Я его на цепь сажаю, когда приходит кто-нибудь.

Он шире распахнул створки, и Раэн, чтобы не обходить еще и дом, подпрыгнул, уцепился за подоконник и через мгновение оказался в жарко натопленной комнате. Закрыв окно, из которого тянуло холодом, улыбнулся Камалю, не такому нарядному, как обычно, но удивительно милому в простой домашней одежде, с растрепанными после сна волосами, чуть припухшими губами и с томным блеском в глазах.

«А хорошо, пожалуй, что он до сих пор мне таким не показывался, – весело мелькнуло у Раэна в мыслях. – Ох, не устою... Сколько недель уже живу святым подвижником!»

– Прости! – выдохнул тот и опустил взгляд. – Мне велели больше к тебе не ходить. Я... не мог отца послушаться.

– Я понимаю, – кивнул Раэн. – И пришел ненадолго. Как уйду – тоже никто не увидит.

Шагнув к юноше, он не отказал себе в удовольствии, положил ладони на теплые плечи, обтянутые рубашкой из мягкой некрашеной шерсти, и привлек Камаль к себе. Послушно прижавшись и закинув руки ему на пояс, Камаль запрокинул голову и снизу заглянул в глаза Разна, тревожно и восхищенно распахнув свои, темно-синие, показавшиеся черными от мгновенно расширившихся зрачков.

– Я скучал, – шепнул Разн и медленно поцеловал его, наслаждаясь вкусом удивительно мягких губ. Нехотя оторвался и так же тихо сказал: – Знал бы раньше, какой ты сладкий...

– Неужели пришел бы? – не отрывая от него сияющего взгляда, поинтересовался Камаль.

Разн серьезно кивнул и уточнил:

– У меня как раз шербет кончился, кофе пить не с чем, вот и заедал бы каждый глоток поцелуем.

Глаза Камалья возмущенно вспыхнули.

– Ты... – начал он, задохнулся, а потом вдруг звонко рассмеялся, опять запрокинув голову, но уже совсем иначе. – Раз-эн!.. Ох, Разн!

Потянувшись, сам чмокнул его в губы, блеснув глазами, и тут же потребовал:

– Отпусти меня!

– Ты же обидишься, если отпущу, – лукаво улыбнулся Разн и повторил поцелуй, но на этот раз гораздо основательнее. А потом, запустив пальцы в блестящую копну мягких смоляных волос и поглаживая другой рукой спину юноши, признался: – Камаль, прости, я к тебе по важному делу. Мне очень нужна твоя помощь, сердце мое. Точнее, Фарису нужна. Ты же не веришь в то, что сказал Сейлем? Или веришь?

– Не знаю, – вздохнул Камаль. – Я спросил у отца, почему степняки не ограбили никого из парней, а он сказал, чтобы я не забивал себе голову тем, чего никогда не пойму. И велел не ходить к тебе.

– Солнце мое, можешь быть уверен, ты гораздо умнее, чем все старейшины Нисталя вместе взятые, раз никому из них в голову не пришла эта мысль. Разумеется, Фарис ни в чем не виноват, но это нужно доказать. Ты же был на похоронах?

Камаль кивнул, откровенно млея под легкими прикосновениями.

– В чем хоронили Малика, помнишь? – спросил Раэн. – В той же одежде, в которой он погиб?

– Нет, конечно! – поразился Камаль такому невежеству в обычаях. – Его обмыли и переодели. В самый лучший наряд, как положено. – И тихо добавил: – Свадебный, наверное...

– Слава Небесам! – облегченно вздохнул Раэн, снова положив руки Камалю на плечи и вглядываясь в лицо. – Слушай внимательно, малыш. Когда Малика привезли домой, у него на одном из сапог была пряжка в виде полумесяца. Из-за нее-то он и погиб. Только ничего пока не спрашивай, ладно? Потом все узнаешь. Как ты думаешь, куда она могла попасть? К кому?

– Не знаю... – озадаченно протянул нисталец. – Хотя... Касим наверняка знает!

– Касим?

– Старший брат Малика. Он чуть с ума не сошел, никому и притронуться к Малику не дал. Обмывать и одевать покойника – женское дело, а Касим все сделал сам.

– Камаль, – мягко попросил Раэн, сдерживая нахлынувший азарт взятого следа. – Ты можешь узнать, где эта пряжка? Только так, чтобы Касим этого не понял. А если сможешь ее раздобыть – считай, что Фарис уже оправдан.

– Могу попробовать... – уныло отозвался юноша и пояснил: – Касим сейчас везде таскается за Сейлемом. Тот его словно заморозил. А Сейлема я терпеть не могу. Он... скотина!

Раэн прикусил губу изнутри. В голосе Камалю, всегда таком игривом и веселом, звучал непривычный холодный гнев. Если ир-Фейси откажется... Это все очень осложнит!

– Он тебя обидел? – вкрадчиво спросил Раэн. – Чем?

– Сейлем? – Камаль брезгливо передернулся в его объятиях и тихо ответил: – А ты сам как думаешь? Я с ним никогда не хотел... Скользкий он, холодный... Вроде улыбался, а сам смотрел на меня, как на слизняка! Ладно, не нравлюсь я ему, так и не трогал бы, не приставал. А он меня долго уговаривал, дорогие подарки предлагал... Даже деньги, как будто я... совсем непотребный!

Возмущение Камалю, охотно принимавшего от ночных гостей копченое мясо, хлеб и сыр, было бы забавным, не понимай Раэн, что для юноши действительно важна эта тончайшая грань. Отдаваться за

подарки, пусть и такие немудреные, казалось ему менее грязным, чем просто за деньги. Любовник всей долины, развратник, но не обычная шлюха.

– Он тебя силой взял? – так же негромко спросил Раэн, опять принимаясь гладить напряженную спину Камалю.

– Нет, – буркнул тот. – Уговорил. Я сам дурак, знаю, не надо было соглашаться... Их всего двое тогда осталось из взрослых парней, кто со мной даже не пробовал... Он и Фарис. И все об этом знали, понимаешь? Вот если бы Фарис позвал, я бы с ним без всяких подарков! Он славный! Добрый, красивый, веселый... Я бы для него так постарался! Он...

Голос Камалю прервался.

– Я понимаю, – прошептал Раэн. – Понимаю, малыш.

– Правда? – Камаль уткнулся ему в плечо и заговорил едва разборчиво: – Раэн, я же никогда ничего такого не ждал. Фарис – он чистый, правильный... Да мне просто рядом с ним в трактире посидеть – и то за счастье было. Я же все понимаю! А Сейлем как будто удила закусил! Честное слово, я не за подарки согласился! Просто чтобы он отстал! А он... – Камаль всхлипнул и сказал пугающе ровно: – Он со мной побаловался, а на следующий день сказал парням, что я грязная дрянь. Что я сам упрашивал, чтобы он меня по-всякому... Что ему теперь противно даже видеть меня... Он... Он при Фарисе это все!

– И что Фарис? – бесстрастно уточнил Раэн.

– Фарис ему рожу разбил, – снова всхлипнул Камаль. – Тоже при всех, одним ударом. И сказал, что рот Сейлема грязнее, чем мой, что бы я им ни делал. И ушел... Раэн, если нужно, я все сделаю, слышишь? Все из Касима вытряхну, уговорю меня домой позвать... Он глупый и на удовольствия жадный, он согласится. Да я даже под Сейлема снова лягу, если надо будет, но... Ты только Фарису скажи, что я не сам этого хотел...

– Я скажу, – пообещал Раэн, крепко прижимая его к себе. – Обещаю.

Заодно ему очень многое хотелось сказать остальным людям долины, тоже чистым и правильным, но совсем иначе, не как Фарис ир-Джейхан. Тем порядочным людям, что так легко сбрасывали с себя грехи, перекладывая их на других. На миг Раэну даже показалось, что

стоит вернуться в Харузу, прихватив с собой этих двоих, а Игру оставить ей самой, никак не вмешиваясь. Нисталь заслужил получить то, что с ним могло произойти. Но потом он вспомнил мальчишку, что провалился в ручей, семью самого Фариса, еще десятки и сотни людей, которые, возможно, заслуживали спасения... И признал перед самим собой, что никуда не уедет.

Камаль отстранился от него, бледно улыбнулся и попросил:

– Ты иди, ладно? А я прямо сегодня в трактир схожу. Сейлем там каждый вечер своих дружков поит.

– Прости, – уронил Раэн, чувствуя себя редкостной сволочью.

Если бы имелся другой путь... Но он не может вмешаться в Игру настолько, чтобы отловить Касима ир-Саттаха, вывернуть его разум наизнанку и потребовать эту проклятую во всех смыслах пряжку. Напрямую – просто не имеет права. Только через других игроков, среди которых теперь оказался и Камаль. В Игре каждый должен делать собственный выбор, занимая ту или иную сторону. А Хранителю позволено подталкивать фигуры, но не самому быть одной из них.

– Ради Фариса, – кивнул Камаль и снова едва заметно, однако очень зло улыбнулся. – И ради Сейлема – тоже.

Раэн взял его ладонь, прижал к губам, потом виновато потерялся о нее щекой. И вышел, едва вспомнив, что на обратном пути тоже надо прикрыться мороком. Дома его ждал Фарис, а до новолуния оставалось чуть больше недели.

* * *

Место в караване, идущем через Салмину, нашлось довольно быстро. И как не найтись, если просьба об этом пришла из храма, жрецам которого в Аккаме никто не отказывает. Почтенный караван-даш огладил холеную бородку, задумчиво посмотрел на Халида и с должной учтивостью поинтересовался, чего желает уважаемый путник. Будет ли он ехать верхом среди остальных конных или нужно место в повозке? На последних словах он тонко улыбнулся, показывая, каким странным считает это предложение мужчине и воину, но мало ли...

Халид уже хотел ответить улыбкой и словами, что повозка не требуется, но тут его отвлекли. Прямо за стенами шатра кто-то заорал

с халисунским выговором:

– Куда претесь, отродья плешивой кобылицы, покрытой шакалом? Вон туда мешки неси да клади под навес! Эй, ты, с рыжим верблюдом, не видишь разве, что стойло правее? Клянусь бесконечными песками Ур-Магали, никогда еще не собирал наш почтенный хозяин такое отребье, возмнившее себя караванщиками!

Сердце Халида пропустило один удар, а потом забилося чаще. В глазах тоже потемнело, но всего на один миг, никак не больше, так что лицо наверняка не дрогнуло, хотя где-то внутри разума Халида взвыла смертоносная песчаная буря.

– А охранники тебе не требуются, почтенный? – спросил Халид, не позволяя биению сердца отразиться в голосе.

– Охранники?

Густые широкие брови караван-даша взлетели к самому краю красного платка, расшитого золотыми нитями, чтобы блестел на солнце и был виден издалека.

Он еще раз внимательно оглядел Халида, задержавшись взглядом на дорогах дарнашских сапогах, серебряном поясе, куртке с подбивкой из кольчужных колец и, главное, на рукояти Ласточки. Эх, если бы знать заранее, Халид обмотал бы ее кожаной лентой. Но даже так наметанному взгляду караван-даша было видно, что у путника нет нужды в деньгах. Халид понимал, что, приди он сам по себе, уважаемый Рудаз ир-Салах наверняка отказал бы. В караванную охрану не берут кого попало, человек должен иметь надежное поручительство. Однако поручительство у него как раз было, пусть и не такое, как требовалось, но веское.

– Я умею выючить верблюдов и ходить за конями, – негромко и размеренно уронил Халид. – Знаю караванные порядки, от меня не будет беспокойства и раздора. За твой хлеб и воду отплачу послушанием, за твой товар порукой станет моя кровь.

Брови караван-даша опустились, а глаза сузились в щелки. Ир-Салах услышал слова столь же древние, как сами караванные тропы, и теперь не мог просто вежливо ускользнуть от вопроса, прикрывшись непониманием. На правильно предложенную службу отвечать тоже следует правильно, и неважно, отказ это будет или согласие.

– Охранники мне нужны, – снова огладив бороду, задумчиво признал ир-Салах. – А почтеннейшие жрецы поручились, что ты

достойный человек. Но путь от Аккама до Салмины – это не Пески, даже не Степь. Дорога спокойная, охране работы немного. Поэтому джандаров я буду набирать в Приграничье, а ты, уважаемый, покинешь нас куда раньше.

– Покину, – согласился Халид. – Но и лишним в дороге не стану. Я сказал, а ты услышал. Если откажешь, заплачу за место, как и договаривались, кошель у меня не пустой.

– Вот это меня и смущает, – виновато развел руками караванбаши. – Не прими за обиду, уважаемый Халид, но я старый человек и не люблю того, чего не понимаю. Ты знаешь нужные слова и держишься, как истинный сокол каравана, – польстил он Халиду, назвав его почетным прозвищем самых умелых и дорогих охранников. – Но ты не из тех, кто продает саблю за место под телегой и миску похлебки. И ладно бы еще нанимался вести караван через Пески, мало ли зачем тебе нужно их пересечь. Но к чему такому воину крутить хвосты моим ишакам и собирать навоз для вечернего костра, если эту дюжину дней ты можешь ехать в довольстве и спокойствии? А ты, уважаемый Халид, глядишь так, словно сам готов заплатить за право побыть моим джандаром...

Он улыбнулся с подкупающей хитринкой, от прищуренных глаз разбежались лучики добродушных морщинок, но взгляд остался холодным и цепким. Халид отогнал желание развернуться и попросту уйти. Караван двинется в путь только завтрашним утром, за это время он успеет найти того, кто кричал под стенами шатра. И найти, и сделать то, что должно. И, кстати, место в караване тоже терять не обязательно! Да, следовало так и поступить. Зачем его понесло в ненужные и очень опасные игры?

– Я не из лихих людей, – ответил он, помолчав, на самое главное опасение караванщика. – И прошусь в джандары не для того, чтобы разглядеть твой товар или напоить верблюдов дурным зельем. Ты прав, уважаемый ир-Салах, я бы сам заплатил тебе за эти несколько дней службы. Но это дело не между мной и тобой, а между мной и моим сердцем. Я никогда не звался соколом каравана, но хвосты ишакам покрутил вдоволь, хоть это и было давно... – Он позволил себе усмешку под напряженным взглядом караван-даша. – Здесь, в Аккаме, я удостоился чести видеть самого благодатнейшего. Он говорил со мной о грехах и жизненном пути, как положено святому человеку, и я

услышал. Вернуться к караванному котлу, пусть и ненадолго, это мой обет смирения. И оплата давнего долга. Очень давнего. Клянусь водой и небом, что не замыслил ничего тебе во вред, уважаемый.

Он поклонился, ощущая странную безучастность, хотя сейчас должен был изнывать от желания склонить караван-даша на свою сторону. Ему нужно добраться до Салмины – это приказ Раэна! Но если придется, он проделает путь в одиночку, ничего страшного. Главное, сейчас не потерять эту чудом случившуюся встречу со своим прошлым!

– Ты ведь из людей песка? – задумчиво спросил ир-Салах, и Халид молча кивнул. – Что ж, кто я такой, чтобы помешать человеку встретиться со своим сердцем? Я принимаю твою клятву, уважаемый Халид, и беру небо ей в свидетели. Полтора серебряных дирхема в день, и корм для своего коня покупаешь сам.

Халид поклонился опять, на этот раз уже ниже и почтительнее.

– Скажи Соколу Мехши, что я взял тебя на службу. – Ир-Салах пожевал губами и нехотя добавил: – Если спросит, почему мимо него, говори, чтобы пришел за ответом ко мне.

Халид поклонился еще раз и вышел из шатра караван-даша, поставленного прямо на подворье, где собирались в путь.

Ноги несли его сами, голова кружилась, во рту пересохло. Но прежде, чем найти Сокола Мехши, он купил у кожевенника, работавшего неподалеку, несколько локтей кожаной ленты и тщательно замотал рукоять Ласточки. Сапоги и пояс, хорошо подумав, оставил. На обувь ни один опытный воин денег не жалеет, а пояс, усыпанный серебряными бляшками, многим наемникам служит запасом на черный день.

Еще он купил другой головной платок, из белого полотна и длиннее обычного. Прямо у прилавка сдернул свой и повязал новый, а потом подобрал оставленный свободный конец и закрыл им лицо до самых глаз, подоткнув и закрепив у правого виска по пустынному обычаю – пальцы сами вспомнили нужное движение. В Аккаме, далеко от Пустыни, так мало кто ходит, но как раз у караванной охраны это вопросов не вызовет. Сам караван-даш безошибочно признал в нем человека из песков, значит, это увидят и другие. «Жаль, глаза приметные, – усмехнулся он про себя. – Прав был Раэн... Однако с этим ничего не поделать. Что ж, остается надеяться, что за эти

восемь лет я ушел достаточно далеко от себя прежнего. И что боги не зря послали мне эту встречу».

ГЛАВА 10. Охота начинается

Очередная туча, приплывшая из далеких гор за Степью, размеренно сыпала снег на холмы, укрывающие долину, и сам Нисталь. Как-то вечером, устав от бесконечных тренировок, Фарис выпросил у Раэна, откуда берутся снег с дождем. В детстве дядя Нафаль рассказывал ему и это, и многое другое, но вечно спешащий мальчишка слушал травника невнимательно. У Раэна вроде бы те же самые объяснения оказались интересными и простыми, так что Фарис легко разобрался в том, что целитель назвал круговоротом воды. Ему даже пришло в голову, что все знания, которые маги и мудрецы называют непостижимыми для простонародья, они сами нарочно делают сложными. В самом деле, кто будет почитать мудреца, если то, что он знает, станет известно любому мальчишке? А так запутаешь простого человека учеными словами – и поклоны будут ниже, а подношения за советы – богаче.

Раэн, которому Фарис изложил эту мысль, посмеялся и подтвердил, что именно так оно и есть. Но добавил, что мудрость подобна монете. Бывает, что в дорожной пыли можно подобрать полновесный золотой, а бывает, что почтенный купец, лекарь или целитель попытаются всучить тебе обрезанный или фальшивый дирхем, иногда сами того не ведая.

На вопрос, как же отличить настоящую мудрость от поддельной, Раэн, улыбаясь, посоветовал проверять чужие слова на оселке собственного разума. Мол, не все, что блестит, является золотом настоящей мудрости. Поскребешь хорошенько – а там жадность, глупость или самодовольство. Ошибиться легко, но опытные купцы и менялы, как известно, чужими весами не пользуются, воин подбирает саблю по руке, а плотник сам острит свой топор. Точно так же и человеческий разум подобен оружию и весам, инструменту и пробному камню.

Над этими словами Фарис думал еще дольше, а потом спросил, как же так получается, что среди людей все равно есть умные и глупые? Если каждый человек может заточить лезвие своего разума, почему немногие это делают?

– Ну, во-первых, не всякий разум можно заострить, – отозвался Раэн, колдуя над установленной в раскаленный песок джезвой. – У тебя же дед вроде был кузнецом? Значит, ты должен понимать, что из плохой руды хороший клинок не выкуешь, хоть наизнанку вывернись. Бывает, что человеку просто не дано думать, вот уродился он с такой головой, бедняга. И тогда одно спасение – слушать умных людей.

Фарис кивнул – подобного он повидал предостаточно даже среди своих друзей и родичей. Вроде бы объясняешь на совесть, а по глазам видно, что слова уходят, как вода в песок, без всякой пользы. Ну да, из плохого железа саблю не скуешь, из осла лихого скакуна не вырастишь.

– А бывает, – продолжил Раэн, снимая джезvu с ароматным парком, – что и руда вроде бы хороша, но ведь ее ковать надо. И не всегда это могут сделать родители да наставники. Кое-что человек может воспитать в себе только сам. А это сложно. Трудно, долго, иногда больно. Вот ты каждый день упражняешься с саблей, а помнишь, как начинал? Тело болело, руки не слушались, да и сколько синяков получил, верно? Разве не легче лежать на диване и пить кофе с пахлавой?

– Легче, – признал Фарис. – Но ведь хорошим бойцом так не станешь.

– Ну, так и не все люди хотят стать бойцами, тем более хорошими. На это нужно изрядный кусок жизни потратить, от многого отказаться. Человеку хочется с друзьями в чайхане посидеть и на девушек полюбоваться, да и мало ли других радостей? А вместо этого нужно саблей махать, пока сто потов не сойдет. И не день, даже не месяц, а долгие годы. Вот и с мудростью точно так же. Надо читать книги и слушать наставников, а потом еще самому напрягать разум, чтобы все это обдумать и усвоить. Целитель изучает свойства человеческого тела, признаки болезней и рецепты зелий. У кузнеца, художника или швеи тоже достаточно знаний и секретов мастерства. А самое обидное, что никто тебе заранее не может пообещать, что учеба пойдет на пользу. Бывает, что человек долгие годы учится лечить, а хорошего целителя из него так и не выходит. Или машет-машет саблей, да все без толку. То ли руда не та, то ли кузнец где-то ошибся, то ли сам клинок хотел быть не саблей, а мотыгой или плотницким топором, а то и спицей для вязания, понимаешь?

Фарис молча кивнул, растерянно подумав, что никогда не задавался вопросом, для чего ему учиться военному делу? Ладно, сейчас он просто время занимает и гонит подальше тяжелые думы. Но раньше-то? Отец говорил, что это достойное занятие для мужчины, да и сам Фарис понимал, что чем лучше владеешь саблей, тем легче уцелеть, если встретишься со степняками. И ему нравилось ковать себя, как это назвал Раэн. Из дня в день становится крепче, ловчее, быстрее. Иногда мелькали мысли уехать из долины, пойти на службу к пресветлому шаху... Или просто поискать в этой жизни чего-то особенного, не похожего на ежедневную возню с овцами и табуном. Но потом Фарис думал, как же без него мать и сестры с братом... Пока еще малой подрастет и сможет делать мужскую работу!

Вот и выходило, что год за годом летели мимо, а мечта повидать мир все отодвигалась. И это еще у него не было ни жены, ни невесты! Многие ровесники уже детей на руках держали, а потом гордо меняли пряжки пояса на толстые, затейливо кованые, чтобы всякому было видно – вот уважаемый отец семейства, продолживший свой род. А Фарис... Ни одна из девушек долины не была ему по душе настолько, чтобы сердце хоть однажды зачастило. Хотя заглядывались на него многие, да и старшие родичи девиц поглядывали благосклонно, от ворот не гоняли... Может, дело было в том, что он ясно понимал: связать себя брачной клятвой означает навсегда променять крылья свободы на теплый и уютный, но тяжелый плащ заботы о семье.

– О чем задумался? – весело спросил Раэн, разливая кофе по чашкам.

– Да так...

Рассказать и объяснить такую прорву мыслей разом Фарис не мог, поэтому ушел от ответа, кивнув на окно:

– Снег странный. Все сыпет и сыпет. Не припомню, чтобы в предзимье такие снегопады бывали. Если до весны ляжет, скотине может сена на зиму не хватить.

– Не ляжет, – уверенно отозвался Раэн. – До новолуния продержится, а потом растает. Мне в вашей гостеприимной долине зимовать не с руки, так что дольше нужного я тучи звать не стану.

– Звать... тучи? – Фарис не поверил своим ушам, потом решил, что целитель по обыкновению шутит, но тот был совершенно серьезен. – Разве это возможно?! И... зачем?!

– А ты как думаешь? – поднял тот брови. – Если бы дорога на Иллай была свободна, ваши старейшины меня бы здесь не потерпели. А так им деваться некуда. Но к новолунию все решится, вот тогда я и снег перестану тащить из Степи. Сам это делать не люблю, работа тяжелая!

Фарис вспомнил письмо из Аккама, набрался смелости и уже открыл рот, но тут в плотно закрытую на ночь ставню кто-то постучал. Разн замер с чашкой в руках, и Фарис еще успел удивиться. Лекарь всегда знал заранее, что к ним в дом кто-то идет, и даже шутил, что с его умениями сторожевая собака не нужна. А сейчас лицо у него было застывшее и словно растерянное.

– Фарис! – Голос показался смутно знакомым, только искаженным. – Фар, дружище, выйди на минутку!

Дружище?! О нем не забыли! Кто-то пришел! Пусть и ночью, чтобы не навлечь на себя неприятности, но пришел же! После стольких дней наедине с Разном, спасителем, но чужаком, Фарис даже не представлял, что для него будет значить хоть один близкий человек. Но кто это? Дархан? Меджид? Асур?! Кто из друзей?!

Радостно вспыхнув от неожиданности, он бросился к выходу и не понял, когда Разн, тенью оказавшись рядом, успел отбросить его за спину. Перед глазами мелькнул темный проем двери, которую Фарис успел толкнуть. Щелк! Щелк! Сухой треск тетивы разорвал морозную тишину. Судя по звуку, лучник стрелял шагов с двадцати, не больше. Захлебнувшись ужасом, Фарис понял, что не успеет, уже не успевает.... Взыв, он кинулся наперерез Разну от окна, куда отшвырнул его чародей.

Щелк! Разн, отнюдь не торопясь оседать на пол, как-то особенно мягко, почти лениво повел кистью руки и словно вытащил стрелу из воздуха.

Щелк! Щелк! Позволив оперенной смерти упасть на пол – Фарис в смятении понял, что предыдущие две уже смирнехонько лежат у ног целителя – он так же плавно остановил четвертую и пятую, отправив их на пол вслед за сестрами.

– А стрелок-то дерьмовый, – спокойно сообщил Разн, взглядываясь в беспросветную темноту сада. – Сиди здесь...

Не успев ни слова сказать, нисталец услышал звяк щеколды, закрытой снаружи. То есть как сидеть?! Подскочив к двери, Фарис

наплевал на приказ и изо всех сил врезался в нее плечом, но старое дерево выдержало удар. Он попробовал еще пару раз и остановился, лишь едва не выбив плечо.

Бессильно закусив губу, Фарис опустил на кучу подушек у очага и повертел в пальцах стрелу. Самую обычную стрелу с гусиным оперением, не бронебойную, а охотничью, в любом доме Нисталя таких имеется изрядный запас. А вот у степняков стрелы другие, короче и тяжелее, да и ясень в степи не растет, а на торг его не очень-то возят – самым мало. Нет, стрела не степная.

Но почему нет клейма, которое ставит на свое оружие каждая семья долины? А в семье еще и каждый лучник? Маленький выжженный или вырезанный значок? Цветная полоска? Яркое перо, срезанное особым образом?

Фарис крутил стрелу в руках, все больше убеждаясь, что сделана она руками его земляка, только все знаки аккуратно убраны. Вот и свежий срез у наконечника, где раньше была метка. Проклятый чародей! Сначала прикрыл его собой, а теперь унесся в ночь, безоружный, может быть, прямо на засаду!

* * *

Раэн выскочил за дверь и одним длинным прыжком слетел с крыльца. Приземистый широкий силуэт лучника мелькнул за двором, уходя в сад. Несмотря на вязкий снег, убийца бежал с такой скоростью, что догнать его никак не получалось. А ведь бежал Раэн великолепно, мало кто в этом мире мог с ним сравниться. И уж точно не простой житель Нисталя.

Поднажав, он перепрыгнул пару кустов и скрытых под снегом колдобин. Да стой же ты, тварь! Дай себя поймать! Дай посмотреть тебе в лицо!

Как же глупо было не взять хотя бы нож! Хороший бросок точно уравнил бы шансы, и плевать, что в спину! Ничего, вылечил бы... Закусив губу и выложившись так, что тело загорелось от напряжения, Раэн чуть сократил расстояние. Еще шаг! И еще, ну! А сад вот-вот закончится... Хочешь не хочешь, но ты остановишься!

Обрадоваться победе он не успел. Ни на миг не замедлив бега, стрелок просто перемахнул овраг! Слово у него крылья выросли! На

той стороне раздался хруст снега под ногами беглеца, а Раэн ухватился за дерево на краю, едва не свалившись в темную глубину.

Ой-ой-ой! Замерев перед оврагом, он тихонько присвистнул. Допустим, ночной стрелок отлично видит в темноте. Почему бы и нет? Конечно, тоненький серпик старой луны едва заметен, земля погружена во мрак, но ему-то самому это нисколько не мешает. Вот именно, ему! А обычным людям в темноте видеть не свойственно! Ладно, пусть даже так! Но перепрыгнуть овраг шириной в два десятка шагов?! Перелететь одним махом?!

Вот интересно, он бы так смог? Раэн снова прикинул расстояние. Ну да, два десятка шагов, никак не меньше.... Пусть даже с разбега, но... Разве что в боевом трансе. В той разновидности, которая доступна лишь опытным магам-бойцам его родины и позволяет проделывать совершенно невероятные вещи. За которые, впрочем, потом приходится платить. Но не стрелял же по Фарису один из его однокашников? Никого из них в этом мире нет и быть не может! Значит.... Вот именно. Ой-ой-ой...

Глубоко вздохнув и успокоив бешено бьющееся сердце, Раэн опустился на колени, разгреб снег и принялся водить ладонью над тем местом, где лучник оттолкнулся от замороженного края оврага. Почти сразу неуловимые токи, идущие от земли, сгустились в нечто хорошо опознаваемое, даже знакомое, потекли густой струей с невыносимо гадким оттенком. Или привкусом. В языке этого мира нет слова для подобных ощущений. А вот в языке его родины оно есть. Харршу. Аура одержимости тьмой.

Поморщившись, он встал. Что же такого важного в Нистале, что ради этого Тьма готова пойти с козыря – использовать одержимого? Ради чего существо из Бездны овладело человеческим телом? Тьме непременно нужна смерть Фариса? Для этого можно было найти метод попроще. Но теперь хотя бы ясно, почему старейшины Нисталя не видят очевидного: когда в Игру вступают подобные силы, еще и не то происходит.

Обратно Раэн возвращался, удивляясь, как умудрился лететь по снегу глубиной почти по колено с такой легкостью. Великое дело – азарт погони! Перед крыльцом он стряхнул с сапог налипший снег, откинул щеколду, вошел в дом и встретил мрачный, смертельно обиженный взгляд Фариса. У парня аж губы дрожали!

– Не догнал, – честно признался Раэн. – Он овраг за садом перепрыгнул, представляешь? И кофе остыл...

Взяв холодную чашку, он поморщился, раздумывая, подогреть этот или сварить новый.

– Кофе? – не выдержал Фарис. – Ты можешь думать о кофе? А если бы он тебя убил?

– Кто? Кофе? – рассеянно уточнил Раэн. Обернулся к очагу, возле которого сидел нисталец, и вздохнул: – Да понял я, понял. Ну не убил же. Ему ты нужен был. А если твоим врагам что-то нужно, ни в коем случае нельзя им это давать. Ты уверен, что бежать в ночь неизвестно за кем без оружия и доспехов такая уж хорошая мысль?

– Ты же побежал! – прозвенел отчаянный голос Фариса.

– Так я и без оружия не бываю по-настоящему безоружным, – устало отозвался Раэн и глотнул кофе.

Тот горчил, и Раэн безжалостно выплеснул содержимое чашки в помойное ведро, а потом распорядился:

– Ужинай и ложись спать. А я прогуляюсь вокруг дома. Это ненадолго, скоро вернусь.

– Я с тобой!

Вскочив, Фарис воинственно вскинул голову, глядя дерзко и просительно одновременно. Раэн опять вздохнул.

– Фар, я буду ставить чародейские ловушки, – мягко объяснил он. – В этом ты мне не помощник. Хотя... идем. Кобылу проверишь и воды принесешь на завтра.

– У тебя даже сабли нет, – горько произнес нисталец, выходя во двор первым. – А если убийца вернется?

– У меня «шайпурский скат» есть, – пробормотал Раэн, останавливаясь на крыльце и глядя на темное небо. Нисталь погрузился в ночное безмолвие, только где-то далеко лениво перелаивалась пара собак. – Но толку от него. Сегодня он вряд ли не вернется, можем спать спокойно. А завтра я подумаю, что можно сделать.

Он посмотрел на Фариса, идущего к сараю-конюшне, и зябко передернулся, но совсем не от холода. Едва успел! Может, и удалось бы вытащить парня, попади в того стрела, а может – и нет. Но если Тьме для выигрыша нужна смерть Фариса, зачем было оставлять его в

живых у Девичьего родника? Нет, таких простых замыслов за этими игроками не водится. И, значит, партия еще продолжается.

* * *

На ночь караван вставал кругом. Хоть и считалась дорога от Аккама до Салмины спокойной, не то что в Приграничье, но порядок есть порядок. Даже если едешь по самому сердцу шахства, следует помнить, что караванные обычаи и правила писаны кровью.

Каждый вечер возчики-арбакеши выстраивали арбы замкнутой цепью, распрягали утомленных волов и давали им поpastись, а потом загоняли на ночь внутрь кольца повозок. Вместе с остальными возчиками и охранниками Халид поил и кормил коней, стреножил верблюдов, варил в свою очередь на костре жидкую просяную кашу с копченым мясом и стоял в дозоре. Сокол Мехши, главный джандар каравана, поначалу долго к нему приглядывался, но вскоре убедился, что новичок не отлынивает от работы и знает, как подойти даже к самому упрямому и хитрому верблюду. А что рот открывает нечасто и только по делу, так это не порицания достойно, а похвалы.

У опытных охранников, а Рудаз ир-Салах не скупился и нанимал отменных джандаров, тоже не вызывало вопросов, почему Халид не снимает платок даже на привалах и держится немного поодаль от остальных. Пустынник, что здесь непонятного? Любой, кто живет в Великих Песках, так привыкает укрывать лицо от палящего солнца и злого ветра, что без платка чувствует себя голым. И болтливость среди людей пустыни тоже не в чести, это всем известно.

Его, конечно, расспросили, как водится, кто таков и откуда, ходил ли раньше с караванами и кого знает из уважаемых людей дороги. Халид отвечал скупой, но точно и почти не врал, просто умолчал кое о чем. Называться собственным именем он не боялся, ир-Кайсахи – огромный род, кочующий по северной части Великих Песков уже много столетий. Кто из чужаков разберет, к которому из девяти племен этого рода он принадлежит? И уж точно вряд ли кто-то вспомнит, как звали мальчишку неполных восемнадцати лет, который давным-давно сгинул в Приграничье. Разве что тот, ради которого Халид прятал лицо.

Но он вроде бы ни о чем не подозревал.

– Эй, Халид! – окликнул его Мехши, сидящий у костра среди остальных охранников. – Всех звезд не считаешь, всех дел не

переделаешь. Иди поешь, пусть эти бездельники-арбакеши сами крутят хвосты своей скотине. Видит небо, они с волами сыновья одной матери, только не знаю, кто глупее, рогатые или безрогие!

И показал винный кувшин с длинным узким горлом, один из нескольких дюжин, что хранились с остальной провизией, но взять их можно было только с личного дозволения Рудаза ир-Салаха.

Кто-то из джандаров лениво гоготнул шутке старшего, кто-то отпустил несколько соленых словечек про эту общую мать и ее богатую грудь, вскормившую столько потомства, и остальные снова рассмеялись. Арбакеши, что сидели у другого костра и покорно проглотили насмешку Мехши, на этот раз возмутились, но их никто не стал слушать.

Где караванные соколы – благородные воины, вскормленные с конца сабли, а где арбакеши – простонародье, воловы няньки, собиратели навоза и хвостокруты. Не зря же одним платят серебром, и сам караван-даш не брезгует иногда присесть к их костру, а других можно в любом городе выгнать, если окажутся строптивы или глупы, и нанять новых. Уж править волами да смазывать колесные оси любой мальчишка способен.

Халид кивнул, про себя досадуя и на караван-даша, который решил побаловать джандаров, и на Сокола, внимательного и заботливого ко всем своим людям, даже к чужакам вроде Зеринге. До этого вечера у него как-то получалось есть в одиночку, спуская платок с лица подальше от проклятого халисунского выродка. Но сейчас тот сидит рядом с Мехши и ржет громче всех. А свободное место как раз напротив... И ведь не откажешься присесть к общему костру, это сочтут оскорблением. Чистый душой человек не отнекивается разделить общую трапезу и веселье.

Нет, отговориться-то можно, например, принятым во искупление грехов обетом не пить вина. Едут они из храмового города, так что такая причина вполне подойдет. Но делать этого Халиду не хотелось. Мехши, конечно, не обидится, однако зарубку в памяти оставит, а остальные охранники примутся донимать насмешками, на которые придется либо отвечать еще более злыми шутками, либо насовать самого ретивого носом в песок, чтобы остальные унялись. И то, и другое привлечет слишком много взглядов.

Поэтому Халид закинул кожаное ведро, из которого поил коней, в ближайшую арбу и подсел к костру. Ему тут же сунули миску с кашей, в которой торчал щедрый кусок баранины, и Халид принялся есть, спустив платок. Что ж, вот сейчас он и узнает, насколько изменился за эти восемь лет...

Кувшин уже пошел по кругу, но медленно, с приличной случаю неторопливостью. Халид съел кашу и грыз баранье ребро, а вино не сделало к нему и половины пути, потому что каждый джандар, принимая угощение, должен был что-то рассказать или хотя бы пожелать здоровья собравшимся. Ему отвечали, и часто кувшин оставался в одних и тех же руках подолгу, прежде чем снова тронуться в путь.

– Еще дня три – и в Казруме будем, – мечтательно сказал сидящий рядом с Халидом Туран, совсем еще молодой парняга, но здоровенный на зависть любому волу. – Дальше без меня поедете...

Мехши коротко кивнул, подтверждая, что знает и помнит, но кто-то из охранников, лениво развалившихся на попоне, отозвался:

– А что, дитятко, дальше Казрума тебя матушка не пускает?

Послышались смешки, но Туран не обиделся. Напротив, расплылся в улыбке и заявил:

– Сам ты дитятко, а меня в Казруме невеста ждет. Ух, какая у меня невеста! Губы слаще меда, груди по кувшину каждая, а бедра...

Он закатил глаза и причмокнул. Халид кинул начисто обглоданную кость в костер, облизал жирные пальцы, а затем вытер одну руку об другую. Поставил миску на землю рядом с седлом, на котором сидел, и окинул взглядом ухмыляющихся охранников напротив себя. Сам Сокол Мехши, джайпурец Арпан, Имран из Тариссы... И халисунец Анвар с белозубой, но щербатой улыбкой, крепкий, коренастый, прожаренный солнцем... Все они смотрели на Турана снисходительно и весело. На Халида не глядел никто.

– Ну, если такая невеста, то конечно, – не унимался насмешник Арпан. – Да только зачем ей телок вроде тебя? Может, лучше я к ней поеду? Ты же, наверное, не знаешь, с какой стороны к женщине подойти! Погоди пару лет, а пока что поучись кобылам... гривы заплетать...

Смешки становились все громче, но Мехши не зря был Соколом. Он бросил взгляд на болтуна и ласково заметил:

— А я гляжу, ты как раз умелец по кобылам? Вот жеребцам советы и давай, коли спросят, а к чужим невестам не лезь, там жених без тебя разберется.

В этот раз хохот раскатился далеко от костра, так что волы, пасущиеся рядом, с недоумением дернули ушами и зафыркали. Насупившийся было Туран от восторга принялся бить громадными лапищами по коленям и благодарно воззрился на заступника.

— Ай, ладно! — рассмеялся, махнув рукой, и сам Арпан. — С кем я, бедный, связался? Против двоих мне точно не выстоять. Передавай невесте поклоны, Туран, да хоть на свадьбу позови, что ли. Матушкой клянусь, язык узлом завяжу, буду только есть, пить и на невесту любоваться.

— А вот и позову! — самодовольно заявил парень и обвел всех торжествующим взглядом. — Если три дня в Казруме подождете, то дорогими гостями будете. Всех накормлю-напою, не зря же я три года у господина Мехши служу. Накопил серебришка, на славную свадьбу хватит!

И он похлопал ладонью по кожаному кошелью, привязанному к поясу. Увесистому кошелью, тугому и гладкому, словно сытый молочный поросенок.

Вокруг поздравляли счастливого жениха, кто-то хлопнул Турана по плечу, обещая, что непременно придет, кувшин плыл по кругу, чтобы вот-вот добраться и до Халида, а ночь густо и жарко пахла травами, дымом от горящего в костре кизяка, человеческим и животным потом, смертью и подлостью.

Почувяв этот запах, режущий ноздри, Халид не вздрогнул только потому, что и сам сейчас был не совсем человеком. Песчанка зеринге, что свернулась в глубине его души, смотрела и слушала. Тот, кого она прекрасно помнила, смеялся вместе с остальными громко, искренне и весело. Халида едва не замутило, так это было похоже на то, что случилось восемь лет назад. Но он дождался, пока ему передадут кувшин, сделал несколько глотков недурного вина, смыв привкус крови во рту, и тоже улыбнулся довольному жизнью откормленному телку, еще не знающему, что нож уже наточен.

ГЛАВА 11. Сети золотые и темные

Фарис был уверен, что не заснет всю ночь: как можно спать, если рядом бродит убийца?! И пусть Раэн говорит, что поставил чародейские ловушки, сабля все-таки вернее. Не зря старики рассказывают, что даже злые духи боятся стали, если та никогда не была осквернена предательским ударом.

В своей сабле, выкованной для него дедом, Фарис был уверен свято, но вот беда – ее сорвали вместе с поясом. Где-то она теперь? Хорошо, если вернули матери, пожалели вдову, которой нелегко будет купить оружие младшему сыну... А ведь могли сломать и отдать на перековку хрому Батаю, что стал местным кузнецом после смерти старого ир-Джейхана. И превратится его светлая красавица в мотыгу или петли для засова...

Усилием воли он отогнал зло царапнувшую сердце тоску и с сожалением подумал, что вернется мерзавец – а драться-то и нечем. Не с деревяшкой же на него выходить?! Но вот что он точно может сделать, так это покараулить, чтобы их с Раэном больше не застали врасплох. Ночь морозная, снег непременно захрустит под шагами, да и темную тень на нем будет отлично видно. Кстати, что это мелькнуло? Ветви качнулись... А вот потянулась к Фарису прямо через окно морда Серого – странно, что ему здесь делать? Фарис почесал жеребца, погладил, тот фыркнул, выпрашивая яблоко, но яблок нет – предпримье...

Серый, словно поняв это, исчез, и вокруг Фариса закружилась метель, но почему-то не белая, а разноцветная и сладко пахнущая. Он закрыл глаза, в которые лезли то ли теплые снежинки, то ли облетающий вишневый цвет, и решил, что полежит совсем немного, дав зрению отдых для большей зоркости, а потом станет всю ночь сторожить... Покачнулся на постели, превратившейся вдруг в огромный стог сена, упругий, душистый...

И очнулся уже утром!

Растерянно сел в постели, сообразив, что позорно заснул, покосился на Раэна, который устроился в кресле возле очага. Благодарение всем богам, особенно Дарише Воителю, что хотя бы не

похвалился умением стоять на карауле – вот позору было бы! И ведь раньше действительно не считал это за труд. Сколько раз приходилось то стеречь коней от степняков, то выслеживать волков, что пришли резать отару... Никогда не засыпал! Уж не Раэна ли это штучки?

Поднявшись и быстро умывшись, он подкинул в уже горящий очаг дров и поставил на огонь сковороду. Разогреть вчерашнюю ячменную кашу на топленом жиру, добавить куски копченой курицы, покрошить пару зубчиков чеснока... И вроде нехитрая снедь, а пахнет на весь дом, да и на вкус – объеденье!

Помешивая кашу с мясом, Фарис покосился на Раэна, занятого чем-то странным. Перед целителем на полу стояла глиняная миска, в которую он строгал ножом древко стрелы. Той самой, вчерашней, со срезанным клеймом. В миске уже виднелась горка стружек, несколько наконечников и мелко покрошенные перья. Еще одна стрела лежала рядом.

– Что ты делаешь? – не выдержал Фарис, когда Раэн взял последнюю стрелу и ловко содрал с нее наконечник ножом, бросив его в миску.

– Что? А-а-а... – чуть удивленно протянул целитель, поднимая голову, словно только что увидел Фариса. – Ну, как бы тебе объяснить... – Не переставая строгать стрелу, он посмотрел на нее и вздохнул: – Я бы сказал, что делаю магический маяк, но это будет еще непонятнее, чем настоящее объяснение. Хм... Ты ведь знаешь, что у каждой вещи есть запах? Он может быть слабым, и люди его не чувствуют, зато собаки отлично различают. Дай собаке понюхать вещь, принадлежавшую вору, и она пойдет по следу...

– Это все знают, – перебил Фарис.

К его обиде за вчерашнее прибавилась новая – целитель разговаривал с ним, как с несмышленным ребенком!

– Ну, тогда и остальное поймешь, – невозмутимо согласился Раэн. – Эти стрелы несут отпечаток души того, кто их держал в руках. Мой, конечно, тоже – я ведь их ловил. Но он слабый, и его можно удалить, если знать как. А вот хозяину они принадлежали гораздо дольше, причем он их накладывал на тетиву с ясным намерением убить, а оружие очень чутко к подобным мыслям и стремлениям.

Фарис понятливо кивнул, уже даже не обижаясь. Конечно, у оружия есть душа, это любому мальчишке известно. А раз есть душа,

значит, оно может понять своего хозяина. И снова сердце резанула тоска по сабле, которую он отогнал, вслушиваясь в голос Раэна.

– Вот я и хочу использовать отпечаток, оставленный на них вчерашним гостем, – продолжил тот. – Связать магический запах его сущности с тем, что сделаю из этих стрел. – Покосился на Фариса, усмехнулся и успокоил: – Сейчас увидишь все сам, а то ведь начну рассказывать – так не поверишь.

Дорезав последнюю стрелу вместе с перьями, он поставил миску на угли очага, коснулся огня кончиками пальцев и что-то прошептал ему просительным ласковым голосом.

И огонь отозвался! Вспыхнув, ровное пламя окружило миску, но внутрь, на деревянную труху и перья, не кинулось. Языки огня сплелись поверх миски и ее содержимого, образуя сначала купол, затем огненный шар. Огонь загудел так мощно, словно обитал не в простом домашнем очаге, а в кузнечной печи, по кухне разнесся хорошо знакомый Фарису резкий запах кузницы...

Умирая от любопытства, Фарис едва не свернул шею, заглядывая в очаг поверх плеча снова севшего в кресло Раэна, но все-таки так и не понял, в какой миг пламя опало, и стало видно, что в миске блестит жидкая темная масса. Этого просто не могло быть! И конечно, он не поверил бы, расскажи Раэн о таком заранее! Расплавить металл в кухонном очаге!? В простой глиняной миске для еды! На обычных поленьях! Без горна и мехов, без угля! Невозможно...

Наклонившись вперед, Раэн помешал расплавленный металл ножом. Внук лучшего кузнеца долины сглотнул слюну и медленно выдохнул. Вот это настоящее чародейство... Нет, конечно, он верил, что именно Раэн тянет из степи снеговые тучи, да и слепленную из глины, а потом оживленную птицу помнил прекрасно... И летающие ведра, и целительское искусство чужестранца... Однако так управляться с металлом, чуждым всякой магии?!

«Но почему при таких удивительных умениях он здесь, в Нистале? – пришла вдруг Фарису простая и удивившая его мысль. – Почему не служит пресветлому шаху в числе придворных чародеев? Или не славен по всей стране как великий мудрец и волшебник? Что ему за дело до Нисталия и его беды, такой маленькой по сравнению с огромным миром за пределами долины? Вот не забрал бы он меня от столба, и... Да ничего для этого самого мира не изменилось бы! Все,

что случается в Нистале, в нем же и остается, потому что чужакам нет дела до нашей жизни, да и сами мы стараемся никому ее не показывать. Сняли бы мое тело, зарыли, да и все на этом! Или... не все? Что здесь вообще творится и почему я так важен?!»

Забрав миску с огня, на прощание дружески лизнувшего ему пальцы, Раэн ловко залил расплавом глиняную форму и бросил ее в ведро с водой. Миска, исполнив свое предназначение, тихо рассыпалась на кусочки. Фарис так и стоял у очага, потеряв на время дар речи. Хмыкнув, целитель взял веник и смел осколки посуды.

– Так и будешь дуться, словно мышь на крупу? – мимоходом поинтересовался он, принохиваясь к благоухающей чесноком и мясом каше.

Щеки Фариса вспыхнули, и мысли снова вернулись к вчерашнему позору.

– Ты второй раз меня спасаешь, – сказал он дрогнувшим голосом.

– И что? – пожал плечами Раэн. – За такой завтрак я готов каждый день тебя спасать. Чем ты недоволен?

– Не издевайся... – Фарис покраснел еще сильнее, даже захотелось выйти во двор и умыться снегом. – Ты меня вчера запер! Как маленького мальчика!

– Понятно, – грустно вздохнул Раэн. – Обижаешься, что не взял тебя поиграть в догонялки? Ладно, шучу. Фар, ну чем ты мог мне помочь? Ты способен перепрыгнуть тот овражек? Не думаю. А ловить стрелы лучше руками, чем горлом или сердцем. Согласен? У тебя еще не скоро так получится.

– У меня вообще так никогда не получится, – буркнул ир-Джейхан, рассудком понимая, что чародей, как всегда, прав.

– Кто знает, – снова пожал тот плечами. – Хитрость тут невелика, дело в упорстве и ловкости. А этого тебе не занимать. Если успею, дам пару уроков. Не надо обижаться, малыш. Может, и тебе когда-нибудь придется кого-то прикрыть собой, только до этого еще дожить надо.

Вернув веник на место, он сполоснул руки над бадьей и принялся раскладывать дымящуюся кашу по мискам. Фарис, которого на миг укололо небрежно-ласковое слово «малыш», подумав, только вздохнул. Как еще Раэну, почтеннейшему целителю и чародею, звать его, простого табунщика из Нисталя? Это чудо, что Раэн вообще с ним возится и объясняет свои поступки! Так что Фарис для него именно

что малыш, здесь и обижаться нечего. Вроде как он сам смотрит на братишку Хамида по-доброму, но ведь немного свысока! А потом он подумал еще кое о чем...

– Ты ведь не меня закрывал, да, Разн? – помолчав, спросил вдруг Фарис. – Все никак не можешь тому парню долг отдать? Чертополоху?

Чародей поморщился.

– Есть долги, которые не вернуть. Ты теперь и сам это знаешь. Я ведь не особенно рисковал: стрелок и вправду был паршивый. Ну что, так и будешь обижаться?

– Прости. Глупо очень, правда?

Фарис смущенно улыбнулся, молча обругав самого себя неблагодарным дурнем. В самом деле, нашел, чем оскорбиться! Но Разн покачал головой.

– Нет. Совсем не глупо. Очень даже правильно. По-другому и быть не могло, ты ведь не из тех, кто за чужой спиной прячется. Потерпи, будет у тебя и своя битва. Судьба таких, как ты, испытывать любит, еще не обрадуешься. Только вот что... О вчерашнем никому ни слова. Тебе, конечно, и так пока говорить не с кем, но все-таки... Рассказать о таком обычному человеку – либо сумасшедшим прослыть, либо его самого под такую стрелу подставить. Стрелок – моя забота. Запомнил?

– Да, – буркнул Фарис и не утерпел: – Разн, а что у тебя за отливка? Или... мне и об этом нельзя спрашивать?

– Почему же, можно. Обычный нож. Пока обычный.

Чародей достал из воды остывшую форму, вытащил узкое, довольно грубо отлитое лезвие со штырьком для черенка, покачал горячий клинок на ладони.

– Рукоять сделаешь сам, – сообщил он Фарису, протягивая хищно поблескивающее жало ножа. – Умеешь?

– Само собой! – оскорбился тот, взяв еще горячую отливку.

Самую обычную, тяжелую, приятно пахнущую разогретым металлом – родной с детства запах. Взвесил на ладони, потом положил на нее, прикидывая размер черенка.

– Из чего делать: из дерева или из кости?

– Из чего хочешь. – Подумав, Разн добавил, вернувшись к столу: – Делай под свою руку. И ножны сшей, я там в кладовке кусок неплохой кожи видел.

– Мне... нельзя нож... – с трудом напомнил Фарис, отогнав алчное желание снова иметь настоящее оружие. Пусть и не саблю, но хотя бы вот это, тяжело и уверенно лежащее в руке лезвие! – Ашара не положено...

– Зато вроде бы положено выполнять мои приказы, – рассеянно отозвался чародей, ломая лепешку. – А я тебе приказываю сделать этот нож и носить его на себе. Даже к лошади без него не ходи, понял? Это сейчас твоя единственная защита от всяких незваных гостей. Лучше, конечно, если она не пригодится, но хоть совсем с голыми руками не останешься. А то уйду я в харчевню или к больному...

– Понял, – быстро сказал Фарис.

Не до конца исчезнувший страх перед обычаями он успокоил тем, что приказа хозяина и вправду не мог ослушаться. И если Раэн велел ему охранять дом... Это же совсем другое дело, верно?! А чтобы старейшины не обвинили в нарушении обычаев самого Раэна, нужно просто никому не показываться с ножом. Это дело легкое, он и ведь и в самом деле на улицу не выходит, гостей не принимает.

Рука чувствовала успокоительную тяжесть оружия, почти ласковую, и Фарис еле-еле заставил себя положить отливку на стол, где уже давно ждал завтрак. Раэн понимающе улыбнулся уголками губ, и Фарис решил, что обязательно додумает ту странную мысль, что пришла ему в голову насчет мага и долины. Но попозже! А если не разберется в ней сам, то спросит самого Раэна, тому уж точно виднее, зачем он сюда приехал.

Правда, какие-то внутренние, приобретенные недавно сомнения в честности и правильности мира подсказывали, что Раэну вовсе не обязательно говорить правду... Но Фарис их отогнал. От целителя он не видел ничего, кроме справедливости и великодушия, как тот может иметь подлые замыслы?

* * *

Без Ирганы с ее болтовней в доме стало тише и как-то скучнее. Наргис даже не думала, что так привыкла и привязалась к шумной веселой девчонке. Она предложила Мирне выбрать любую девушку из прислуги себе в помощницы, и та привела застенчивую халисунку, недавно взятую в дом ир-Даудов по просьбе дальней родственницы тетушки Шевари. Халисунка по имени Джади боялась лишний раз поднять взгляд, кидалась выполнять любое распоряжение Наргис, как

личную волю богов, и была совершенно счастлива, что ее так выделили среди служанок. А Наргис не хватало Ирганы...

Мирна, которая навестила подругу сразу после свадьбы в новом доме, вернулась оттуда, поджав губы, и на расспросы нехотя ответила, что у Ирганы все хорошо. Ест она теперь не на глине и даже не на меди, а на серебре, одевается в шелка, а муж молодую жену лелеет, словно розочку.

— Мирна, завидовать нехорошо, — мягко сказала Наргис. — У каждого своя судьба. Если счастье улыбнулось Иргане, нужно за нее порадоваться.

— Я бы порадовалась, да только нет больше нашей Ирганы, — едко ответила Мирна. — Зовут ее теперь Аллариль, как первую жену господина купца звали. Живет она в комнате той бедняжки, носит ее платья да украшения. Нет, конечно, муж ей и новые покупает! Сама видела, как золотые серьги подарил, да славные такие, с гранатами! «На, — говорит, — Аллариль, сердечко мое, носи да радуйся. Это тебе на годовщину нашей свадьбы».

— Какую годовщину? — не поняла Наргис. — Свадьба же только на днях была.

— Вот и Иргана так же спросила, — мрачно вздохнула Мирна. — А купец посмотрел на нее и говорит ласково-преласково. «Ты, — говорит, — моя любимая жена, слишком надолго уезжала из нашего дома. Уже и не помнишь, что у нас с тобой на следующей неделе десятая годовщина. Десять лет назад озарила ты счастьем этот дом, Аллариль моя ненаглядная... Ну ничего, больше я тебя так надолго не отпущу. А к серьгам завтра ожерелье привезут, чтобы ты у меня краше всех была, птичка моя золотая».

Наргис передернулась от холода, вдруг прокатившегося по телу от слов Мирны. Неужели муж Ирганы — безумец?! И она сама отдала ему несчастную девчонку! Не нужно ли спасти Иргану из власти сумасшедшего?!

— А как же Иргана? — растерянно спросила она. — Ничего ему не сказала?

— А что она скажет? — пожала плечами Мирна. — Кинулась мужу на шею, а потом побежала серьги перед зеркалом мерить. Я, госпожа, не утерпела, да и спросила господина купца, неужели правда он Иргану нашу своей Аллариль считает? У самой сердце так и екнуло!

Вдруг, думаю, разум он от горя утратил да на меня сейчас кинется? А он посмотрел на меня и говорит: «Молчи, девочка, сам все знаю. Нет моей Аллариль больше в этом мире. Но это ничего, теперь я смогу это забыть. И жена моя забудет, как ее раньше звали. Уже почти забыла, сама видишь. Ирганой-то она медные сережки носила, а теперь ходит в золотых. Ты не бойся, я не сумасшедший, зла ей никогда никакого не причиню. Только хочу смотреть на нее и видеть Аллариль мою ненаглядную. А ты, девочка, иди и больше не приходи сюда. Не нужно ей прежнюю жизнь напоминать, у нее теперь судьба новая, счастливая. Пусть забудет, что была служанкой, больше ей ничего тяжелее своих украшений поднять не придется...» Вот так-то, госпожа, – добавила Мирна с горечью. – Подождала я Иргану да попрощалась с нею. А больше и вправду сама туда не пойду. Захочет меня повидать, так знает, где найти. Но зачем я ей? У нее теперь новые подруги, такие же нарядные и богатые...»

– Она придет, Мирна, – сказала Наргис, вовсе не чувствуя в этом уверенности. – Не может ведь она забыть, как вы дружили! Это сейчас на нее солнце удачи пролилось и ослепило, но Иргана – хорошая девушка, она обязательно вспомнит, как ты с ней всем делилась, даже платья свои на нее перешивала. Она придет. Ну, а если нет... Тогда, значит, она и не стоит твоей дружбы.

– Маруди жалко, – вздохнула Мирна, смахивая слезинку с уголка глаза. – Сохнет он по ней, хоть виду не подает. А я и не знаю, как его утешить.

Наргис нахмурилась. Она точно помнила, что собиралась поговорить с Маруди. Но почему-то забыла. Как и про то, что хотела узнать у почтеннейшего Амрана ир-Галейзи... Не многовато ли она забыла за эти последние дни?! Успокоилась тем, что Джареддин больше не появлялся, и утратила всякую осторожность, а ведь обещала себе пойти по следу его тайны!

– Я поговорю с Маруди, – пообещала она Мирне. – Сегодня же! Хотя нет, сегодня он отправился в город навестить кого-то из друзей. Значит, как только вернется. А сейчас иди и спроси почтеннейшего Амрана, могу ли я его навестить?

Оставшись одна, она погладила Барса, лежащего у кровати на особом коврикe, толстом, но гладком, чтобы удобнее было чистить от шерсти. Немного поколебалась, но вытащила заветную шкатулку. Нет,

она не станет показывать Амрану письма Аледдина, расспрашивая его о тайне братьев. Просто прикоснется к последнему губами, целуя чернильный след, ведь говорят, что слова – это следы, которые оставляет сердце...

Наргис бережно взяла верхнее письмо из шкатулки и замерла. Внешне все было в порядке. Никакой тени или отпечатка не появилось на отполированной до зеркальной гладкости крышке из черного дерева, и письма были сложены именно так, как и должны. Но... Сухой цветок нарцисса, лежавший между листками последнего письма, распался на отдельные лепестки. И этот естественный след времени больно уколол сердце Наргис намеком, что ничто не вечно. А ведь она была так бережна с этим цветком... И он казался хрупким, но все еще достаточно прочным... Наргис осторожно ссыпала лепестки обратно и безнадежно погладила последнее письмо, не став его читать. Закрыв крышку, поставила шкатулку в тайник...

– Светлейшая госпожа, – заглянула в дверь Мирна. – Почтеннейший Амран говорит, что готов услужить вам, чем пожелаете!

– Спасибо, милая, – рассеянно улыбнулась Наргис, опять запуская пальцы в шерсть Барса. – Конечно, я его навещу.

Обязательно следует навестить доброго мудрого старика и его чинского друга. Выпить с ними чашку кофе, послушать изумительные сказки про Небесного государя и его подданных... Еще она, кажется, о чем-то хотела спросить Амрана ир-Галейзи... Но, наверное, это был пустяк, если он выпал из памяти! Она непременно вспомнит как-нибудь потом...

* * *

Фарис, насвистывая тягучую простенькую мелодию, старательно резал черенок для ножа из ровного сухого полешка. Руки у нистальца росли из нужного места, поэтому рукоять красиво изогнулась, чтобы ладно лечь в ладонь, вдобавок Фарис вырезал на ней мелкие чешуйки – теперь еще и не выскользнет...

Разн, попивая горячее вино, лениво следил за работой подопечного и сам себе удивлялся. Что это его потянуло на нежности, когда он назвал Фариса «малышом»? Ладно бы Камалья или Надира, к которым его тянуло совсем иначе, горячо и чувственно. Однако Фарис? На него Разн никогда не смотрел с вожделением, и все вольные

шуточки при их знакомстве предназначались только для того, чтобы подразнить нистальца, вытащить его из мрачной пропасти вины и печали. Так откуда это внезапно сорвавшееся с губ ласковое словечко?

Он окинул взглядом стройную крепкую фигуру Фариса, сидящего у очага, и попытался представить хоть что-нибудь... этакое. Но собственный разум ехидно подсказывал, что Разн – дурак, а Фарис вызывает у него не больше плотского желания, чем кто-то из давних друзей или побратимов, тот же Заноза, к примеру. Так же, как их, Фариса ему хотелось шутливо потрепать мимоходом по лохматой темноволосой голове, вытащить его во двор, чтобы показать что-нибудь интересное с саблей, подсунуть ореховое печенье, которое нисталец обожал... И ничего более!

Поняв это, Разн вздохнул с облегчением и смог, наконец, подумать о более серьезных и важных вещах. Например, почему одержимый демоном позволил себе вмешаться в партию. Игры Равновесия – для людей, это они фигуры, которыми управляют Свет и Тьма. Демон же, пусть и вселившись в человеческое тело, не имеет права влиять на исход партии напрямую.

«Ну так и я не имею, – резонно подумал Разн. – Пока опасность не угрожает лично мне, я должен быть только наблюдателем... А я вмешался в игру, когда спас Фариса. Подозревал, что он одна из ключевых фигур, и все-таки спас. А значит, противоположная сторона получила право на ответный ход мимо правил. Вот и разгадка. Теперь ставки неминуемо повысятся, и ходы противников могут стать вовсе непредсказуемыми. Думается мне, все решится к новолунию, это самое удобное время, чтобы познакомить добрых честных жителей Нисталя с весточкой из Аккама. Только бы Камаль успел. Без того, что он должен добыть, мне могут и не поверить. А ждать еще один месяц чересчур опасно...»

Горячее вино, мягкое покрывало и тепло от очага наконец сделали свое дело, и Разн, вполглаза дремавший всю ночь, расслабился, проваливаясь в сон. Ему не помешало даже то, что небольшая лавка в углу кухни плохо для этого подходила. Оказалось, на ней достаточно удобно свернуться... Фарис, увидев, что он засыпает, тихонько вышел из кухни, и Разн окончательно уплыл в сонное забытие, утешив себя, что все равно собирался это сделать.

Качаясь на волнах между сном и явью, он первым делом потянулся в сторону своей Тени и даже во сне нахмурился. Халид опять влип. Он кого-то выслеживал, Раэн чувствовал это через его настороженность и особенную хищную внимательность, с которой Зеринге смотрел на своих спутников. И что хуже всего, в мыслях и чувствах его легко читалась жажда чьей-то смерти.

«Голову оторву поганцу, – тоскливо подумал Раэн. – Вот зачем я его всеми силами вытаскивал из колеи прежней его судьбы? Чтобы он снова сорвался? И не рывкнуть ведь издалека, чтобы прекращал дурить. Сам оставил ему слишком много воли, и теперь этот фокус проделать не получится... Ну что ж, если он действительно взялся за старое ремесло... Значит, будет у меня новая Тень. Может, и неплохо, если она окажется не такой строптивой. Хотя жаль... Привык я к нему. Слишком легко привязываюсь к людям, не зря наставники предупреждали об этом, как о моей величайшей слабости...»

Он оставил Зеринге его собственным решениям, куда бы те ни привели ир-Кайсаха, и потянулся к Наргис через Барса – живой артефакт, над которым не зря столько работал. Легонько коснулся теплого золотистого сияния, которым воспринимал душу девушки, и мечтательно улыбнулся, но тут же снова встревожился. Это светлое и яркое, но не слепящее золото было окутано едва различимой темной сетью чужого заклятия. Очень искусно сплетенного, почти незаметного и все-таки гасящего собственный свет души Наргис, влияя на ее мысли и поступки.

Раэн попытался снять эту сеть, но она ускользала, потому что была слишком туго вплетена в суть души девушки. Он пригляделся, пытаясь определить, что именно сеть делает... И понял, что она двойная.

Верхний слой представлял собой довольно частое заклятие, которое не позволяло жертве думать о чем-то определенном, постоянно пряча от нее эти мысли. Точно так же работал, например, обычный отвод взгляда, которым пользовались не только настоящие маги, но даже ярмарочные шарлатаны или воры. Смотришь на что-то – и не видишь это. Или отворачиваешься, потому что забываешь, куда должен посмотреть...

Он не мог понять, что именно прячут от Наргис, но этот слой не изменял сами ее мысли, и была надежда, что девушка сбросит его

самостоятельно, как только реальность хотя бы раз прорвется через иллюзию с нужной силой.

Однако под первым слоем был еще один, сплетенный с таким поразительным искусством, что плавающее в волнах сна сознание Разна едва не вынырнуло обратно в явь от нехорошего удивления подобным мастерством. Этот слой делал Наргис неуверенной в себе и собственных чувствах и желаниях, робкой, нерешительной... Он вытаскивал на поверхность все ее слабости, заставляя девушку сомневаться в каждом шаге и, как следствие, искать опоры у кого-нибудь, кого она признает мудрее и сильнее себя.

Разн отчаянно попытался коснуться этой мерзости, но не смог даже ухватить ее краешек. Более того, сеть глубже погрузилась в сознание Наргис, а Барс, который служил Разну маяком и якорем, беспокойно завожился в дремоте, и Разна выбросило обратно в его собственное тело, проснувшееся в Нистале.

– Дурной сон? – сочувственно сказал Фарис, показываясь в дверях. – Ты стонал. Я не знал, можно ли тебя разбудить, и не стал...

– Правильно сделал, – мрачно сказал Разн. – Никогда не буди чародеев, если они тебя об этом не просили. Так и убить нечаянно можно. Свари кофе, а?

Он потер кончиками пальцев ноющие виски. Наргис в опасности! Она сама этого не понимает, но что-то управляет ею. Точнее, кто-то! А он застрял здесь, и даже на одну ночь нельзя отлучиться, потому что нож – ножом, но против одержимого демоном парень в одиночку не выстоит, на это надеяться нечего. Проклятье... Как же Разн иногда ненавидел свою работу! Выбирать между Равновесием, которое простояло много тысяч лет и наверняка простоит куда дольше, и одним-единственным, но дорогим и желанным человеком!

Его промедление может дорого обойтись Наргис... Таинственный враг сумел обойти защиту, поставленную на Барса, пес попросту не видит и не слышит этой опасности, а может, не считает ее действительно опасной. Люди же перед магией и вовсе беззащитны! И ничего, ровным счетом ничего не сделать, остается только надеяться на разум и волю самой Наргис!

ГЛАВА 12. Когда мечты сбываются

На следующий день Разн с самого утра, едва перехватив кофе с лепешкой, закрылся в комнатухе, пристроенной к спальне. Прежние хозяева хранили там припасы и зимнюю одежду, а целитель устроил мастерскую, как он сам сказал Фарису. И даже позволил посмотреть, только что толку? Никаких знакомых инструментов в комнате не было, только стол с лавкой, масляная лампа да несколько баночек из темного стекла. Точно такие Фарис видел у дяди Нафаля и знал, что в них лекари держат снадобья, которые боятся света. Вот и все – какая же это мастерская?

Но когда Разн там засел, велел не тревожить его ни в коем случае, Фарис принялся изнывать от любопытства, потому что в щель под запертой дверью то и дело виднелись яркие вспышки, словно в комнате били крошечные разноцветные молнии, то зеленые, то синие, то белые. А еще оттуда на всю спальню пахло то раскаленным металлом – опять! и без всякого очага! – то паленой шерстью, то розами...

Иногда Разн выглядывал ровно настолько, чтобы взять у Фариса чашку кофе, что-нибудь съестное и кувшин воды. Что он с этой водой делал, оставалось полной загадкой, потому что воды в комнате, по прикидкам Фариса, уже хватило бы напоить две дюжины овец!

Наступил вечер, а затем и ночь... Разн попросил уже целое ведро воды, а потом предупредил, что спать сегодня не будет, и кровать свободна. Фарис, который после первой ночи в этом доме устроил себе лежанку из досок, с радостью воспользовался предложением, но задремать долго не получалось. Попробуй уснуть, когда совсем рядом за тонкой дверью творится очередное волшебство, которое на этот раз даже не увидеть! И ни щели, ни окошка... Ему-то чародейские тайны без надобности, но хоть посмотреть бы! Вот птицу же Разн от него скрывать не стал? И стрелы, расплавленные в очаге... А здесь что за тайна такая, если целитель ее прячет?

Что скрывать, было обидно. И за упущенное чародейство, и за то, что Разн не рассказал о письме из Аккама. Сам ведь говорил, что

Фарис ему нужен, что они вместе найдут подкравшееся к долине чародейское зло. И вот – молчит!

Утром все продолжилось. Таинственные вспышки под дверью, торопливые просьбы кофе и воды...

Фарис от скуки перечистил котелки и сковородки, до блеска намыл полы, обиходил кобылу... А потом сунулся в короб с едой, чтобы приготовить обед, и понял, что тот пуст. Хуже всего, что кофе осталось несколько зерен! А тот, что был намолот, он только что допил!

Ну и что делать? Постучаться к Раэну и сказать, что еда кончилась? Фарис судорожно вздохнул – его окатило стыдом. Мало того, что он которую неделю живет за счет целителя, так еще по хозяйству от него помощи никакой. Мог бы и раньше заметить, что кофе почти закончился, тогда Раэн успел бы за ним сходить. А теперь... Он-то сам обойдется, но чародейство – дело сложное и тянущее силы, Раэн после вызова к больным всегда возвращается бледный и жадно ест...

Фарис вышел на крыльцо и через забор глянул на улицу, занесенную неглубоким снегом. От их дома к площади тянулась утоптанная дорожка, лишь слегка замеченная ночной поземкой. И не так уж далеко до харчевни – во-о-он желтеют уютным светом ее оконца! Притом ашара не запрещено показываться за пределами дома, просто не стоит этого делать без хозяина. Но на улице ни души! И если он быстренько обернется, никто не заметит! А Раэн... Ему Фарис потом сам расскажет, что пришлось нарушить его приказ.

Вернувшись в дом, он заглянул в глиняную банку на окне, где чародей держал деньги на еду. Меди там хватало, и Фарис выгреб все, чтобы не ходить два раза. Мало ли, когда Раэн закончит. Монеты жгли руки, словно напоминая, что не зря ему было велено сидеть дома, но тут уже Фарис разозлился на самого себя за подлый страх, крутящий внутренности. Что же, ему теперь нельзя пройти несколько сотен шагов по собственной земле?!

Он решительно накинул теплую куртку, спрятав под ней нож, висящий на поясе. Раэн велел с ним не расставаться, но ашара, взявшего оружие, любой встречный имеет право убить без раздумий и оправданий. А под курткой ничего не видно, она длинная.

Стиснув зубы и твердо зная, что если сейчас не переборет себя, то память об этом останется в нем навсегда, Фарис прошел по дворику, засыпанному свежим снежком, вышел на улицу и аккуратно закрыл за собой калитку. Оглядываясь вокруг, торопливо дошел до площади по хрустящему под сапогами снегу. Ему казалось, что последний раз он был здесь несколько лет назад, настолько чужим все стало вокруг. Только бы никто не попался навстречу! Повезло и в этом, на площади не было никого из взрослых, только несколько мальчишек, игравших в снежки, завидев его, бросились удирать. «Ну, хоть снежками не забросали, – про себя горько усмехнулся Фарис. – Или камнями. Мишень из меня отличная, ни убежать, ни кинуть в ответ...»

Везение продолжалось до самой харчевни, а потом кончилось, издевательски улыбнувшись на прощанье: уже толкая тяжелую дверь, Фарис слышал знакомые голоса. По спине прокатился ледяной озноб, но отступать было поздно.

«Терпи... терпи, – уговаривал он себя, плотно сомкнув губы и опустив глаза. – Ни на кого не смотреть, ни с кем не заговаривать... Просто взять, что нужно, и уйти... Терпи... Терпи...»

Дорога к стойке оказалась невыносимо длинной. А шумная компания в углу смолкла, когда Фарис встал перед стойкой, не поднимая взгляда и ожидая, пока с ним заговорят. Вот откуда он знал, что ашара, без позволения первым заговорившего с порядочным человеком, следует выпороть кнутом на площади, отмерив по удару за каждое сказанное слово?! А ведь помнил... Наверное, такие вещи знают и помнят все, ни на миг не сомневаясь, что с ними этого случиться не может.

– Ну, чего тебе? – буркнул хозяин заведения, без всякой нужды вытирая чистые сухие руки тряпкой.

Помнится, когда Фарис был маленьким, дядюшка Идрис, никогда не жалевший для ребятни медового печенья, донимал его шутками, что выдаст за внука кузнеца любую из дочерей. Оказалось, что теперь Идрису ир-Хаману хочется встретиться с ним взглядом не больше, чем самому Фарису.

– Почтенный Раэн просит прислать ему кофе и еды, как обычно, – выдавил Фарис, радуясь, что голос не дрожит, как он было опасался.

– Сейчас уложу.

Повернувшись широкой, как дверь, спиной, хозяин принялся складывать в корзину съестное и какие-то бутылки, затем кинул на стойку пару мешочков со специями и ушел в заднюю комнату. Судорожно вздохнув, Фарис скорее почувствовал, чем увидел, как рядом возник знакомый силуэт.

– Так-та-а-ак, – вразяжку произнес Сейлем, небрежно облокотившись на стойку. – А я-то думаю, чем это здесь так смердит? Где ошейник потерял, красавчик? А может быть, он тебе жмет? Скажи своему коновалу, у меня есть лишний, остался от шелудивой собаки. Хорошему псу не наденешь, а тебе в самый раз подойдет...

Фарис еще ниже опустил голову, стиснув зубы и заметив, как мимо него кто-то проскользнул и выбежал из харчевни. Компания Сейлема расхохоталась, кто-то застучал кружкой по столу.

– Смотрите, Камаль сбежал! – заулыбался, судя по голосу, Сейлем. – А я как раз хотел попросить, чтобы он тебе дал пару уроков, как ублажать хозяина. Кстати, твоему лекарю деньги не нужны? Могу подкинуть пару медяков, если пришлет тебя ночью...

– А ну, хватит болтать! – хмуро одернул его вернувшийся Идрис. – Тут приличные люди сидят, нечего воздух грязными словами пачкать!

Сделал он это как раз вовремя: у Фариса кровь уже не стучала в висках, а гудела, подобно рою рассерженных пчел. Почти невыносимо было понимать, что одним ударом он мог бы стереть мерзкую ухмылку с губ Сейлема! Совсем как в прошлый раз, когда заступился за беднягу Камалю. Но нельзя... «Лучше бы тебе поторопиться, Раэн, – подумал Фарис. – Не могу же я всю жизнь прятаться у тебя за спиной! Долго не выдержу! Или убью эту скотину, или искалечу. А потом убьют меня...»

– И вообще, шли бы вы отсюда, парни. Нет бы делом заняться, болтаетесь целыми днями по улицам да у меня сидите, – продолжал бурчать хозяин, ссыпая кофейные зерна в кожаный мешочек.

Фарис чуть-чуть перевел дыхание.

– А правда, что нам тут делать? – неожиданно легко согласился молодой ир-Кицхан. – Пойдем-ка на улицу...

– Но-но, – вскинулся Идрис, заподозрив неладное. – Мне здесь драка не нужна. Не хватало еще, чтоб из-за всякого дерьма лекарь на меня старейшинам жаловался.

– Ну что вы, дядя Идрис, – заулыбался Сейлем, выходя вслед за остальными. – Никто эту тварь пальцем не тронет. Кому охота

пачкаться?

– С лекарем я после рассчитаюсь, – немного погодя проговорил ир-Хаман, туго набив корзину и глянув на монеты, зажатые в руке Фариса. – И скажи ему, чтобы денег тебе в руки не давал, я их после тебя к своей честной выручке класть не стану. А теперь пошел вон, выродок.

Фарис, не поднимая глаз, молча сунул в карман куртки мешочки с приправами, перехватил поудобнее ручку увесистой корзины и выскочил на крыльцо, чувствуя, как пылают щеки. Никто его не ждал, двор был пуст. Только вот за воротами харчевни на улице стояли, разговаривая, две девушки в черных траурных покрывалах, и, увидев их, Фарис отступил в тень высокого крыльца, обогнул харчевню, вышел через ее задний двор и медленно, осторожно стал пробираться в обход улицы к дому Разна. Одна из девушек была сестрой погибшего Малика, вторая – Лалина ир-Кицхан – его невестой. И Фарис дал бы еще раз привязать себя к столбу без всякой надежды на спасение, лишь бы не встретиться с ними.

Несколько заборов и живых изгородей, способных остановить разве что корову, он без труда перелез даже с корзиной. Еще немного, и вот их с Разном дом! Подойти к нему мешал овраг, но Фарис уже прикинул, как его обойти, когда оказалось, что гадости, припасенные Судьбой на сегодня, еще не исчерпаны.

А впрочем, так ли уж неожиданно это было? Выйти из харчевни чуть раньше него, увидеть девушек и догадаться, что за все сокровища мира Фарис не пойдет мимо них – что в этом трудного? И тем более несложно сообразить, как именно он попытается вернуться. А потом забежать вперед – по улице это сделать куда проще, чем по заснеженным огородам – и подкараулить его в заброшенном тупике, куда уже несколько лет никто не заглядывает, кроме влюбленных парочек или придумывающих очередную каверзу мальчишек.

Обиднее всего, что до цели осталось рукой подать: только выберись на улицу да пройди несколько шагов до калитки. Попробуй выберись!

Поджидали его трое. Конечно, сам Сейлем, с нехорошей усмешкой прислонившийся к дереву. Касим, брат Малика, стоял у калитки, надежно перекрыв ее необъятной ширины плечами. А третьим был Салих, двоюродный брат Сейлема. Салих, никогда и

нигде не расстающийся с пастушеским кнутом, кончиком которого на спор он мог снять жука, не повредив листик, на котором тот сидел. Он и сейчас поигрывал резной рукояткой, от которой сбегала вниз длинная кожаная змейка.

«А ведь правду говорят, что Салиха в детстве головой с лавки уронила, – почти весело подумал Фарис. – Он ведь так и сидел в харчевне...» Но придурковатый или нет, а родич Сейлема был опаснее всех. В умелых руках кнут – отменное оружие! И все-таки Фарису стало невероятно легко: сейчас, когда его собирались то ли убить, то ли искалечить, они были на равных. Не нужно испытывать вину, не нужно оправдываться...

– Иди сюда, ашара, – ласково позвал его Сейлем.

– А что это вы только втроем? – поинтересовался Фарис, пытаясь выиграть немного времени. Мысли, как с ним всегда бывало в минуту опасности, проносились четкие и стремительные. – Нужно было еще человек пять захватить...

– Для тебя хватит, – процедил задетый ир-Кицхан.

На него плевать, Сейлем не боец. Мощный, но неуклюжий Касим опасен только вблизи. Если хватит ловкости держаться подальше, его можно не бояться. Лишь бы не метнулась вперед хлесткая молния в руках Салиха!

Боковым зрением держа Сейлемова братца, все так же глядящего до блеска выложенную деревяшку, Фарис шагнул вбок, оказавшись у самой ограды, и, размахнувшись, перебросил через нее тяжелую корзинку. Жаль, если бутылки побьются. Можно было поставить корзинку и на землю, но... пусть эти трое решат, что он собирается прыгнуть следом. Освободившиеся руки он сунул в карманы куртки и правой ладонью нагреб тяжелых медных монет, сколько смог захватить.

– Даже не мечтай, – проговорил Сейлем, отлипая от дерева.

Глаза у наследника рода ир-Кицхан блестели так лихорадочно, что Фарис впервые задумался, а не балуется ли сын старейшины дурной травкой? Хотя раньше за Сейлемом такого вроде не водилось...

– Попробуешь бежать, Салих с тебя шкуру ленточками спустит.

– А если не попробую? – спросил Фарис, прислушиваясь, не захрустит ли снег под чьими-нибудь ногами.

Трое – плохо, но не так плохо, как пятеро, например. А в трактире Сейлем поил человек семь. Кое-кто из них раньше звал Фариса другом... И ведь они наверняка знали, куда и зачем пошли эти трое. Всей их дружбы хватило на то, чтобы не пойти за Сейлемом.

– А тогда, может быть, не спустит, – снова заулыбался ир-Кицхан-младший. – Если будешь послушным и хорошенько нас позабавишь, отделаешься парой оплеух. Ты как, будешь послушным, красавчик?

«Болван, – брезгливо подумал Фарис. – Трусливый наглый болван. Сказал бы ты мне такое раньше. А сейчас спрятался за этих двоих и твоякаешь, как шавка из-под забора. Пожалуй, убивать меня вы не собираетесь. Решили поразвлечься? Обойдетесь. Вот с Касимом не хотелось бы драться всерьез... Но вы же после пары оплеух не успокоитесь. Когда еще Салиху удастся поработать кнутом над человеком... В лучшем случае изувечите, а потом скажете, что это я задел вас, благодетельных мальчиков».

Второй рукой он нащупал один из мешочков и запустил туда пальцы. Перец. Вот и славно.

– Может, разойдемся так? – спросил Фарис напоследок.

Не из страха, не из благородства, просто очень уж не хотелось ему связываться с Касимом. В память о Малике, который одному из них был братом, а второму – другом.

– Салих, что-то эта мразь много болтает, – еще шире улыбнулся ир-Кицхан. – Поставь-ка его на колени.

Разойтись не получилось... Ну и ладно! За мгновение до того, как лента кнута обвила бы его ноги, Фарис прыгнул вверх и тут же отскочил вбок – в сторону Сейлема. Тот бросился навстречу, и Фарис влепил ему по носу, с неописуемым удовольствием услышав хруст – медь в кулаке отлично утяжелила удар. Сейлем глухо взвыл, схватившись за лицо.

Еще пару мгновений Фарис потратил, чтобы нырнуть под снова летящий кнут и швырнуть Салиху в глаза горсть молотого перца. Кнут все-таки резанул его вскользь по щеке, зато ир-Кицхан принялся отчаянно тереть глаза, грязно ругаясь. Еще чуть – и удалось бы сбежать, но тут в него врезался разъяренным быком Касим, а с другой стороны подскочил залитый кровью Сейлем...

* * *

К вечеру Маруди из города не вернулся, не пришел он и на следующий день, об этом Наргис рассказала тихая и словно потускневшая Мирна. Немолодой опытный воин, который при Маруди был помощником и советником в охранных делах, сказал, что джандар собирался отлучиться ненадолго. Встревожившись, Наргис попросила его заглянуть к Маруди в комнату, которую тот не запирает, считая, что плох охранник, который сам боится воров. Оказалось, что Маруди ушел в обычной одежде и с простым оружием, оставив дома и дорогую парадную саблю, и сундучок с немалым количеством монет, судя по весу и звону.

У Наргис, испугавшейся, что Маруди сбежал, немного отлегло от сердца. Ведь реши джандар бросить службу, забрал бы деньги, верно? Если только... если ему не было стыдно, что ушел без позволения, не предупредив. Ох, Маруди, только не натвори ничего!

Вздыхнув, Наргис велела послать пару охранников в город, пусть наведаются в харчевни, где Маруди бывал, вдруг он там? Или хотя бы недавно заходил, и его заметили. Подумала – и еще одного отправила в дом почтенного купца ир-Хасима. Но приказала не пугать бедняжку Иргану и ее мужа, а просто передать, что госпожа ир-Дауд ждет господу ир-Хасим в гости, когда той будет удобно пожаловать. Иргану ир-Хасим – не Аллариль! Потакать безумию, пусть и тихому, Наргис не собиралась. Она выдавала замуж Иргану, вот ее видеть и желает.

Проводив старшего охранника, обещавшего немедленно все исполнить, Наргис накинула шаль и вышла в сад, залитый теплым золотом заката. Летняя жара уже сменилась осенней прохладой, лотосы давно отцвели, и крик попугаев казался тревожно-печальным. Зима никогда не приходит в Харузу по-настоящему, с морозами и снегом, но вскоре завянут и розы, и лилии, сад потускнеет, и гулять по нему станет совсем грустно...

Она прошла к розовому кусту и невольно улыбнулась – в рыхлой земле темнела очередная яма, а из-за веток выглядывала виноватая измазанная морда.

– Иди сюда, мой хороший, – позвала Наргис, присаживаясь на скамью. – Не бойся, я не буду тебя ругать. Что же ты там все ищешь, а?

Барс обрадованно вылез из кустов и немедленно сунул ей в руки холодный влажный нос. Наргис попыталась стряхнуть землю хотя бы с

его ушей и морды, но добила лишь того, что пес из бело-пятнистого стал равномерно серым.

– Надо бы тебя вымыть, – задумчиво сказала Наргис, глядя притихшего у ее ног Барса. – Ты и зимой станешь все так же копать?

Барс шумно вздохнул, будто подтверждая – еще как станет. И тут же насторожился, поставил торчком лохматые уши и напрягся всем телом. Наргис удивленно посмотрела в ту сторону, но густые кусты в сумерках казались непроходимыми, и когда из них появился человек, она даже не успела испугаться.

А потом уже и не смогла. Страх остался где-то далеко, как и все остальные чувства.

– Наргис... – выдохнул этот человек и медленно опустился на колени, не отрывая взгляда от ее лица. – Наргис моя...

Глухо зарычал Барс, но с места не сдвинулся, только его холка под пальцами Наргис окаменела.

– Наргис! – повторил пришелец отчаянно.

До боли и сердечной дрожи знакомые черты, синие глаза... Родные или чужие?! Наргис молчала, замерев и боясь пошевелиться, только всматриваясь в лицо, которое тысячу раз видела во сне, а теперь, наяву, боялась не узнать.

– Наргис... – безнадежно простонал Аледдин и закашлялся, прижав ладонь к губам.

– Ты?..

Она должна была вскочить, подбежать к нему, поднять с колен... Но вместо этого горько и упрямо повторила:

– Это ты? Точно ты? Тогда... скажи, что ты прислал мне в последнем письме. И... встань! Прошу тебя!

Он поднялся, отнял руку ото рта, снова посмотрел прямо в глаза Наргис, а потом через несколько невыносимо долгих мгновений, пока она не могла даже вдохнуть свободно, сказал:

– Я прислал тебе редкий нарцисс, белый с алой сердцевинкой. Наргис, любовь моя, если ты меня боишься, значит... я опоздал? Он был здесь?! Мой... брат?!

– Аледдин! – вскрикнула Наргис раненой птицей и бросилась к нему.

Три шага – много или мало? Она ждала целую вечность, чтобы их сделать, и теперь они показались невозможно длинными. Три шага – и

вечность разлуки оказалась позабытой, словно ее никогда не было.

– Аледдин... – прошептала Наргис, пряча лицо у него на груди. – Ты пришел...

Сильные теплые руки обнимали ее за плечи, баюкали, как ребенка, а Наргис плакала, слезы текли свободно, без рыданий, заливая ее лицо и унося с собой затаенный страх, который она так долго не могла никому показать. Аледдин вернулся, и теперь все наконец будет хорошо! Ну не может ведь не быть, правда?

– Как ты... почему ты здесь? – проговорила она наконец, поднимая лицо. – Почему не написал, что приедешь?

– Прости, сердце мое, – улыбнулся он виновато. – Наргис, мои звезды и ветер... Прости! Я не мог тебе написать, побоялся, что письмо перехватят. И в сад к тебе прокрался как вор... Простишь ли?

Она знала, что должна ответить красиво и учтиво, как надлежит невесте, встречающей жениха. И слова подходящие сами просились на язык, не зря же прочитано столько книг. Что вором он стал давно, украв ее сердце... Или нет, она ведь сама это сердце отдала! Лучше сказать, что не может быть вором тот, кого давно ждут здесь как хозяина... Или...

Но Наргис лишь покачала головой и снова прижалась щекой к тонкой шерстяной рубашке, чувствуя тепло, идущее от Аледдина. Нет, она не хочет заемных слов и клятв, украденных у чьей-то любви, пусть и в самых красивых поэмах. Ничего чужого! И если невозможно выразить все, что она чувствует, значит, придется молчать. Лишь бы сердце не разорвалось от сладкого счастья.

– Наргис... – шепнул он снова, шевеля дыханием волосы на ее макушке.

Любимый, долгожданный...

– Пойдем в дом, – попросила она, теперь уже сама заглядывая в его лицо. – Ты мой жених, никто не осудит. А если и осудят – все равно!

– Храбрая моя... – улыбнулся он снова и почему-то очень печально. – Хватит ли тебе смелости, моя Наргис? Я не пойду с тобой в дом, прости. Это слишком опасно для нас обоих. Джареддин следит за каждым твоим шагом, да и за моим тоже. У меня всего несколько часов, которые могут нам дорого обойтись.

– Джареддин... Ты знаешь? Ты все знаешь, да? – ахнула Наргис. – Как его остановить?! Это же против законов, и божественных, и человеческих! Он не должен... Я не хочу!

– Тише-тише, ненаглядная моя... – Он снова прижал ее, успокаивая, а потом зашептал на ухо: – Поэтому я и здесь. Поэтому – втайне. Никто не знает, что я приехал, даже моя мать на его стороне, не на моей. Наргис, душа моя, сердце мое... Уедем со мной! В Тариссе я хозяин, там добрый морской ветер почти излечил меня, и лекари говорят, что еще несколько лет – и здоровье совсем вернется. Любовь моя бесценная, ненаглядная... Я покажу тебе белые башни Тариссы, и мы будем жить в самой белоснежной из них! Ты станешь моей женой, как обещала, и никогда я не посмотрю ни на одну женщину, кроме тебя. Уедем, Наргис! Будь моими звездами и ветром, будь моей жизнью...

Горячий шепот обжигал, и Наргис таяла, плавилась в объятиях, которым не могла и не хотела ни в чем отказать.

– Уедем? – повторила она беспомощно. – Когда? Я должна написать дяде... и брату...

– Напишешь в дороге, – уверенно сказал Аледдин и коснулся губами ее лба. – Сердце мое, нам нужно бежать. Мой брат – страшный человек! Но даже он ничего не сможет сделать, если ты станешь моей женой сегодня же. Я все устроил, жрец уже ждет нас в храме, а возле храма – самые быстрые лошади на свете! К рассвету мы будем в Дарлае, сядем там на корабль... Он расправит паруса, как белые крылья, и умчит нас в Тариссу. Если... если ты все еще меня любишь, конечно. О, Наргис, не молчи! Может быть... ты выбрала его? Умоляю, скажи! Он сильнее меня, это верно. Здоров... И шах его любит... Наргис...

– Ты! Как ты мог такое подумать!

Она оттолкнула Аледдина и вырвалась, возмущенно смотря в застывшее лицо, на котором шевелились только губы.

– Никогда, слышишь?! Никогда я не пойду за ним к алтарю! – Наргис едва не разрыдалась снова от обиды. Неужели он мог подумать о ней так?! Неужели не поверил, что она ждала его все эти годы? – Будь проклят Джареддин, если встанет на нашем пути. В храм? Я готова! Прямо сейчас! В Тариссу? Хоть на край света!

Сладкая боль заливала ее изнутри, мешая думать, но обостряя каждое чувство. Сбежать из дома – позор? Пусть, она согласна быть опозоренной! Все равно хуже слухов, чем сейчас, о ней не пойдет. И притом, она ведь не наложницей покидает дом, не гулящей девкой! Аледдин отвезет ее в храм! А потом они уедут в Тариссу мужем и женой!

Белые крылья корабля, который унесет их к счастью, встали перед внутренним взором Наргис ясно, как настоящие, затмив все на свете. Все в том же сладком ледяном ознобе она снова шагнула к Аледдину. Барс, все это время лежавший у скамейки, снова зарычал, а потом жалобно заскулил.

– Прости, мой хороший, – обернулась к нему Наргис. – Я не могу взять тебя с собой. Не могу же, да?

Она просительно глянула на Аледдина, но тот виновато покачал головой и негромко сказал:

– Он не успеет за конями. Ты ведь не захочешь бросить его на полпути? Такой великолепный пес! Я пришлю за ним потом, обещаю.

– Слышишь, малыш? – Наргис шагнула к скулящему псу, наклонилась и порывисто его обняла, повторив: – Прости! Я за тобой обязательно вернусь! Или попрошу, чтобы тебя привезли. Ну прости, хороший мой!

– Наргис...

В голосе Аледдина послышалось нетерпеливое напряжение, и Наргис вздохнула.

– Я должна оставить хотя бы весточку, – сказала она умоляюще. – Меня же будут искать! Подумают, что похитили!

– И пусть думают именно так, – спокойно ответил Аледдин. – Пусть ищут тебя по всей Харузе, только не там, куда мы сбежим. Наргис, душа моя, если ты кого-нибудь предупредишь, Джареддину это станет известно сразу. Или тебе и вовсе не дадут уехать. Решайся сейчас, через несколько мгновений может быть поздно.

– Я... решила, – тихо, но твердо отозвалась Наргис. – Давно уже решила, когда поклялась... Я иду с тобой, Аледдин. Только... как мы выйдем? На воротах охрана... Как ты вообще смог сюда пройти?!

– За своей любовью я бы пошел даже дракону в пасть, – мягко улыбнулся Аледдин и протянул ей руку, которую Наргис взяла, понимая, что пути назад не будет. – Не бойся, душа моя, никто нас не

остановит. Выйдем через калитку в конце сада, у меня есть ключ от нее.

– Ключ? Откуда?

– Чшшш... Я все тебе расскажу потом. У нас будет время, любовь моя. У нас будет столько времени, что хватит на все...

Обняв за плечи, он увлек ее на тропинку среди кустов, и Наргис пошла. Позади тонко и жалобно заскулил Барс, надрывая ей сердце. И Наргис бы сочла это плохим предзнаменованием, но больше не верила ни в приметы, ни в гадания, ни в темных джиннов! Ни во что, кроме тепла руки Аледдина, который вел ее за собой.

ГЛАВА 13. Когда гаснут свечи

В доме было тихо и спокойно, никаких звуков, никаких разноцветных вспышек. Насчет запаха Фарис ничего сказать не мог, он был уверен, что и через неделю вряд ли сможет что-то почуять. Раэн развалился на кровати в спальне и что-то потягивал из кружки. Судя по бутылки рядом с кроватью и по тому, что кофе в доме не было, пил он вино, закрыв глаза от удовольствия. Или от слабости – из просто белокожего Раэн стал болезненно серым, а под глазами залегли темные круги.

Увидев Фариса, упрямо прижимающего к себе корзину, целитель широко распахнул глаза и присвистнул. Фарис медленно поставил плетенку на пол, виновато взглянул и попытался сказать расквашенными губами, что не стоит беспокоиться...

– Нет уж, лучше помолчи! – торопливо перебил его Раэн. – Садись и не дергайся!

Фарис безропотно присел на кровать, с которой вскочил целитель, и, наконец, перевел дыхание.

– Хорош... – протянул Раэн, оглядывая его.

Поежившись под этим взглядом, Фарис опустил глаза, понимая, что объяснений не избежать. Синяки – это что, они пройдут! А вот как перестать чувствовать себя дураком, от которого одни беды и хлопоты?!

Узкая прохладная ладонь легла на его лоб, и боль словно вытекла из тела наружу. Лицо онемело, будто Фарис умылся ледяной водой, измолоченные кулаками Касима ребра тоже перестали болеть. Наслаждаясь избавлением от боли, Фарис прикрыл тяжелые веки, смутно ощущая, как умелые осторожные пальцы продолжают касаться его головы, затем спускаются ниже на шею... Сквозь дремоту он услышал приказ лечь и откинулся на кровать, не поднимая ног от пола, глубоко дыша полной грудью и удивляясь, какое это, оказывается, счастье – дышать, если ничего не болит...

– Ну, губы – это пустяки, – бодро сообщил целитель примерно через час и встал с кровати, на которую присел рядом. – Нос тоже починить было не сложно. А вот это было похоже на разрез.

Он тронул скулу Фариса там, где ее ужалил кнут Салиха.

– Я, конечно, от него и шрама не оставил, но очень интересно, как тебя угораздило... Трещины в ребрах и перелом ключицы будут зарастать еще пару дней, так что ничего тяжелого не поднимай. Воду и дрова я сам принесу, слышишь? Если заболит голова – скажи. Вообще-то, не должна: сотрясение несильное, да и занялся я им вовремя. Но кофе лучше пока не пить, я тебе травяное зелье сварю. Надеюсь, им тоже досталось?

– Им? – ошарашенно спросил Фарис, вообразив, что Раэну уже все известно.

– Ну, ты же не хочешь сказать, что все это сделал один человек? А ты только поворачивался из стороны в сторону, чтобы ему было удобнее? – усмехнулся лекарь. – Если скажешь, что поскользнулся на ступеньках харчевни, я тоже не поверю. Трупы-то хоть не нужно прятать? Если нужно, говори сразу!

Раэн откровенно веселился, а у Фариса на сердце стало еще тяжелее. Чувствовал он себя так, словно никакой драки не было в помине, и не его успел от души отходить свинцовыми кулачищами Касим. Но Раэн... Как он не понимает, что неприятности снова начинаются?!

– Так что же случилось? – с неподдельным интересом спросил целитель, присаживаясь на корточки возле корзины и жестом останавливая дернувшегося помочь Фариса. – Нет, ты пока сиди, а то голова закружится. Я сам разберу. Кофе? Какое счастье! Ага, и мясо копченое – очень кстати, можно сегодня не готовить. Сейчас перекусим... Кто ж тебя так разукрасил? Да еще и ножом задел?

– Кнутом, – мрачно ответил Фарис и все-таки вышел на кухню следом за целителем, который потащил туда корзину. – Раэн, я не хотел! Клянусь!

– Да я и не сомневаюсь, – пожал тот плечами, споро управляясь с принесенной едой: бутылки, свертки и связки колбасок сами собой плавно разлетались по предназначенным им местам. – Как-то не верится, чтобы ты приставал к почтенным жителям Нисталя с просьбой тебя отлупить. И у кого же в руках был этот кнут?

На последней фразе в голосе чародея что-то неувовимо изменилось, он стал вдруг мягким, как хорошо выделанная замша. А у Фариса по спине пробежала дрожь, и он подумал, что спроси кто-

нибудь таким ласковым тоном про него – стоило бы испугаться. И что пришло время отвечать за собственную глупость и неосторожность. Вздохнув, он постарался как можно короче рассказать, что случилось, не скрывая ничего...

– А потом, значит, ты вырвался из лапищ этого Касима и смылся, подхватив корзину, – задумчиво подытожил целитель его рассказ. – Ну и молодец, а то ведь стойкость тоже бывает глупой. Да и с перцем отлично придумал! Но вот все остальное...

– Раэн, ты злишься? – виновато спросил Фарис и тут же молча обругал себя болваном.

Конечно, целитель должен злиться! Сказано ведь было не совать носа на улицу! А он, дурень, решил, что обойдется. И теперь надо ждать нового приговора старейшин!

– Злюсь, – кивнул Раэн и добавил: – Ты даже не представляешь, как я злюсь. Но не на тебя.

Нет, он все-таки ничего не понимал! Чужак ведь...

– Сейлем этого так не оставит, – попытался объяснить Фарис. – Я с ним даже разговаривать права не имел, не то что отбиваться. Он потребует, чтобы меня наказали. Кнут, колодки... И это еще самое меньшее. А если Салих с Касимом подтвердят, что я сам их задел, меня опять приговорят. И они подтвердят, можешь быть уверен. Меня – снова к столбу, тебе – виру за проступок, а потом изгнание...

– Это мы еще посмотрим, – усмехнулся Раэн. – Даже ваш Совет не настолько глуп, чтобы поверить в их вранье. А я все чаще думаю, что Сейлему было бы полезно пару недель пожить в жабьей шкуре. Хотя жабы на самом деле довольно милы. Ему куда больше подойдет крысиное обличье.

– Ты... и это умеешь?

Фарис посмотрел на целителя с недоверчивым испугом, вспомнив птицу из пепла и все остальное, чего обычный лекарь и близко не мог бы сделать. Неужели...

– Устроить неприятности тому, кто так старательно их выпрашивает? О, сколько угодно! – Раэн плеснул вина в стаканы и протянул один из них Фарису: – Держи, пара глотков тебе не повредит. Завтра новолуние. Время правды, которой пора появиться на свет вместе с молодой луной. Завтра в Нистале многое изменится.

– И ты мне все расскажешь?

Фарис взгляделся в лицо чужестранца, на которое легли тени от огня, делая его незнакомым и странно хищным, опасным... Словно Раэн, которого он знал, добрый и великодушный, вдруг обернулся кем-то иным.

— Завтра, — кивнул Раэн, выпил вино и поднялся: — Пойду заканчивать работу. А ты поешь и делай, что хочешь, только на улицу больше не ходи.

— Раэн! — возмутился Фарис, чувствуя, как шею и уши заливает жар. — Что я, не понимаю?!

— Понимаешь, — согласился Раэн. — Потому и прошу, а не приказываю. Кого бы ты ни услышал или ни увидел, хоть друга, хоть брата, хоть родную матушку... Сиди в доме и никого не пускай в мою мастерскую. Обещаешь? Я могу на тебя положиться?

— Я... Да!

У Фариса пересохло во рту от волнения. Никого не пускать? Значит, дело не только в том, что Раэн пытается его уберечь? Ему самому нужна помощь?!

— Обещаю, — истово поклялся он, и целитель, снова молча кивнув, ушел в маленькую комнату позади спальни.

Фарис посмотрел ему вслед, помешал угли в очаге и покосился в окно на стремительно темнеющее к вечеру небо, затянутое все теми же снеговыми тучами. Новолуние? Да тут и полная луна не пробьется!

Допив разрешенные несколько глотков вина, он закусил их ломтем копченой баранины, переоделся в чистое, сменив рубашку, неприятно липнущую к коже, и подумал, не сходить ли к кобыле? Сено — это не дрова и не вода, если носить понемногу, вряд ли он себе повредит. Кто знает, сколько Раэн еще будет в мастерской, а лошадь — существо нежное, за ней уход нужен. Вывести бы ее прогуляться по двору...

Нерешительные мысли прервал скрип снега под чьими-то шагами за окном, и тут же в дверь требовательно постучали.

Вскочив, Фарис замер, не зная, что делать! Звать Раэна? Запирать дверь изнутри? Поздно — она уже распахнулась, и через порог шагнул именно тот гость, которого он боялся увидеть!

— Где твой хозяин?

Голосом старейшины ир-Кицхана вполне можно было порезаться, а под его взглядом Фарису отчаянно захотелось сделать шаг назад. Но

он глубоко вдохнул и напомнил себе, что старейшина заговорил первым. А это значит, что даже ашара имеет право ответить. Больше того – должен ответить, когда такой уважаемый человек спрашивает. А вот в глаза смотреть нельзя...

– Почтенный Раэн работает и просил его не беспокоить, – выдавил он, отводя взгляд.

– Работает?! Ну так придется ему повременить с работой!

Ир-Кицхан шагнул вперед и... остановился, едва не налетев на Фариса, заслонившего дверь в спальню.

– С дороги, тварь... – прошипел он и почему-то глянул Фарису не в лицо, а гораздо ниже.

Глаза старейшины изумленно и гневно расширились, он открыл рот, задыхаясь от возмущения, и только тогда Фарис понял, что увидел ир-Кицхан у него на поясе. Нож, отлитый Раэном! Там, в саду, Фарис о нем помнил, но обнажи он, ашара, оружие против свободных жителей Нисталья, и смерть у столба ему могла бы показаться милостью. Даже избеж Сейлем его до полусмерти, Фарис не взялся бы за рукоять ножа, потому что сделать это означало навлечь беду на Раэна. За проступки ашара в ответе его хозяин!

– Ты... – снова начал ир-Кицхан, и Фарис прижался спиной к двери в полном отчаянии.

Впустить туда старейшину нельзя! Раэн просил и даже взял обещание... Но и сопротивляться ир-Кицхану – верная смерть!

И тут из-за двери гласом небес – никак не меньше! – прозвучал приглушенный голос Раэна:

– Кого там принесло, Фар?

Фарис выдохнул, сглотнул пересохшим горлом и только тогда громко ответил:

– Старейшина Самир хочет тебя видеть!

И отступил, позволяя открыть дверь.

– Да неужели? Какая честь! – отозвался Раэн, появляясь на пороге. – Очень удачно, что вы заглянули, уважаемый! Иначе, пожалуй, пришлось бы мне самому завтра с утра идти к вам в гости.

– У вашего ашара нож! – резко сказал ир-Кицхан вместо положенного приветствия и выразительно кивнул в сторону Фариса.

– Знаю, – безмятежно согласился Раэн, растирая пальцами виски и проходя в кухню. – Я сам ему его дал. Ваш Нисталь, оказывается, не

такое уж мирное и безмятежное место! Меня тут на днях едва не подстрелили из лука в собственном доме. Кстати, почтенный старейшина, вам ничего об этом не известно?

– Что? – Ир-Кицхан явно растерялся, его взгляд метнулся с Фариса на Раэна. – Из лука? Что за вздор?!

– Значит, неизвестно, – вздохнул Раэн и опустил на кучу подушек у очага, жестом предоставив гостю лавку. – Фарис, если тебе не трудно, свари кофе.

– Если не трудно? – повторил за ним окончательно пораженный ир-Кицхан. – Если ему не трудно?!

Фарис мысленно застонал. Ну вот зачем Раэн с ним так вежлив при старейшине?! Мог бы и прикрикнуть, Фарис бы ничуть не обиделся! Зато ир-Кицхан убедился бы, что ашара знает свое место, и хозяин держит его в положенной строгости. А так... Мало им драки, мало этого ножа...

Ир-Кицхан разглядывал его брезгливо и холодно. Кажется, нож старейшину больше не волновал, теперь он с отвращением оглядывал рубашку, в которую Фариса угораздило переодеться. Ту самую рубашку из серебристого шелка, расшитую жемчугом, что Раэн дал ему в первый день, а потом просто предложил оставить на смену. Лучше бы не переодевался! Он же в ней наряднее любого нистальского жениха, кроме разве что самых богатых.

Кинувшись к жаровне, Фарис продолжал спиной чувствовать взгляд ир-Кицхана. Поставил джезvu в песок, нагреб из очага углей... За его спиной в комнате висело тягучее опасное молчание. В этом безмолвии Фарис, изнывая от тревоги за Раэна и мерзкого противного страха за себя, сварил кофе, разлил его по двум чашкам и подал одну целителю, а вторую поставил на стол, опасаясь подойти к ир-Кицхану слишком близко. Если уж хозяин харчевни даже деньги брать не стал...

Раэн отпил дымящийся кофе, чуть прищурившись от удовольствия, Самир же не прикоснулся к чашке и садиться тоже не стал, так и замерев посреди кухни, глядя теперь уже на Раэна тяжело и пристально. Не дождавшись ничего от спокойно пьющего кофе целителя, он так же холодно и гневно бросил:

– Почтенный Раэн, ашара, которого вы приютили, искалечил моих сына и племянника! И еще одного юношу из другого рода. Вам это

известно?!

– Так уж и искалечил? – уточнил Раэн, неторопливо сделав очередной глоток. – Уважаемый Самир, не хотите все-таки присесть? Вам будет легче успокоиться и рассказать мне об этом прискорбном случае.

– Успокоиться? – прошипел старейшина, словно опущенное в воду раскаленное железо. – У Сейлема сломан нос! А Салих едва не лишился глаза и до сих пор плохо видит из-за перца!

– Весьма сочувствую, – отозвался Раэн без малейших следов сочувствия в голосе. – Этим достойным юношам еще повезло. Они ведь могли случайно хлестнуть себя кнутом, например. Или друг друга...

– Похоже, вам весело, почтенный Раэн? – процедил старейшина.

– А вы хотите от меня серьезности, уважаемый Самир? Извольте!

Целитель поставил опустевшую чашку прямо на воздух, и она медленно поплыла к столу. Фарис, который такое видел постоянно, и глазом не моргнул, а вот ир-Кицхан вздрогнул и проводил посудинку ошалевшим взглядом.

– Перед вашим приходом я как раз думал, как отличаются обычаи разных стран, – медленно и мягко уронил Раэн неуволимо изменившимся голосом. – Там, где я родился, тоже не считают зазорным подкараулить недруга и хорошенько начистить ему физиономию. Обычная забава! Но делают это один на один или хотя бы со свидетелями, которые не вмешиваются. Избить же не просто безоружного, но не имеющего права защищаться... Да если бы мне даже пришло подобное в голову, своему отцу я бы постыдился об этом рассказать. Узнай он, что я был среди тех, кто напал втроем на одного, не стал бы даже спрашивать, кто победил. Что так, что иначе – позор невыносимый.

– Что вы хотите сказать? Что этот мерзавец прав?! – Щеки старейшины слегка порозовели от гнева. – Он ведь даже глаз не опускает, дерзкая тварь! И на нем самом ни следа!

– А вы ждали, чтобы человек, живущий под моей крышей, разгуливал со следами побоев? – изумился Раэн. – Я все-таки целитель!

– Я. Требую. Наказания! – холодно отчеканил ир-Кицхан.

На губах Разна зазмеилась улыбка, и Фарису стало по-настоящему страшно.

– Вы требуете? – огромным котом мурлыкнул целитель. – Хорошо, из уважения к обычаям Нисталя я с вами соглашусь. Но определю это наказание сам. А вас попрошу запомнить и передать всем, кого это касается. Фарис ир-Джейхан под моей защитой. Любое оскорбление или обиду ему я буду считать оскорблением себе. И потребую от обидчика удовлетворения по законам государя шаха. А если кому-то нестерпимо хочется почесать кулаки, пусть лучше подкарауливает меня. По крайней мере, не придется далеко бегать за помощью лекаря. Все, что сломаю, вылечу бесплатно.

– Разумеется, почтенный Разн, – процедил Самир сквозь зубы. – Я передам. И не только это... А каким же будет наказание?

– Ах да! Наказание...

Целитель усмехнулся, оборачиваясь к Фарису.

– Останешься сегодня без печенья к ужину. Вы довольны, уважаемый Самир?

Губы ир-Кицхана побелели, но старейшина каким-то чудом сдержался и промолчал. Круто развернувшись, он вылетел на улицу, хлопнув дверью так, что она едва не слетела с петель. Разн улыбнулся, нежа в пальцах чашку с остатками кофе. Фарис покинул стену, возле которой простоял весь разговор, подошел к нему и сел рядом.

– Спасибо... – проговорил он, чуть помолчав. – Только... Что если он соберет Совет и потребует...

– Обязательно потребует, – согласился Разн. – И обязательно соберет. Вот это нам как раз и нужно – чтобы собрал. Не самому же мне бегать по вашей благословенной долине! Ко мне, пожалуй, ваши главы родов не пойдут – слишком большая честь для чужака. А к Самиру ир-Кицхану явятся.

– Как у тебя... все к месту... – проговорил Фарис, неожиданно зябко поежившись. – А если бы я не вышел за едой? Или не встретился с Сейлемом? Или он бы меня не тронул?

– «Если» – самая зыбкая вещь на свете, Фар, – снова слегка улыбнулся Разн. – Ты вышел, потому что это ты. А Сейлем решил с тобой посчитаться, потому что это Сейлем. Вы оба действовали так, как должны были, но поступи вы иначе, я бы тоже придумал что-нибудь другое. И не только я, не только вы – все всегда действуют

сообразно со своей натурой. И каждому приходится решать. Идти вперед или отступать, драться или убегать, помогать или остаться в стороне. Вон, посмотри, на подоконнике маленький сверток. Нет, не трогай! – остановил он потянувшегося туда Фариса. – Это принесли тебе, но раскрывать его пока не время, следует подождать до завтра.

– Я только и слышу про завтра! – вспыхнул Фарис. – Если это мне, то что это?! Сказать тоже нельзя? Ты мне совсем ничего не рассказываешь!

Он закусил губу, стыдясь своей несдержанности, но упрямо посмотрел на Раэна, который ответил серьезным сочувственным взглядом.

– Прости, – сказал целитель, помолчав. – Завтра, хорошо? А на окне – твое оправдание. Лучший из возможных подарков, и принес его человек, который тебя искренне любит.

– Любит? Меня? – растерялся Фарис. – Кто?

– Тот, кому пришлось ради твоего спасения наступить на горло своей гордости. А она у него, поверь, и без того израненная, как бы легко он ни улыбался. Тот, кто умолял его простить, что он не смог тебе ничем помочь в харчевне. А убежал, чтобы не стать орудием этих ублюдков, иначе они и его не постеснялись бы использовать. Спасти друг друга вы не смогли бы, потому что его слово для Нисталя стоит не больше твоего. Но найти эту вещь и принести ее мне, он не побоялся, хотя рисковал очень многим. И все лишь для того, чтобы помочь тебе. Так разве это не любовь?

– Ты же... не про Камалья?

Фарис почувствовал, что отчаянно краснеет. Говорить с Раэном о таком... Ну да, не слепой он, видел, какие взгляды бросает на него исподтишка младший ир-Фейси. Но Камаль – это... Камаль, в общем. При мысли попробовать с ним то, чем хвалились другие парни, Фариса всегда охватывала смесь брезгливой жалости и отвращения. Жалости – к Камалю, который этим занимается, а отвращения – к себе, если он в этом испачкается. И вот теперь Раэн говорит про любовь, словно Камаль на нее способен! Словно он... такой же, как все!

– А ты помнишь, как едва не выскочил под стрелы, решив, что к тебе пришли? – безжалостно спросил Раэн. – О ком ты думал тогда? Кого из друзей или родных ожидал увидеть? Ты здесь почти месяц, Фарис! И поверь, если бы кто-то из твоих прежних лихих дружков

хотя бы ночью перемахнул садовый забор и попросил встречи с тобой, я бы принял его с радостью. Камалю запретили сюда ходить, но он бы и сам не пришел. У него, знаешь ли, чутья и вежливости больше, чем у всего Нисталя вместе взятого. И ранить уже твою гордость, напоминая, что вы теперь оба отверженные, он не стал. Зато мою просьбу тебе помочь исполнил с радостью. И только просил сказать тебе, что по своей воле он к Сейлему и близко не подошел бы. Пришлось – именно для того, чтобы тебя спасти.

– Да понял я... – простонал Фарис, отворачивая пылающее лицо. – Только что мне делать? Разн, я... не могу. Даже просто подумать об этом противно!

– А ты не думай «об этом», – насмешливо выделил голосом его слова Разн. – Думай о том, что он оказался тебе настоящим другом. И что ты обязан ему жизнью, но Камаль ир-Фейси не из тех, кто потребует заплатить этот долг. И когда тебе придется выбрать, оттолкнуть его или протянуть руку, вот тогда подумай – и хорошенько. Только своим умом, а не обычаями Нисталя. Это ведь они, ваши обычаи, сделали из Камалю бесправную подстилку, а тебя отправили к столбу, даже не выслушав. Вот и подумай... Вообще, думай чаще, это полезно.

И он, поставив на стол пустую чашку, встал и ушел в спальню, а Фарис остался, захлебываясь неведомым ранее чувством, что мир вокруг него куда-то летит, и не за что держаться, не у кого спросить, что правильно, а все надо решать самому.

* * *

В маленьком храме было темно и тихо, ни гостей, ни прислужников, только седовласый жрец ожидал возле алтаря, неторопливо зажигая свечи на нем, пока они не озарили сердце храма тусклым желтым светом. Наргис крепче стиснула руку Аледдина и выругала себя трусихой. Да, не такой представляла она собственную свадьбу! Но разве замуж выходят ради нарядного платья, гостей и свадебного танца? Она же не Иргана, в конце концов!

Аледдин, словно почувствовав ее страх, молча поднял их руки к губам, поцеловал пальцы Наргис и повел ее, ободренную, через весь храм к алтарю. Наргис поспешно напомнила себе, что нужно придержать шаг перед ковриком, таким же темным и дешевым, как все

здесь. Ну и что? Это ничего не значит! Просто в любом богатом храме даже ночью полно народа, кто-нибудь может узнать их и помешать... Она запнулась и остановилась.

– Что же ты, сердце мое? – ласково сказал Аледдин, поворачиваясь к ней у самого алтаря. – Чего испугалась? Один шаг, одно слово – и боги соединят нас!

– Пояс... – попыталась улыбнуться Наргис. – Какая же я невеста, если даже пояса тебе не вышила?

Внутри что-то томило, и вместо ожидаемого счастья ей хотелось плакать. Все не так, все неправильно! И она еще сравнивает себя с Ирганой? Вот та свято верила в судьбу! Звала ее, вышивая подарок жениху, каждым стежком клялась в верности... А Наргис почему-то думает о своем будущем с ужасом!

– Все еще будет, – нежно и тихо сказал ей Аледдин. – Когда приедем домой, сыграем настоящую свадьбу. Ты вышьешь для меня пояс, а я подарю тебе тысячу платьев, и самое красивое будет из алого шелка – на счастье. Обещаю, любовь моя, будут и гости, и танцы, будет праздник, достойный тебя. И ты простишь меня за этот вечер.

– Не за что прощать... – эхом отозвалась Наргис и зябко вздрогнула: порыв холодного ветра распахнул дверь, через которую они вошли, и загулял по храму, туша свечи.

Жрец кинулся закрывать дверь, а потом снова зажигать огни, и Аледдин нетерпеливо нахмурился.

– Плохое предзнаменование... – прошептала Наргис и задрожала.

– Нам ли бояться судьбы, желанная моя? – улыбнулся ее жених и, сняв темный плащ, накинул ей на плечи. – Судьба слишком много нам задолжала.

Свободной рукой Наргис закуталась в плащ и вздохнула свободнее. Что она, в самом деле, темноты испугалась? Не ребенок уже! Ох, правду говорят, что под мужским плащом женское сердце успокаивается. От мягкой шерсти тонко пахло сандалом, благовонным нардом и чем-то еще, терпким, горячим, чуточку резким... Делая вид, что поправляет плащ, Наргис прижала его капюшон к щеке, радуясь, что в полумраке незаметно, как ей в лицо бросилась кровь. Запах мужчины! Самого родного и дорогого в мире!

Аледдин сделал шаг вперед, оказавшись на ковре, и Наргис, выдержав три удара сердца, последовала за ним. Ей показалось, что

глаза жреца блеснули одобрительно.

«Темный плащ вместо белой вуали – вот такая у меня будет свадьба, – упрямо подумала Наргис. – Назло судьбе-разлучнице, и пусть ветром развеет все дурные знамения!»

Она снова крепче сжала пальцы Аледдина, заставляя себя вслушиваться в слова брачной клятвы.

– ... Того же, что соединено богами, людям да не разлучить... – мерно читал жрец. – Согласна ли ты, Наргис ир-Дауд, взять этого мужчину по доброй воле в мужья перед людьми и богами?

– Да! – выдохнула Наргис.

– Согласен ли ты, А-а-а... – Еще один порыв холодного ветра промчался по храмовому залу, погасив часть свечей, и седой сгорбленный жрец мучительно закашлялся, но все-таки выговорил: – ... дин ир-Джантари... взять эту деву в жены... перед людьми и богами...

Отдышавшись от нового приступа кашля, жрец поднял виноватые глаза и махнул рукой – мол, вы же видите?

– Согласен! – громко и четко уронил Аледдин, сжимая руку Наргис.

Взяв с алтаря приготовленную ленту, жрец обвязал их запястья, и Наргис вздрогнула от прикосновения холодных старческих пальцев. Аледдин же спокойно принял у него чашу, отпил и передал Наргис. Вино показалось горьким и сладким одновременно. Впрочем, оно ведь таким и было, верно? Полынь и мед... Все, что могло ожидать их в будущей жизни, и что Наргис поклялась разделить с мужем.

Она заставила себя допить вино до капли и, поклонившись, вернула чашу жрецу. Вот и все?! Так быстро... Неловко дернула руку, вспомнила, что снять ленту можно лишь за пределами храма... Какая же она глупая и неловкая!

– Идем, любовь моя, – шепнул ей Аледдин, глядя сияющими глазами, что в полумраке из темно-синих превратились в черные.

– А как же плата?

Наргис в смятении обернулась к светлому пятну алтаря и темной на его фоне фигуре жреца, поднявшего руку в благословляющем жесте.

– О, не беспокойся, любовь моя, – улыбнулся ее муж. – Ему уже заплачено, причем с должной щедростью. Наши имена вписаны в

храмовые книги, как положено, и перед людьми и богами мы теперь одно целое. Ты озябла? Ничего, сейчас вернемся в паланкин, там есть накидка потеплее. Моей жене никогда не придется мерзнуть.

Он свободной рукой поправил на ней плащ, ласково коснувшись волос, и Наргис окатило горячей сладкой волной. Жена! Она его жена, как странно понимать это... Как восхитительно! Слишком долго она была фальшивой невестой, пора забыть это, сбросить нелюбимую память, как змея сбрасывает старую шкуру! Она жена своего мужа, лучшего мужчины на свете... Доброго, честного, верного!

Связанные, они прошли весь храм, и тяжелая дверь закрылась за их спинами. На пороге храма Аледдин развязал ленту и, улыбаясь, спрятал ее в кошель на поясе. Наргис отчаянно покраснела – этой лентой обматывают запястье девушки, впервые взошедшей на брачное ложе, чтобы привязать ее сердце к мужу. Паланкин, в котором они приехали, стоял возле храма, и четыре могучих носильщика подхватили шесты, едва Наргис, смущенно пряча взгляд, села на плетеную лавку напротив Аледдина. Напротив мужа! Надо привыкать называть его так.

Сняв плащ, она вернула его Аледдину, а он подал ей нарядную накидку из вишневой шерсти, отороченную белым мехом, в которой Наргис мгновенно согрелась. Слегка покачиваясь, паланкин плыл по ночным улицам, супруг не сводил с нее нежного горячего взгляда, и Наргис все с тем же сладким нетерпеливым стыдом задумалась, где же будет их первая ночь. Неужели в дороге? И как они туда отправятся?! Где обещанные лошади?

Но если она спросит об этом, вдруг Аледдин оскорбится? Хорошая жена доверяет мужу и не задает вопросов, что он намерен делать. Мужчина сам обо всем позаботится, а женщина должна быстро и старательно выполнять его распоряжения. И Наргис постарается быть очень хорошей женой! Но... как она может заботиться о муже, если ничего не знает наперед? Им ведь понадобятся вещи в дорогу, взял ли он все необходимое?

– О чем ты думаешь, любовь моя? – прервал Аледдин ее неуверенные размышления.

– О нас, – улыбнулась Наргис. – О тебе и обо мне. И о дороге, – все-таки решила она. – Ты ведь сказал, что мы поедем верхом...

– Я передумал, мой изумруд, – нежно улыбнулся Аледдин в ответ. – Тарисса слишком далеко, тебе будет тяжело вынести такой путь без охраны и слуг, без удобств, которых ты достойна. Не беспокойся, я обещал показать тебе этот прекрасный город и покажу непременно. Скажем, в следующем году. Конечно, если ты не будешь к тому времени в тягости. Весной мы возьмем самый лучший паланкин и отправимся посмотреть на белоснежные башни Тариссы. А заодно навестим моего драгоценного брата. Уверен, он будет счастлив поздравить нас.

– Брата?

Наргис подняла руку ко рту. Ей показалось, что мягкое ласковое тепло накидки превратилось в оковы, сдавившие грудь. Аледдин напротив улыбался, и тени от лампы, подвешенной к потолку паланкина, ложились на его лицо. Знакомое... и чужое одновременно.

– А ты до сих пор думаешь о нем? – насмешливо спросил он и чуть наклонился вперед. – О моем дорогом братце? Надеешься, что у него хватило смелости приехать и вырвать свою любовь из лап злого чародея? Прости, мой изумруд, но все, на что способен мой брат – это посылать тебе письма, такие сладкие, будто написаны медом на розовых лепестках.

Наргис заколотило от холода, который пронизал ее насквозь, но вместо того чтобы закутаться теплее, она рванула накидку, пытаясь из нее выпутаться.

– Не может быть... – прошептала она, глядя на... Джареддина.

Конечно же, на Джареддина! Как она могла обмануться?! Не зря гасли свечи, не зря жрец поперхнулся на его имени. Сами боги были против этой подлости! Как она могла не понять их голос?! И Барс на него рычал! И следовало подумать, откуда у Аледдина ключ от ее калитки?! Да сколько их было, этих мелочей, что пытались ее предупредить... За что?! За что ей это?!

– Отвези меня домой! – яростно потребовала она. – Немедленно!

– Мы уже дома, изумруд мой. – Джареддин рассматривал ее насмешливо и ласково, словно ребенка, что забавно и мило капризничает. – Не бойся, я понимаю, что ты не готова к брачной ночи. Сегодня отдохни...

– Выпусти меня!

Сообразив, что домой это чудовище возвращать ее не собирается, Наргис рванула ручку, вделанную в дверцу паланкина, и... обмякла. Перед глазами все потемнело, и через несколько мгновений она поняла, что беспомощно лежит в объятиях Джареддина, который осторожно выносит ее из паланкина, завернув в накидку.

Вокруг слышался шум, кто-то спрашивал, будет ли господин ужинать и не послать ли за лекарем... Джареддин бросил несколько слов, и гомон утих. Сквозь странную дрему Наргис поняла, что ее несут по коридорам, открывая все новые и новые двери, потом опускают на кровать...

– Спи, мой нарцисс, – шепнул Джареддин, бережно снимая накидку. – Сейчас служанки помогут тебе раздеться. Не беспокойся, они будут старательно и преданно служить своей госпоже и выполнят любое твоё желание. Почти любое. Завтра я приду к тебе с подарками и красивыми словами, которые ты так любишь. Завтра попрошу прощения за этот обман, и ты обязательно меня простишь, как хорошая любящая жена – своего мужа. Спи и проснись утром с мыслью, что ты замужем, и этого никто и ничто не изменит...

Его голос удалялся, пока совсем не исчез, а Наргис поплыла в сонное забытие, отчаянно пытаясь ему сопротивляться, но быстро обессилев и уснув.

ГЛАВА 14. Женихи и невесты

До Казрума оставался еще день пути, но Туран извелся сам и всех вокруг замучил рассказами о своей невесте. Халиду казалось уже, что при встрече он узнает эту девушку, как родную. Глаза – чернослив, груди будто кувшины, полные молока, губы изгибом похожи на хазремский лук, а бедра, когда она идет по улице, выписывают петли, что ловят мужские сердца, словно аркан – конскую шею... А как она шьет золотом и шелком! Как печет медовые лепешки! Как почтительна к старшим! Конечно, все, что видит влюбленный в своей возлюбленной, разумный человек делит пополам, а то и вчетверо, но даже так по восторженным рассказам Турана получалось, что девица хороша собой, благонравна и трудолюбива, а чего еще желать мужчине от будущей жены? Разве только того, чтобы будущая жена поскорее превратилась в настоящую.

– Ай, Туран, хватит скулить, будто шакал, – не выдержал, наконец, кто-то из охранников. – Если она тебя дождется – хорошо, благодари богов! А если не дождется – это еще лучше! Узнаешь ее неверный характер, и свадьбы тогда не нужно.

Его поддержали сразу несколько голосов, соглашаясь, что лучше пусть изменит невеста, чем законная жена, которой придется большую часть жизни ждать мужа-караванщика, одной воспитывать детей и следить за домом.

– Ничего вы не понимаете, – уныло отозвался Туран. – Она меня любит, как рисовое поле – воду! А вот отец ее... Конечно, к ним такие женихи сватов засылали! Куда бы мне против них, если бы моя горlinka в ноги отцу не кинулась! Это она его умолила, чтобы дал мне целый год сроку. А я обещал, что через год приеду с калымом в сотню золотых динаров. Сам себе не верил, что такие деньжищи соберу! Да повезло два месяца назад – снял с одного разбойника перстень с рубином и саблю старой работы, в Харузе за них семьдесят золотых дали... А еще господин ир-Салах, пошли ему боги здоровья да удачи, платил на совесть, вот я и собрал выкуп. Но вдруг не успею?! Вдруг отец мою горlinkу чернокошую за другого уже отдал?! Мне же без нее

хоть в петлю! — добавил он плачущим голосом и торопливо мазнул огромной ручищей по глазам.

Охранники сочувственно притихли — простодушного и доброго Турана в караване любили, и если шутили над ним, то не зло, а по-отечески. Тут же любому понятно, что дело серьезное!

— Я потому и отпросился у господина ир-Салаха, что год послезавтра истекает, — вздохнул, помолчав, Туран. — Никак не успею с караваном до конца пройти и к сроку вернуться. Да только вдруг ее отец решит, что последний день и ждать не стоит? Купеческое слово дороже денег, только и его наизнанку вывернуть можно, если очень хочется!

— А ведь ты, пожалуй, прав, Туран, — задумчиво согласился халисунец Анвар. — Если уж отец твоей ненаглядной тебе такой строгий срок назначил, может, и есть у него мысли на этот счет. Последний день, его ведь по-разному посчитать можно! То ли до рассвета, то ли до заката... Скажет, что опоздал ты чуток, — и доказывай потом, что не так сговаривались. Тебе бы домой пораньше вернуться, хоть на день, а пораньше!

И он выразительно взглянул на небо, где только занимался поздний осенний рассвет.

— Можно и пораньше, — снова помолчав, неуверенно отозвался Туран, тоже поглядев на небо. — Мы к вечеру как раз до развилки доберемся, оттуда старая пастушеская дорога на Казрум поворачивает. Если всю ночь по ней торопиться, к утру в город попадешь. Как раз на день раньше! Да только я думал с караваном вместе приехать... Господин ир-Салах мне еще за неделю вперед заплатить обещал! И Кайши моя увидела бы, что я честной работой калым за нее выслужил, не разбоем каким! И отец ее тоже...

— Ну, это тебе решать, — усмехнулся Анвар, искоса поглядев на парня. — Может, тебе твоя невеста не очень-то и дорога? Улетит горлинка твоя в чужой дом по отцовской воле, так и не беда, новую себе найдешь. С таким-то калымом!

— Нет уж! — выдохнул Тарун и даже передернулся от страха. — Прав ты, Анвар, спасибо за мудрые речи! Сейчас же к Соколу Мехши поеду и попрошу меня вечером отпустить! Лучше недельное жалованье потерять, чем горлинку мою! А если ее отец не поверит, что

деньги честные, так вы же сразу за мной приедете, верно? Всего-то через день-другой!

– Так и будет, – кивнул Анвар и посмотрел на Халида, который молча ехал рядом, глядя перед собой на растянувшуюся по пыльной дороге змею каравана. – А ты что скажешь, пустынный?

– Скажу, что сотня золотых – достойный выкуп, – негромко ответил Халид. – У нас в Песках за такие деньги можно взять в жены красивую девственницу. И если тебе, Туран, по сердцу эта девушка, значит, она того стоит. Но ехать с такими деньгами по ночной тропе в одиночку...

Он ждал, что Анвар пренебрежительно рассмеется и заявит, что места здесь тихие, безопасные. Что никакой дурной разбойник не станет ждать путников на старой дороге, которой ходят разве что пастухи да охотники. Что Туран – крепкий отважный парень... Да мало ли что можно сказать, чтобы укрепить нетерпеливого жениха в желании поскорее увидеть невесту?

Но Анвар, к его удивлению, подумал и согласился:

– Эй, Туран, а ведь достойный сын пустыни дело говорит. Одному ехать опасно. Может, попутчика у Мехши попросишь?

– Что я, дитя малое, до дома меня провожать? – насупился Туран и обиженно посмотрел на Халида. – Или девица? Да я окрестности Хазрума знаю лучше, чем свою седельную сумку! А лихих людей у нас сроду не водилось. Ни разбойников, ни зверья, ни нечисти какой!

Халид, опять прикрытый платком до самых глаз, прикусил под ним губу от досады. Хороший ход – уколоть гордость дурного юнца! Теперь уж он точно откажется ехать с кем-то вдвоем... Зато Анвар всегда сможет напомнить, как предлагал это! Наверняка его слышали те, кто едет впереди или позади.

– Ну, как знаешь, – вздохнул Анвар, а Халид в этот раз промолчал.

Что толку тратить слова на того, кто не станет их слушать? Если даже отвести Турана в сторону и поговорить по душам... Наивный парень может кинуться к Мехши, а тогда уж точно все пропало. Слово чужака против слова Анвара, который давно ездит с ир-Салахом. Легко угадать, чья клятва окажется весомей. Нет, зря он вообще открывал рот, чтобы предупредить Турана. Пусть все идет своим чередом. И если Атейне, Госпожа Справедливости, будет милостива, сегодня эта давняя история наконец-то завершится.

* * *

...Отец и матушка смотрели на нее и ласково улыбались. Отец поманил ее, а матушка погладила по голове Арчила, которого держала за руку, и братишка тоже заулыбался щербатым детским ртом. Наргис рванулась к ним, но вдруг между нею и родителями разлилась река, становясь все шире, а улыбки родных стали грустными. Но она все так же видела их и, подобрав юбку, прыгнула в воду, которая помутнела и забурлила. Не обращая на это внимания, Наргис шагнула вперед, нащупывая ногой скользкое дно... Кто-то ухватил ее за плечи, потащил назад из реки, она оглянулась и увидела, что это Надир.

Почему он мешает ей пойти к родителям и Арчилу?! Что за непочтение?! Ведь отец ее зовет, как можно послушаться его воли?!

Она пыталась вырваться, крикнуть брату что-то возмущенное, но шум реки уносил слабый голос, а Надир все-таки вытащил ее на прибрежный песок и крепко держал в объятиях, как бы Наргис ни брыкалась. И тогда она заплакала. Горько зарыдала в голос, не в силах объяснить, что ей плохо. Что она только хочет, чтобы все стало как раньше! А фигуры матери с отцом отдалялись, вот уже не видно стало лиц, и малыш Арчил скрылся за бурными водами. Наргис все плакала и плакала, ненавидя и себя, и Надира, и эту проклятую реку, что разлучила их семью...

— Госпожа, проснитесь... Ради Света, пробудитесь, ненаглядная наша... Ай, нехорошо так плакать, красоту несравненную испортите... — бубнил незнакомый женский голос, и Наргис глубоко вздохнула, вырываясь из тяжелого горького сна.

Открыла глаза и попыталась вспомнить, где она и как сюда попала. Комната — красивая, богато обставленная спальня. Такая же незнакомая, как женщина в темных вдовьих одеждах, сидящая возле ее кровати.

— Кто ты? — прошептала Наргис, еле шевеля губами.

— Шадият меня зовут, светлейшая госпожа! — всплеснула женщина руками и заторопилась. — Вот, попейте водички! Простите вашу покорную служанку, ни за что вас будить не стала бы! Да только так вы во сне плакали — аж сердце разрывалось. Ну, теперь-то ваши беды кончились! Господин вас от любой напасти защитит и укроет, никакая беда к его дому не подберется...

— Господин? — повторила Наргис и вспомнила.

Фарфоровая чашка с водой выскользнула из пальцев и упала на постель. Шадият, тихонько охнув, принялась убирать ее и менять намокшее покрывало, а Наргис окончательно очнулась и рывком села на кровати. Одежда! Платье исчезло, вместо него и привычного белья на ней оказалась длинная белая рубашка.

– Кто меня раздевал?! – крикнула Наргис и закашлялась – охрипший голос еще не слушался.

– Так я и раздевала, госпожа! – заверила ее Шадият. – Я и еще две служанки, нас господин к вам приставил... Не извольте беспокоиться, светлейшая, никто вашу невинность ни взглядом, ни прикосновением не опорочил! Господин вас только принес да на кровать положил, а потом велел заботиться, как о шахине, и ушел! Мы вас переодели, уложили, ночь возле вас просидели, вот только сейчас я одна осталась, а они пошли умывание готовить.

Наргис глубоко вздохнула и обняла себя руками за плечи. Он ее не тронул. Хвала Свету и Великой Матери, Джареддин все-таки не остался с ней на ночь и не...

На глаза навернулись слезы, но тут же высохли от гнева, который разгорался все сильнее. Он ее обманул! Увел из дома, словно глупенькую девочку-служанку, затащил в храм! Он чужим именем назвался! Этот брак незаконен! И она потребует его расторжения! Вот прямо сейчас оденется и...

Голос благоразумия тихо шепнул, что служанки без позволения господина ее даже из покоев не выпустят, а требовать что-то от Джареддина... И чем больше времени она проведет в его доме, тем труднее будет вернуться в свой собственный. По закону девушка считается опозоренной, если провела в доме мужчины ночь без свидетелей ее невинности. Пока что этого не случилось, всю ночь у ее постели просидели служанки. Тоже непонятно, кстати. Зачем Джареддин оставил ей такую возможность оправдаться? Но если она проведет здесь три дня и три ночи, тот же закон признает их любовниками! Даже если она останется девицей! Любовниками, а не мужем и женой, потому что брак...

Наргис похолодела, поняв, какую ловушку ей уготовил проклятый чародей. Если она потребует признать брачные клятвы фальшивыми, то станет падшей женщиной в глазах людей. Ведь она, не венчанная с

Джареддином ир-Джантари, жила в его доме! У нее всего три дня, чтобы сбежать!

– Мне нужно умыться, – выдавила она. – И одеться. Где мое платье?

– Так оно помялось, госпожа... – робко сказала Шадият. – Разве можно два дня подряд одно и то же носить? Да еще новобрачной! Мы вам сейчас другое подадим, еще краше!

Наргис хотела рывкнуть, что никакая она не новобрачная, и... осеклась. А кто тогда?! Распутная девка, сбежавшая с Джареддином из родного дома?! Даже служанки станут ее втихомолку презирать, хоть и побоятся показать это.

«Я должна вырваться отсюда любой ценой, – колотилось у нее в мыслях. – Сбегу сегодня или завтра, все еще можно будет исправить. Только бы ир-Джантари и вправду не затеял еще одну свадьбу, уже настоящую! Хотя... может, это и станет выходом?! Если я при гостях и свидетелях откажу ему прямо у алтаря... И потребую шахского суда... Какой позор! Позор на весь род ир-Даудов! Но ему придется меня вернуть...»

И тут же память подсунула угрозы придворного чародея у нее в спальне. Надир! Если это Джареддин убил пять благороднейших юношей и мужчин Харузы, кто ему помешает убить еще одного?! Да и дядю не защитят все его солдаты... Что же делать, что?!

Дверь отворилась, и Наргис вздрогнула, но это оказались всего лишь служанки, две женщины, немолодые и с приятными почтительными манерами, которые низко поклонились и тут же захлопотали вокруг нее. Они принесли с собой все, что нужно для умывания: кумганы, таз, полотенца из мягчайшего хлопка и шерсти... Откуда-то появилась белоснежная чистая рубашка и прочее белье, а последним на кровати раскинулось платье золотисто-зеленого шелка, расшитое драгоценным янтарем. Вздохнув, Наргис позволила умыться себя и освежить тело, одеть, заплести волосы.

– Ах, какие серьги! – восхитилась одна из служанок. – Светлейшей госпоже они так к лицу! Но господин подарит вам украшения еще лучше! К алому свадебному платью пойдут рубины, оправленные в золото, в них госпожа затмит красотой солнце и луну...

– Непотребным девкам к лицу не рубины, а рублище! – раздался змеиный шип от двери. – Что, думаешь, накинула аркан еще на

одного?!

– Го-госпожа... – пролепетала Шадият, бледнея, и остальные служанки замерли в ужасе. – Зачем вы здесь...

Наргис обернулась и встала, уже зная, кого увидит.

Светлейшая Лейлин ир-Джантари, любимая сестра государя шаха!

– Пошли вон! – бросила Лейлин, стоя в дверях и пристально разглядывая Наргис. – Быстро!

Служанки замялись, переводя взгляд с матери Джареддина на новую госпожу и явно не зная, кого слушаться, а потом Шадият плачущим голосом отозвалась:

– Простите, госпожа Лейлин, не смеем. Светлейший господин велел госпожу Наргис ни на минуту не покидать. Не извольте гневаться!

Лейлин нахмурилась и шагнула в комнату. Подол широкого вдовьего платья заколыхался вокруг ее ног, на миг обрисовав их... Наргис вздрогнула от брезгливого ужаса! Тощие ноги и руки когда-то цветущей женщины, обтянутые черной тканью, напоминали паучьи лапы. Лицо пожелтело и заострилось, волосы поредели... Только глаза все еще были хороши, синие, как у сыновей, но лихорадочно горящие, полные безумной ненависти.

– Госпожа! – пискнула Шадият и встала между Лейлин и Наргис, дрожа от ужаса.

– Ненавижу... – снова прошипела Лейлин поверх плеча служанки. – Грязная девка! Пришла лишить меня второго сына?!

– Ну так держите его от меня подальше! – не выдержала Наргис. – Да я бы сама отсюда с радостью ушла, только отпустите!

Она даже задохнулась от внезапной надежды. Может, удастся уговорить Лейлин?! Пусть эта безумная ее хоть метлой выгонит, лишь бы уйти! Если только Джареддина нет дома... И тут же ее надежды рассыпались в прах.

– Матушка?

Чародей, одетый в черно-золотой придворный наряд, упругим быстрым шагом вошел в спальню. Бросил служанкам: «Вон!» – и они тут же выскользнули из комнаты. Ласково обнял мать за плечи, и Лейлин словно обмякла, приникла к плечу сына, прошептав горько, как обиженная девочка:

– Джари, сыночек, пусть она уйдет. Она плохая, плохая! Не любит моего мальчика...

– Тише, матушка, тише... – успокоил ее Джареддин. – Не надо обижать мою жену. Вам лучше отдохнуть, дорогая матушка...

Не переставая мягко уговаривать женщину, он подвел ее к выходу, что-то кому-то сказал, и Лейлин увели, только по коридору слышались быстрые шаги нескольких ног. А Джареддин вернулся в спальню к молчащей, сжавшейся в комок на постели Наргис и негромко сказал:

– Прости, любовь моя. Матушка очень больна. Но больше она тебя не потревожит, я прослежу за этим.

– Отпусти меня домой! – выпалила Наргис, вскочив с кровати. – Ты не можешь меня принудить!

– Принудить? – Джареддин посмотрел на нее так удивленно, словно не понимал, о чем она говорит. – К чему, любовь моя?

А у нее снова предательски екнуло сердце – как же он был похож на Аледдина! Те же черты, глаза... Только голос ниже, чем ей помнилось, и неуловимо другой... Тоже бархатный, но бархат этот не светлый, а густо-черный. «Он и Аледдин – как ночь и день, – беспомощно подумала Наргис. – Один и тот же мир, что раскинулся под небесами, но стоит солнцу зайти – и все кажется иным!»

– Ты меня обманул, – сказала она и отошла к окну, чтобы оказаться хоть немного подальше. – Я не тебе вчера давала клятву.

– Но дала ее все-таки мне, – возразил Джареддин, не пытаясь подойти. – Ты моя жена, изумруд мой. И этого не изменить. Позволь мне быть любящим мужем – и ты никогда об этом не пожалеешь.

– Нет! – отчаянно выдохнула Наргис. – Я... не люблю тебя!

– Полюбишь, – очень просто отозвался Джареддин, слегка пожав плечами. – Много ли девушек выходит замуж по любви? Не все из них даже будущего мужа видели. Настоящая любовь рождается после свадьбы, желанная моя.

– Из обмана любовь не рождается, – твердо проговорила Наргис. – Говори что угодно, мы оба знаем, что ты меня обманул!

– Я обманул твой разум всего однажды, – усмехнулся Джареддин. – А ты, счастье мое, страдаешь по человеку, который годами обманывает твое сердце. Почему Аледдин ни разу не приехал к тебе? Почему не женился и не увез в Тариссу?

– Потому что он благородный человек! – отчаянно выпалила Наргис. – Он не захотел, чтобы я связала жизнь с больным!

– Великое благородство! – насмешливо согласился чародей. – Годами писать письма, тревожить твое сердце, давать ложную надежду. Держать тебя на невидимой привязи, не позволяя даже задуматься о новой любви! Нет, изумруд мой, любящие так себя не ведут! Если бы он действительно тебя любил, он бы разорвал эти узы и отпустил тебя. А он держится за твою любовь, как сорвавшийся в пропасть – за чужую руку. Только вытащить его ты не в силах, зато сама медленно соскальзываешь следом...

– Прекрати... – прошептала Наргис, опять обнимая себя за плечи и словно пытаясь отгородиться от этих безжалостных слов. – Это не так... Я сама... люблю его...

– Конечно, любишь, – кивнул Джареддин. – Разве у тебя есть выбор? Никто не дал его тебе. Наргис, изумруд мой... – Его голос стал еще ниже, мягче и вкрадчивее, он лился, как растопленный горячий мед. – А хорошо ли ты знаешь, кого именно любишь? Я говорил с тобой словами из его писем – и разве ты увидела разницу? О, эти сладкие слова, на которые мой братец такой мастер! Только их он и умеет рассыпать, ведь слова ничего не стоят! Если хочешь, их и у меня найдется достаточно.

– Они будут ложью... – всхлипнула Наргис. – Аледдин... Он любит меня! Мы не можем быть вместе, но...

– Это ты не можешь, – усмехнулся Джареддин, мгновенно отбросив ласковую вкрадчивость. – А он – не хочет. Он мог бы провести с тобой остаток жизни, сделать тебя счастливой хотя бы на эти несколько лет. Но боится! Мой братец – трус, который прикрывается своим благородством. Он прячется за ним от любви и ненависти, от любой сильной страсти, которая может убить его. Наргис! Разве такого мужчины ты достойна?

Миг! И он оказался рядом. Наргис вскрикнула, отшатнувшись, но тут же оказалась в кольце крепких мужских рук, которые обняли ее, не прижимая, но и не позволяя отстраниться.

– Люблю тебя, – прошептал ей Джареддин в ухо, опалив горячим дыханием. – И сделаю счастливой, вот увидишь. Если бы ты знала, изумруд мой, как мерзко мне было примерять его личину! Он говорит, что ты – его звезды и ветер. А задумался ли он, каково тебе жить

годами без права и надежды на счастье, храня верность живому мертвецу? О, Наргис! Тот, кто любит звезды и ветер, не видит за ними тебя! Твоих слез, твоих желаний, твоих надежд... Прости мне обман, любовь моя! Поверь, если бы ты не боялась... если бы не придумала, что ненавидишь меня, даже не зная... Если бы позволила себе хоть раз посмотреть на меня и увидеть не брата Аледдина, а меня самого... Зачем бы мне тогда понадобилось тебя обманывать?

Стиснув зубы, она замерла, не пытаясь вырваться, но невольно дыша его благовониями. Пряный аромат сандала и нарда, а под ним горячий запах чистой мужской кожи, сильного тела...

– Разреши себе полюбить, Наргис, – сказал он так тихо, что она едва слышала, зато его дыхание снова согрело ее кожу. – Забудем, что все началось с обмана. О, поверь, я умею просить прощения! И для меня ты всегда будешь не холодными звездами и ветром, а живой женщиной, моей женой и матерью моих детей, моей любовью, которую я никому не позволю отнять или обидеть...

– Не хочу... – всхлипнула Наргис, пытаясь отшатнуться. – Не хочу, слышишь?! Если... если заставишь, я... покончу с собой! А если... убьешь Надира... или дядю... Тогда – тем более! Все равно ты меня не получишь! Ни уговорами, ни силой!

– Силой? – переспросил Джареддин и вдруг сам отстранился, выпустив ее. – Сердце мое, никогда ни одну женщину я не брал силой и не принуждал ни к чему. Как же я могу так поступить с тобой? Ты ведь будешь рядом со мной всю жизнь, желанная моя. Родишь мне детей, научишь их любить и почитать отца. Разве может семейное счастье вырасти из унижения и боли? Нет, Наргис, ты придешь ко мне сама. Взойдешь на ложе законной женой, а не наложницей, чтобы наши дети были зачаты в любви и согласии. – Он посмотрел ей в глаза и тихо продолжил: – Поверь мне, дома тебя ждет лишь осуждение родных и одинокая холодная старость. Я никому не позволю притронуться к тебе, ни одному мужчине на свете, и если ты не будешь моей, то не станешь ничьей. Решай сама, дочь ир-Даудов. Позволишь мне заслужить твою любовь – и я брошу к твоим ногам весь мир.

– А если... я скажу «нет»? – проговорила Наргис дрожащими губами.

– Такого слова я не знаю, – улыбнулся Джареддин.

Он пошел к выходу из спальни, но возле самой двери обернулся, тяжело вздохнул и добавил:

– А ведь я пришел к тебе сегодня с подарком. Не торопись отказываться, любовь моя! Этот подарок ты точно примешь. Глупый мальчик, который служит у тебя джандаром... Ты дорожишь его жизнью?

– Маруди?! Ты... Что ты с ним сделал?!

– Ничего! – отозвался Джареддин с легким удивлением и даже обидой. – Признаю, моим людям пришлось не очень хорошо поступить с этим юношей, чтобы я смог явиться в твой сад. О, ничего ужасного, просто немного сонного зелья в вине, чтобы забрать у него ключи... Я собирался достойно возместить ему обиду! А этот неблагодарный выследил нас и явился в мой дом.

– Ты... ты убил его?..

Наргис стиснула пальцами ворот платья, который начал ее душить.

– Убил? Ну что ты... Не считай меня чудовищем! Преданность заслуживает не смерти, а награды. Посидит немного под стражей, придет в себя, одумается... Видишь, как я боюсь тебя огорчить? – Джареддин улыбнулся, и Наргис от этой ласковой нежной улыбки затрясло, как в лихорадке. – Если хочешь, можешь оставить его при себе. Я даже прощу и забуду, что он угрожал мне, если...

– Если? – переспросила Наргис безнадежно.

– Если ты просто скажешь мне «спасибо», когда он к тебе вернется, – продолжал улыбаться Джареддин. – Доброго дня, любовь моя. Отдохни хорошенько, вечером тебе принесут платья и украшения. Выбери, что ты хочешь надеть на свадьбу. А если ничто не понравится, завтра к тебе придут швеи и ювелиры.

– Когда?.. – спросила Наргис, чувствуя себя птицей, которая бьется о прутья клетки, не в силах ни открыть ее, ни даже поцарапать.

– Когда наша свадьба? – Его улыбка перешла в понимающую усмешку. – Как только ее достойно подготовят. Никогда не понимал тех, у кого свадьба – самый счастливый день в жизни. Она должна быть только первым из череды счастливых дней – и никак иначе.

Он вышел, а Наргис бессильно опустила на кровать, понимая, что вот теперь окончательно пропала. Если она сбежит... Страшно подумать, что тогда будет с Маруди!

ГЛАВА 15. Новолунная смерть

Время, которое до этого текло, подобно струе созревшего меда, полетело вскачь диким конем. Разн был уверен, что сегодня не последний день игры равновесия, но в том, что она подходит к концу, сомнений не было. Все нужные фигуры встали на доску, и он, ожидая своего хода, налил горячего вина с приправами и вышел на крыльцо полюбоваться чудесным зимним закатом. Повезло ему с этим домиком, даже жаль уезжать... Но Разн знал, что томительный зов дороги, слегка приглушенный напряжением последних дней, скоро проснется снова.

Он нередко завидовал тем, кто умеет подолгу жить на одном месте. Растить сады и детей, любить кого-то, день за днем выстраивая общее счастье... У него же есть все, что только может пожелать человек! Почти вечная молодость и красота, несокрушимое здоровье, магическая сила и воинское мастерство, знания, недоступные никому в этом мире... Живи и наслаждайся! Нет лишь покоя, и никогда, наверное, не будет, сколько бы дорог он ни отмерил, сколько бы земель ни повидал в бесконечных странствиях. Наградила же судьба жадным сердцем, которому всегда и всего мало! Сердцем, которое вечно рвется между далеким домом и все новыми и новыми путями.

Может, именно такой закат горит сейчас на золотых шпилях его родного города, раскинувшегося в немыслимой дали отсюда. Нежнейший румянец заливает белоснежные башни, рвущиеся в небо, играет на водах бескрайнего теплого моря. И кто-нибудь из семьи стоит на дворцовом балкончике с бокалом в руке, любуясь теплыми вечерними красками и лениво размышляя, где сейчас носит непутевого четвертого принца, избравшего судьбу хранителя равновесия чужого мира. А на дворцовой площади нагретые за день камешки мостовой и хрустальные струи фонтана слышат смех его младших сестреноч, вспоминающих вчерашний городской праздник и жалеющих, что не все братья были рядом, чтобы разделить их триумф...

И это прекрасно! Потому что как бы он жил, не будь на свете самого чудесного города во вселенной, где его любят и ждут? Города, где в укромном уголке дворцового парка под исполинским деревом с

шершавой красной корой тихо бормочет маленький родничок, заботливо обложенный потемневшими за многие тысячелетия камнями. К этому роднику, из которого Раэн пил в детстве, он еще когда-нибудь припадет, ловя короткий миг отдыха между прошлым и грядущим странствиями. А потом пройдет по прохладным плитам дворцовых коридоров и без доклада откроет дверь в отцовскую комнату, встретив знакомую улыбку, и почувствует крепкую тяжесть руки на своем плече...

– Раэн! – негромко окликнули его сзади.

Он медленно обернулся, с трудом прогоняя такие родные, такие сладостные картины из невообразимого далека. Его место – здесь, в этом чужом жестоком мире, который он изо всех сил старается даже не улучшить, а всего лишь удержать от падения в пропасть. Сам выбрал такую работу – чего же теперь жаловаться? Да, собственно, он и не жалуется. Наверное, всему виной щемящее беспокойство, донимавшее последние дни...

– Я тебе кофе сделал, – сказал Фарис, растерянно взглянув на чашку в его руках и держа другую, над которой курился тонкий парок.

– Спасибо, друг мой, – улыбнулся Раэн. – Хочешь, поменяемся? Неплохое вино, ты же любишь с медом?

Они обменялись чашками, и нисталец присел рядом с ним на пороге, молча поглядывая, но не решаясь расспрашивать. А Раэн в свою очередь ничего не говорил, прислушиваясь к себе и миру вокруг, пытаясь понять, почему не отпускает тревога, ведь все складывается как нужно. Он даже забеспокоился, что беда случилась с Халидом, который отправился в рискованное путешествие, да еще и по пути во что-то ввязался. Но связь Тени и ее хозяина говорила, что Зеринге не убит, не ранен и даже в неплохом расположении духа. Охотничьем, если можно так сказать...

А настоящая тревога была где-то близко. Пряталась за свечением нистальских окон, мелькала в откровенно враждебных или безразличных, любопытных или уважительных (последнее – весьма редко!) взглядах жителей долины. Сыпалась резными кристалликами из низких туч, уже привычно висевших над перевалом, и хрустела корочкой наста под чужими вкрадчивыми шагами всегда где-то в стороне или за спиной...

Только Фарис ему верил! Носил нож, как велел Раэн, поглядывал вопросительно и ждал новолуния. Ждал так сдержанно, словно не его судьба должна была решиться в этот день, а какой-нибудь пустяк вроде права пасти овец на дальнем лугу. И лишь переливы внутреннего света, которым полна душа любого человека, выдавали взору чародея загнанный глубоко внутрь страх, яростное нетерпение, отчаянную надежду молодого нистальца.

– Беспокоишься? – уронил Раэн, и Фарис встрепенулся. – Ничего, недолго осталось. Уже стемнело, думаю, скоро за нами придут. Где у вас тут собираться положено?

– В трактире, – отозвался нисталец, старательно глядя в чашку. – А ты уверен, что придут? И что у тебя все получится?

– Очень на это надеюсь, – вздохнул Раэн. – Но если ваших старейшин не удовлетворит мой рассказ, я не поленюсь притащить в Нисталь кого-нибудь поважнее себя.

– А это кого, к примеру? – заинтересовался Фарис.

– К примеру, наместника области, – невозмутимо сказал Раэн. – Или самого верховного предстоятеля. Им-то поверят?

– Не знаешь ты наших старейшин, – сообщил слегка повеселевший нисталец. – Понимаешь, они думают, что за пределами долины все люди какие-то странные и о здешних делах судить не могут. Даже наместник. Хотя верховному предстоятелю они, может быть, и поверят. А ты и вправду можешь вызвать его сюда?!

– Не хотелось бы, – вздохнул Раэн. – Старику под восемьдесят, не в его возрасте тащиться из Аккама на границу, чтобы ублажить кучку упрямых недотеп. Уж постараюсь обойтись своими силами.

Зимний вечер накатывался студеной волной, зажигая искристые льдинки звезд, безуспешно пытаясь добраться до укрытой невесомым снежным одеялом земли и проморозить ее. Где-то на соседних улицах поднялся собачий перелай, и перед освещенными окнами трактира, видными в морозной темноте издалека, замелькали чернильные силуэты – это начали собираться старейшины Нисталя.

Раэн удовлетворенно улыбнулся и допил кофе. С последним глотком в калитку постучали, и кто-то крикнул из уличного мрака:

– Почтенный целитель, вас в трактир пожаловать просят!

– Сейчас придем! – согласился Раэн и поставил опустевшую чашку на крыльцо. – Ну что, Фар, собирайся.

А про себя подумал, что если все пройдет как надо, то в этот дом парень уже вряд ли вернется. И кто знает, хорошо это или плохо? Весы все еще качаются...

* * *

Придержав за плечо Фариса, который рвался вперед, словно застоявшийся жеребец, Разн немного помедлил перед дверью, из-за которой сочились проблески света и шум голосов. Даже отсюда он ощущал противоречивые чувства собравшихся. Из-за двери накатывали волнами возмущение и гнев, но был и интерес, и даже – тоненькой струйкой – рассудительное спокойствие. Что ж, уже хорошо.

Разн немного слукавил, говоря с Фарисом. В исходе этой встречи он почти не сомневался, а вот каким будет следующий ход игры? В том, что он обязательно случится, сомнений, увы, не было. Усмехнувшись про себя, Разн толкнул дверь и шагнул в ярко освещенный множеством ламп и свечей трактирный зал. Сегодня здесь было многолюдно! Столы сдвинули к стенам, и примерно полсотни человек сидели на лавках, расставленных по бокам от хозяйской стойки и перед нею. Все – немолодые крепкие мужчины с черными или седыми бородами, но не длинными, как у деревенских старейшин в других местах, а коротко подстриженными. Все-таки степная кровь сильно проглядывает в Нистале, а у степняков густые волосы на подбородке – редкость, не стоит и отращивать... Зато у всех золотые и серебряные пояса блестят поверх плотных зимних курток и подбитых ватой халатов... Конечно, старейшин здесь примерно половина, остальные – их наследники, сыновья и племянники, пока не имеющие права говорить в собрании. Ну что ж, чем больше народа, тем лучше.

Гомон, стоявший до его появления, медленно стихал. Выйдя на свободную середину, Разн склонил голову и, выпрямившись, громко сказал:

– Доброго вечера почтенным старейшинам Нисталя!

Умница Фарис, как и было договорено, тенью проскользнул за его спиной к окну, плотно закрытому тяжелой шерстяной занавесью, и замер там, стараясь быть неприметнее сухого листка в осеннем лесу.

– И тебе того же, уважаемый, – промолвил совершенно седой худощавый старик, неприязненно покосившись на ир-Джейхана. – Благодарим, что ждать не заставил.

– Я тоже благодарю всех, кто пришел сюда, – невозмутимо продолжил Раэн. – Уважаемые старейшины, вы собрались, чтобы осудить чужака, который нарушает ваши законы, не так ли? Что ж, признаю вину. Но прежде, чем попросить прощения за это, позвольте вам кое-что рассказать. Да, рассказать! – повысил он голос, перекрывая возмущенный гвалт, прокатившийся по залу. – Думаю, вам это будет интересно. Сегодня я готов говорить о том, что случилось у Девичьего родника месяц назад. И поведать правду о преступлении и предательстве, совершенных в тот день...

По залу снова прокатился рокот, словно несколько камней сорвались со склона, но лавина, предвестниками которой они были, еще не обрушилась.

– Да-да, – подтвердил Раэн, стоя в перекрестье изумленных и возмущенных взглядов. – Я тоже считаю, что и то, и другое случилось. Но о том, кто был преступником и предателем, думаю иначе. Вот, взгляните!

Он достал из кармана куртки маленький сверток и развернул его. Кусочек тонкой замши полетел на пол, а Раэн показал собравшимся матово блеснувший серебряный полумесяц примерно в палец длиной.

– Это пряжка для сапога, – объяснил он, помня, что у стариков не слишком хорошие глаза. – А сапог, с которого она срезана, был на Малике ир-Саттахе, когда бедняга погиб. Его брат Касим наверняка опознает эту вещь, ведь он готовил тело к погребению. Теперь смотрите. Смотрите внимательно, старейшины и жители Нисталья! Фарис, окно!

Положив пряжку на пол, Раэн отступил к двери. Ир-Джейхан попытался отодвинуть занавесь, но та за что-то зацепилась, и Фарис рванул плотную ткань так, что оборвал веревку, на которой она висела. А Раэн плавно повел перед собой рукой – и свечи, горевшие в зале, вдруг разом потухли. Только несколько масляных ламп продолжили светить, но и на их фитильках робко дрожали крохотные язычки огня. Трактирный зал погрузился в полумрак, зато наполнился приглушенными голосами, которые постепенно стихли. А перед Раэном в прямоугольнике тусклого света из окна появилось невесомое серебряное облачко, медленно растущее во все стороны.

– Взгляните в окно, уважаемые, – снова перекрыл Раэн голоса нистальцев. – На небе молодой месяц. Точно так же он светил у

Девичьего родника, только утром. Это случается, не правда ли? А вот – серебристая смерть, о которой пытался рассказать Фарис ир-Джейхан. Кто-нибудь хочет войти в это облачко? Нет? Ну и правильно, я бы не советовал.

Когда переливчатая дымка почти достигла сидящих и самого Раэна, он взмахнул рукой – и брошенная медная монета покатилась, звеня и подпрыгивая, пока не попала в облачко. Заискрившись, оно растаяло, а Раэн, шагнув к лежащей на полу пряжке, поднял ее вместе с кожаной оберткой. Выпрямился и снова повел рукой – свечи разом вспыхнули с прежней силой. А трактирный зал взорвался многоголосьем!

Раэн терпеливо выжидал, краем глаза следя, как немного побледневший Фарис пытается приладить занавеску на место. Но что-то у него не получалось, и парень бросил попытки, тихонько встав в угол у двери. Окно так и осталось открытым, и теперь из него тянуло студеным воздухом, который был даже приятен, если сравнить с масляным чадом и запахом множества людей. Нистальцы, сообразив, что Раэн не намерен перекрикивать их возмущенные и изумленные голоса, кое-как притихли. Тот же седовласый старик, что приветствовал его, поднялся с лавки, и в зале стало совершенно тихо.

– Почтенный Раэн, – негромко сказал старик. – У Девичьего родника погибли двое моих внуков. Вы показали мне, что их убило. Теперь скажите, кто в этом виноват? И почему смерть пощадила молодого ир-Джейхана, но унесла моих мальчиков?

На последних словах его голос дрогнул, и Раэн отозвался с искренним сочувствием:

– Мне жаль ваших внуков, уважаемый. Пусть их души пребывают в мире. Что до ваших вопросов, я сейчас все расскажу, для того и пришел.

О том, что позвали его, вообще-то, для суда, все уже позабыли, а Раэн напоминать об этом не собирался.

Величественно склонив голову, старейшина ир-Саттах сел, а Раэн снова достал из кармана листок тонкой плотной бумаги. Так же показал его всем и заговорил:

– Это письмо из Аккама от почтенного Кадира ир-Шамси, верховного предстоятеля шахства. Когда я понял, что моих познаний

не хватает, чтобы опознать данное колдовство, я обратился к премудрому и высокоученому Кадиру за помощью и получил ее.

По залу пронесся недоверчивый говор, и Раэн чуть повысил голос:

– Я никого не прошу верить мне на слово. Тот, кто сомневается в подлинности письма, может после собрания взять его и отправиться в Иллай. Шахский управитель города – родной племянник Кадира ир-Шамси, так что отлично знает почерк и печать своего дяди. А пока выслушайте, что пишет достопочтенный предстоятель.

Развернув листок, он принялся читать, медленно и четко проговаривая слова.

«То, что вы описываете, друг мой, согласно перечню темномагических заклятий называется Новолунной Смертью и придумано в незапамятные времена едва ли не в легендарной стране Хамтур, а сейчас, как я надеялся, совершенно забыто. Увы, зло уходит из нашего мира неохотно, и, похоже, какому-то безбожному злодею удалось овладеть древним колдовством.

Эти чары наносятся на предмет в форме серпа молодого месяца или несущий его изображение. Действие же их коварно весьма, поскольку подвергнувшийся ему погибает вроде бы естественной смертью, но непременно от того, чего в глубине души он боится. Змеелов умрет от укуса кобры или зеринге, охотник – от клыков и когтей зверя, а воин падет под ударом оружия.

Однако все эти опасности мнимые, и если бы удалось найти человека совершенно, до глубины души не страшась ничего на свете, то и Новолунная Смерть не оказала бы на него губительного влияния. При всем том, по моему скромному мнению, человека такого найти невозможно, исключая разве что умалишенных, поскольку разумному существу или даже зверю свойственно бояться естественных для него опасностей.

Талисманом же от Новолунной Смерти служит любой медный предмет, который, попав в смертельное облако, мгновенно прекращает действие колдовства до следующего месяца.

Остаюсь преданным вам другом и жду известий о случившемся в долине Нисталь, да хранит Свет ее жителей и вас, друг мой Раэн. Писано Кадиrom ир-Шамси, служителем Света в городе Аккаме,

семнадцатого числа месяца тарфаль три тысячи девятьсот шестого года от разделения мира».

– Вот так, – закончив читать и свернув письмо, заключил Раэн. – Шестеро юношей оказались у родника в тот момент, когда свет молодого месяца упал на зачарованную вещицу. Чего было бояться молодым отважным парням в нескольких часах езды от Нисталя? Но умалишенных среди них тоже не было, а самое опасное в степи – повстречаться с двуногими шакалами, нападающими на путников. Никто не назовет этих парней трусами, просто Новолунная Смерть всегда найдет уязвимое место в душе любого человека. Все они ехали на торг принарядившись: пояса, украшения, пряжки, рукоять оружия и сбруя лошадей.... Те, кто заслужил право на серебряный пояс, из всех сил стараются носить как можно меньше меди, верно? Это мужчины и старики могут с усмешкой вспоминать свое детство, а молодым парням так хочется поскорее стать взрослыми, так хочется забыть, что еще вчера они были мальчишками в медных поясах...

Голос Раэна звучал горько. Он глянул на серебристый серпик в чернильной мгле окна, потом снова посмотрел на старейшин. Ир-Саттах опирался на плечо крепкого мужика в богатом серебряном поясе, наверное, сына, ир-Керим, не такой краснолицый, как обычно, мрачно разглядывал то Раэна, то Фариса за его спиной, ир-Кицхан поджал и без того тонкие сухие губы... Интересно, а где старейшина рода ир-Джейхан? Каково ему сейчас? Раэн опять заговорил:

– Это совершенная случайность на первый взгляд, что среди них все-таки нашелся один, защищенный от колдовства. Фарис ир-Джейхан по обычаю поменялся поясами с умирающим братом и с тех пор носил медь. Так просто!

Наклонившись, он поднял с пола крупную медную монету и показал ее нистальцам, повторив:

– Так просто... Нужно было всего лишь отложить вынесение приговора, послав за мной, и я определил бы, что юноши погибли от колдовства, как сделал это днем позже. А потом я послал бы весточку в Аккам, и через пару недель пришел бы ответ, как это и случилось. Но никому не показалось странным, что самый отчаянный парень долины, в пятнадцать лет повстречавший первого врага и с честью выдержавший бой, позорно бежал, бросив друзей! Да разве трудно ему было придумать историю правдоподобней, чем рассказывать о тающих

стрелах? Сказал бы, что поссорился с кем-то, оставил приятелей на ярмарке и ускакал домой.... Не его вина, что они, возвращаясь, попали в засаду. И ведь в это поверили бы все! Разве нет? А он не сказал ни словечка лжи, торопясь к своим родичам и друзьям, к своему народу, которому доверял...

Теперь Раэн в упор смотрел на хозяев Нисталя тяжелым ледяным взглядом, с холодным удовлетворением отмечая, как они, несмотря на возраст, провинившимися учениками опускают глаза.

— Да кто и когда слышал о степных грабителях, которые перебили бы путников и бросили, не обобрав?! А ведь с этих юношей было что снять. Но даже ожерелье, которое Малик вез для невесты, осталось при нем. И пятерка отличных коней, что степняки похватили бы в первую очередь. Или я ошибаюсь? А если никто не подумал об этом, то почему, во имя Света, все сразу поверили, что Фарис ир-Джейхан, никогда не трусивший в бою, за одно утро превратился в мерзавца и глупца, не способного соврать по-умному?

Изваянием замерший у окна Фарис не осмеливался поднять взгляд, словно это он был повинен в тяжком позоре, который целитель изливал на Нисталь четкими, негромкими, увесистыми словами, падавшими, подобно ледяным градинам на спелую ниву.

— Теперь, когда вы знаете, как это случилось, я должен сказать, кто это сделал. Но я не знаю. Пока не знаю. Зато я совершенно точно знаю, зачем это было сделано.

Раэн помолчал, дождавшись, пока кое-кто из замерших от стыда поднял глаза, и продолжил:

— Я сказал, что спасение Фариса у родника на первый взгляд кажется случайностью. Но это лишь на первый взгляд. Потому что тот, кто сделал Малику смертельный подарок, должен был знать о его действии. И должен был предвидеть, что хотя бы один, носящий медный пояс, останется в живых. К тому же и еще на ком-то могла оказаться медная вещица. Значит, ему нужна была смерть, но не всех, кто там был. Когда кто-то гибнет, а кто-то выживает, на спасшегося так легко свалить вину! И все сложилось очень удачно, как и было задумано. Пять погибших юношей и один уцелевший, которого даже слушать не стали. Гнев, боль, желание возмездия.... И Фариса ир-Джейхана приговорили к казни у столба. Мучительной и позорной казни. Не случись мне оказаться рядом, он мог замерзнуть в снежную

бурю или стать ашара не только по названию. Но это уже неважно. Главное, что его смерть у столба, или, в отчаянии, от собственной руки, или от побоев хозяина – любая смерть завершила бы начатое у Девичьего Родника.

Переведя дыхание, он снова заговорил в невероятной пугающей тишине, где был слышен только треск свечей да чье-то тяжелое дыхание:

– Я знаю, в это нелегко поверить, но борьба Света с Тьмой не закончилась во времена легенд и преданий. Мне приходилось видеть людей, одержимых демонами, и самих демонов. Зло непрестанно ищет пути в человеческий мир, но может проникнуть лишь туда, где для него есть лазейка. Алчность, похоть, властолюбие, месть – годится любая страсть, ради которой человек готов сделать уступку Тьме. А уж если он сам, своей волей отдается в ее власть, то это даже не лазейка, а распахнутые ворота! Вспомните клятву, что дают судьи перед вынесением приговора! «И если я, по злобе или зависти, из ненависти или неприязни, ради корысти или гордости погрешу против истины и вынесу несправедливый приговор, да буду проклят во веки веков». Я не знаю, какую клятву давали вы, уважаемые старейшины, когда приговаривали Фариса ир-Джейхана. Была ли она произнесена вслух или осталась только в вашем сердце? Но можете ли вы, люди Нисталя, назвать свой приговор праведным? Каждый из вас – глава своего рода и отвечает за него перед богами. Вынося в гневе несправедливый приговор, вы проклинали бы себя вместе с Нисталем, а смерть Фариса это проклятие подтвердила бы окончательно...

Тишину зала нарушило жужжание мухи, принесенной, наверное, в вязанке дров и отогревшейся в жарко натопленной комнате. Радуюсь неожиданному воскрешению, муха ошалело металась под потолком, нарушая мертвое безмолвие. Устало вздохнув, целитель закончил:

– Я не знаю, кто оказался орудием тьмы в Нистале, подарив или подбросив Малику Новолунную Смерть. Я не знаю, что случилось бы с Нисталем дальше: набег степняков, неурожай, эпидемия... Скорее всего, долину просто разорвала бы на части родовая вражда, а там и остальные беды не упустили бы своего. Я не знаю, что теперь делать почтенному совету старейшин и не имею права указывать. Я – чужак, и своим здесь никогда не стану. Да не очень-то и хочется, если откровенно. Слишком уж легко Нисталь предает своих детей...

Взглянув на закусившего губу ир-Джейхана, Раэн ободряюще ему улыбнулся. Ничего не поделаешь, придется мальчику пройти через это. Стыд за других бывает мучительнее, чем за себя, если ты по-настоящему любишь причинивших тебе боль. Но Фарис должен принять их вину и простить ее, чтобы самому стать сильнее. А ему, страннику, сыгравшему свою роль, лучше уйти со сцены, он и вправду здесь чужой всем, кроме ир-Джейхана.

Что ж, все необходимое сделано с лихвой, осталось только ждать и прикрывать нистальца. Желательно при этом и самому не пропустить удар, но это уж как получится...

Сунув поглубже в карман зачарованную безделушку – не хватало еще, чтоб она попала кому-то в руки – Раэн последний раз окинул взглядом еще не пришедших в себя старейшин и закончил:

– Если кто-то пожелает еще что-то спросить, я отвечу, но не сегодня. И вскоре уеду из долины. Старейшины, люди Нисталя, поступайте, как считаете нужным. Я же покидаю собрание с вашего позволения. Фарис! – окликнул он растерянного парня. – Тебе пока что будет не до меня, но когда захочешь – приходи.

Жестом остановив кинувшегося к нему ир-Джейхана, Раэн снова улыбнулся ему и вышел под яркие зимние звезды, что весело рассыпались по бездонной мгле неба.

* * *

Вечером Туран едва вытерпел, пока утомленный дневным переходом конь отдохнет, поест и напьется. Растер его соломенным жгутом, почистил копыта и переседлал, уговаривая жеребца бежать быстрее ветра и обещая, что в невестиной конюшне его ждут отборное зерно, пиво вместо воды и самые красивые кобылы. На этот раз обошлось без похабных шуток, охранники, пусть и языкатые, чтили караванное братство и желали парню удачи. Анвар даже помог с жеребцом, по очереди придерживав тому ноги, пока Туран орудовал копытным ножом.

Сам Туран в ответ раздал в подарок все вещи, от фляжки до одеяла, оставив только оружие и тот самый кошель, который бережно спрятал за пазуху под толстую кожаную куртку. Низко поклонился Рудазу ир-Салаху, который вышел его проводить, и принял из рук караван-даша замшевый мешочек с остатком жалованья и подарком на

свадьбу. Заглянул в него – и залился до ушей краской смущения, принявшись благодарить.

– Может, все-таки с нами приедешь, парень? – спросил его ир-Салах. – А с отцом твоей невесты я сам поговорю, замолвлю за тебя слово. Джандар ты честный и умелый, мне такие нужны. Отгуляешь свадьбу, а на обратной дороге мы тебя снова подберем. Никуда за один день твоя красавица не денется!

– Нет, господин ир-Салах, поеду я, – вздохнул Туран и посмотрел на вечернее небо: едва народившийся месяц был тоненьким и тусклым, как начисто сточившийся кривой ножик.

– Тогда не слишком лошадь гони, ночная дорога спешки не любит, – сказал Сокол Мехши, и Туран кивнул, а потом поклонился еще дважды, сначала своим товарищам-джандарам, потом – остальному каравану.

– Ну, пусть сохранит тебя Ариша, покровитель путников, – пожелал Рудаз ир-Салах. – А завтра к вечеру, если дорога будет милостива, и мы прибудем.

Приободрившийся Туран вскочил в седло и сразу пустил коня рысью, а немного спустя чуткое ухо Халида услышало, как топот копыт изменил ритм, сорвавшись в галоп.

– Не загнал бы коня, – покачал кто-то рядом головой. – А то останется пешим посреди дороги, придется в город бежать на своих двоих.

Ему ответили, хохотнув, что такой жеребец, как Туран, к невесте добежит еще быстрее лошади, хоть и не подкованный, и охранники разбрелись по обычным вечерним делам. Халид вместе с остальными собрал хворост для костра и принес из особой повозки несколько ведер кизяка, который собрали на прошлых стоянках и везли, чтобы вечером приготовить еду. Дрова в степи просто так не добудешь, но рачительный и умелый путник не останется голодным.

Почистив свою лошадь, он как обычно помог арбакешам накормить остальной скот, особенно заботливо обиходив верблюдов. Над этим даже посмеиваться никто не стал, ясно же, что пустыннику верблюд – кормилец и друг. А Халид и вправду иногда скучал по этим чудесным животным...

– Ай, осел я! – хлопнул себя по лбу Анвар, поставив на огонь котелок с водой. – Чтоб меня шакалы съели, дурака паршивого! Забыл!

– Что забыл, Анвар? – немедленно спросили от ближайшего воза. – Неужели штаны снять, когда до ветру ходил?

– Отец ваш забыл штаны снять, когда вас делал, – зло огрызнулся не на шутку расстроенный халисунец. – Амулет свой оставил! Повесил на куст у родника, да так и уехал...

– А зачем снимал? – сочувственно поинтересовался тот же охранник, ничуть не обидевшись. – Ищи теперь ветер в поле, не возвращаться же!

– Ну уж нет, – буркнул Анвар. – Мне этот амулет мать на шею повесила. Сколько лет он меня берег! А тут ремешок перетерся, я его и снял, чтобы новый повязать. Ладно, что там до той стоянки, поеду да заберу. Эй, Мехши! Вторым отцом тебя назову, Сокол, отпусти на ночь!

– Головой стукнулся, Анвар? – лениво поинтересовался от костра Мехши. – Или ты меня с дурным пастухом перепутал, у которого бараны то и дело разбегаются? Может, мне еще кого-нибудь отпустить? Эй вы, дети греха, за девками никому не надо съездить? Так вы скажите, чего молчать! Бросим караван да разойдемся кто куда!

– Ай, Мехши! – Анвар просительно прижал руки к груди. – За три дня жалованье вычти, только отпусти дурака! Говорю же, о матери память! Я туда и обратно соколом слетаю, ты и не заметишь, как вернусь.

– Где ты видел соколов с бараньими мозгами? – фыркнул главный охранник, но было понятно, что гневается он для порядка. – Ладно, поезжай. Но если к утру не вернешься, я за тобой людей посылать не стану, пусть тебя и правда шакалы съедят, если отравы не побоятся!

– Живи тысячу лет, Мехши! – разулыбался Анвар щербатым ртом и кинулся седлать коня.

Халид снова взглянул на небо. Туран уехал примерно час назад... Но по ночной дороге быстро не поскачешь, тут как бы коню ноги не переломать и самому на каком-нибудь ухабе из седла не вылететь. Впрочем, не зря же Анвар помогал парню... Наверняка загнал колючку куда-нибудь в копыто, чтобы жеребец охромел и сбавил ход.

Он спокойно доварил вместо халисунца кашу и поужинал, иногда поглядывая на небо, по которому медленно плыл серпик месяца. Времени уже было хорошо за полночь, и возле потухающих костров

остались только сторожа, сидящие, как и положено, спиной к углям, чтобы глаза привыкли к темноте.

Халид, не скрываясь, прошел мимо костра с охраной, подошел к привязанным у арбы верблюдам и принялся отвязывать пятилетнюю светло-песочную красавицу совершенной стати, тонконогую, с широким лбом и узкой мордой, с крупными копытами и гибкой, как у птицы, шеей. Верблюдица, которую на ночь не стали расседлывать, чтобы утром не терять времени, недовольно сопела, но не упиралась, почувствовав руку опытного всадника. Ее сородичи постарше вряд ли согласились бы встать, не отдохнув, но она по молодости лет была еще покладиста.

– Э, Халид! – недоуменно окликнул его охранник у костра. – Куда собрался?

– Сам не видишь? – буркнул Халид недовольно. – У этой малышки живот нехорошо вздулся. Наверное, плохой травы прихватила. До утра совсем паршиво стать может, а так я ее повожу шагом, живот разомну...

Охранник пригляделся, но Халид нарочно встал так, чтобы разглядеть за ним верблюжий бок было трудно, да и угли костра дают неверный свет. К тому же парень был родом из Харузы и не настолько хорошо понимал в верблюдах, чтобы спорить о них с человеком песков.

– Одно слово – пустынный, – равнодушно махнул рукой охранник. – Правду говорят, что вам верблюды дороже детей. Надолго не пропадай, а то Мехши с нас обоих голову снимет и к заду приставит.

Халид молча кивнул и кое-что вытащил из арбы. Отличный волосяной аркан, сплетенный настоящим мастером своего дела. Утяжеленный кусочками свинца, чтобы лучше летел, и с костяным замочком вместо узла, как предпочитают южные племена пустыни. Сунул его в седельную сумку и повел верблюдицу в ночь подальше от костров. Всем известно, когда у скотины болит живот, от этого много шума и вони, так зачем тревожить мирно спящих людей?

Будь это лошадь, ему, конечно, пришлось бы обмотать ей копыта. Но у верблюдов они упругие и не так шумят при скачке. Да и толку совсем скрывать топот, если обе лошади могут почуять саму

верблюдицу? Туран, пожалуй, вряд ли поймет, что его догоняют, а вот Анвар – другое дело.

Халид погладил верблюдицу по морде, ласково почесал нос с продетой через ноздри костяной палочкой для крепления узды.

– Ну что, красавица моя ненаглядная? – сказал он негромко. – Догонишь их для меня? Ради пустыни, нашей общей матери, ты уж постарайся!

Верблюдица фыркнула и опустилась на колени, а у Халида сердце дрогнуло от давно забытого чувства единения с одним из прекраснейших созданий богов. Он сам не понял, как оказался в седле! Мощное упругое тело под ним напряглось, качнулось, вставая, и двинулось вперед, затем верблюдица ускорила шаг, переходя на размашистую легкую рысь... В пустыне говорят: «Ни один верблюд не догонит коня, но ни один конь не уйдет от верблюда». И только горожане, которые ничего не понимают ни в пустыне, ни в верблюдах, могут считать эту мудрость бессмыслицей.

...Верблюдица мчалась по ночной дороге, упруго отталкиваясь от нее копытами то с одной, то с другой стороны, и Халид будто врос в седло, покачиваясь вместе с нею. Лошади редко рождаются иноходцами, их приходится учить, а вот верблюдам эта способность присуща от рождения. Лошадь быстрее, но так же быстро она и устает, приходится переводить ее с галопа на рысь или шаг, зато верблюд держит свой ровный бег часами, если не днями. К тому же верблюдицы гораздо резвее верблюдов, а ему так и вовсе досталась истинная жемчужина. Дорогу различить было почти невозможно, поэтому Халид положился на благородное животное, и верблюдица безошибочно нашла старую утопанную тропу между едва заметными холмами, а отыскав, припустила по ней легко и уверенно.

Топот копыт впереди Халид услышал часа через полтора. Привстал в седле, пытаясь высмотреть всадников, однако ночь укрыла и его, и тех, кого он преследовал. Плохо, очень плохо! Вытащив аркан из сумки, он хлестнул им верблюдицу. Обиженно всхрапнув, она прибавила ходу, и Халид про себя попросил у богов ровной дороги. Если упадет – кости переломают оба... Ее копыта стучали быстро, но не быстрее его сердца – так ему казалось!

Он прислушался, пытаясь различить, сколько лошадей скачет впереди. Может, дурной мальчишка Туран еще жив? Не то чтобы

Халиду было дело до его жизни или смерти, поймать старого недруга можно и над жертвой. Даже удобнее – Анвар наверняка потеряет осторожность, обыскивая тело. Но... Вдруг подумалось, что это сделает месть еще слаще. Не только расплатиться за прошлое, но и отнять у твари нынешнюю добычу. Он снова привстал на седле, но вокруг была лишь непроглядная ночь, даже узкий серпик луны предательски спрятался за тучу.

А потом топот стих, и Халид прикусил губу от досады. Не успел! Не дождется крутобедрая и глазастая своего жениха... Если Анвар остановился, значит, он догнал парня.

Тугой жгут аркана снова хлестнул мохнатые бока, работавшие подобно кузнечным мехам. Верблюдица вытянула шею и полетела над дорогой, как ночная джинния, а Халид подобрал аркан и принялся сворачивать его в крупные петли, каждая чуть больше предыдущей.

– Давай, красавица, – прошептал он. – Не джиннией, а Пери назову тебя. Волшебной девой!

Тяжелые кольца упруго ложились на руку, шевелясь, как змеи, Халид сам вытянулся в седле, и глаза от напряжения вспыхнули болью.

– Давай, Пери... – бормотал он. – Еще быстрее, ненаглядная...

Светлый лошадиный силуэт вылетел на него из мрака так быстро, что Пери едва успела немного отвернуть в сторону. Лошадь возмущенно заржала, отскакивая, и Халид увидел, что всадника в седле нет. Но это соловая кобыла Анвара, а где Туран?! И где сам проклятый скорпион Анвар, чтоб его?!

И тут Ариша, покровитель путников, наконец-то сжалился, а может, благосклонно глянула в сторону Халида сама мрачная Давагани, госпожа убийц. Месяц выглянул в просвет между тучами, и на дороге стало светлее ровно настолько, чтобы впереди Халид увидел второго коня – темно-гнедого жеребца Турана. И черную тень, метнувшуюся за невысокие кусты!

Рука сама рванула поводья, Пери возмущенно захрипела, мотнула головой и пронеслась мимо жеребца. Халид ругнулся и натянул повод, но разогнавшемуся верблюду повернуть куда труднее, чем коню. «Только бы месяц не скрылся снова! – истово молился он, сам не зная кому. – Иначе до утра гоняться за этой тварью буду!»

Томительно медленно Пери заложила плавную дугу, далеко уйдя с дороги, повернула и помчалась обратно, но раньше, чем она вернулась на прежний путь, Халид услышал удаляющийся топот копыт.

«Не уйдешь! Только не теперь!»

Кровь молоточками била в виски, он пригнулся почти к самой вытянувшейся шее верблюдицы, покачивая на руке хищную тяжесть аркана. Вот уже видна соловая, вот человек на ее спине... Анвар обернулся, глянул – и снова принялся работать плеткой. Будь под Халидом верблюдо-самец, мощный, выносливый, но не такой резвый – ушел бы, пожалуй. Но хрипящая от натуги Пери сделала почти невозможное – сократила расстояние ровно на бросок аркана. Один-единственный! Халид до боли прикусил губу, понимая, что второго раза не будет. А он аркан лет пять не кидал!

Анвар опять оглянулся, взвизгнул, понукая кобылу, и Халид взмахнул рукой, не успев даже испугаться неудачи. Крупная петля взлетела вверх и, словно в тягучем кошмарном сне, пролетела над согнутой спиной халисунца и его вжатой в плечи головой... На миг зависла в воздухе – и за этот же миг Анвар оказался прямо под арканом. А Халид понял, что все время броска не дышал. Дернув жгут на себя, он затянул петлю. Халисунец бился, пытаясь освободиться, но ошалевшая от страха соловая рванула вперед, и Анвар вылетел из седла, покотившись по земле. Халид натянул узду, останавливая Пери, но аркан все равно пришлось бросить, иначе Анвара протащило бы далеко за верблюдицей.

Похлопав ее по шее, Халид заставил бедняжку опуститься на колени и пообещал отдать ей завтра весь свой хлеб, а потом, соскочив на землю, подошел к Анвару. Халисунец изрядно расшибся, но все-таки извивался, пытаясь достать нож. Халид лениво пнул его и велел:

– Не дергайся.

– Так и знал... что это ты... – прохрипел Анвар. – А ведь думал, что почудилось... Какие темные джинны... тебя из могилы... вытащили?

– Узнал, значит? – усмехнулся Халид. – А что же ничего не сделал? Неужели думал, что я тебя забыл? Хоть бы нож в спину на привале сунул.

– Сунешь тебе, как же, – растянул в ответной усмешке окровавленные губы Анвар. – Думаешь, не вижу, что матерый волк

вырос? Потому и не признал сразу, совсем теленком был ведь. А теперь и ходишь иначе, и смотришь...

Не пытаясь больше подняться, он чуть повернулся, упав на спину и заглядывая стоящему Халиду в лицо. Облизнул губы, сплюнул кровь в сторону и хрипло заговорил снова:

– Ну что, убивать будешь? Или сначала ремней из моей шкуры нарежешь?

– Может, и нарежу, – задумчиво согласился Халид. – Парня ты уже убил?

Он окинул взглядом тяжело дышащего Анвара, но увесистого кошелька не заметил.

– Не успел, – признался халисунец. – По голове только дал, но там кость, как у быка, отлежится, если не добить. Только собрался его почистить... Эх, джинны тебя заberi! – добавил он с таким искренним алчным сожалением, что Халид едва не рассмеялся.

– Не о том думаешь, Анвар, – сказал он насмешливо и сел возле халисунца на землю, покрытую сухой осенней травой.

Сердце, до этого стучавшее, как копыта Пери, медленно успокаивалось, а вот прежняя злость куда-то исчезла. Сколько лет он мечтал, как повстречает хоть одного из двоих, а лучше – обоих! Повзрослев и заматерев, принялся узнавать, где ходит караван господина ир-Сули, но узнал, что старый караван-даш отпустил всех своих людей и вышел на покой. Следы Анвара и его дружка затерялись, а к Ночной Семье Халид не хотел идти на поклон даже ради этого. Кто ищет мести, тому судьба непременно пошлет ее, нужно только дожждаться. Вот и дождался...

– А где Масул? – спросил он спокойно. – Вы же с ним были, как две стороны одного лезвия, всегда вместе...

– Масул тебе нужен? – протянул Анвар. – А что мне будет хорошего, если я скажу, где он?

– Я тебе тогда кишки на шею не намотаю, – пообещал Халид и потянул кинжал из поясных ножен. – Не зли меня, Анвар. И тогда, может быть, умрешь быстро.

– В пустыне Масул, – буркнул Анвар, отведя взгляд. – Под барханом возле оазиса Дай-Гупур. Уже три года... Опоздал ты с ним, парень, я один остался.

– Плохо, – искренне сказал Халид. – Но ничего. Один хуже двоих, но лучше, чем ни одного.

Он прислушался к себе, удивляясь. И в самом деле, ни злости, ни радости. Это же враг! Смертельный, настоящий! Один из трех ублюдков, которые пустили его судьбу совсем по иному пути, чем хотел Халид. Это из-за них он не стал караванным охранником, а ведь мог бы сейчас уже сам быть Соколом вроде Мехши. И уж точно ел бы честный хлеб, не политый ничьей кровью. А теперь месть у него в руках, но почему же в душе ничего, кроме брезгливости и отвращения? Может, потому, что Анвар кривится, но смотрит на него понимающе, как... его, Халида, собственное отражение?

А халисунец опять сплюнул кровью и поморщился.

– Э, слушай, Халид... – заговорил он вкрадчиво. – Ну что тебе с моей смерти, а? Там на парне золота куда больше, чем сотня монет. Он же еще на самую свадьбу собрал, да ир-Салам щедро отвалил. Все полторы будет, а то и две. Забирай все, слышишь? Ты ведь и сам не ягненок, а? Я твою повадку вижу... Да если бы не мы с Масулом, ты бы до сих пор в караванах пыль глотал... кровью за хозяйскую миску каши расплачивался...

– И не говори, Анвар, – холодно усмехнулся Халид. – Впору поблагодарить за милость. Наставили дурака на верный путь, научили уму-разуму.

Анвар под его взглядом сжался и, подтянув ноги к животу, попытался отползти, а потом зачастил, умоляюще глядя в глаза:

– Э, не надо! Это же не я тебя тогда хотел!.. Это Шемзи, скотина! А мы с Масулом никогда... Убить хотели, это было. Но кто не без греха, а? С этим шакалом Шемзи ты и так посчитался, а мы... Мы при нем были, клянусь! Клянусь! Ну что ты, а? Возьми деньги! Я еще больше дам! У меня на старость скоплено, я тебе все отдам! Богатый будешь, матерью клянусь!..

– Той, что тебе амулет подарила? – прервал его Халид. – Который ты на кусте забыл? Зря не съездил, Анвар, вот и кончилась твоя удача. А ее, сам знаешь, ни за какие деньги не купишь. Попробуй их на тот свет забрать, вдруг получится.

Он крепче стиснул холодную рукоять кинжала, вглядываясь в лицо, которое не раз ему снилось в дурных снах. Нет, Шемзи, конечно, заглядывал в кошмары чаще, но и эти двое там мелькали, и каждый раз

Халид просыпался от исступленной ненависти пополам с омерзительным страхом. Страхом перед тем, что так и не случилось, но ведь могло!

– Кончилась удача... – повторил он, и лицо халисунца исказилось.

Он оскалился, и Халид увидел в тусклом неверном свете молодого месяца, что черных дырок во рту Анвара прибавилось. Похоже, плевался он не только кровью, но и зубами. Надо же, совсем как в прошлый раз, проклятые восемь лет назад. Тогда, прежде чем его скрутили бывшие товарищи, Халид успел дать этому ублюдку в зубы, и улыбка Анвара изрядно поредела.

– Нет! – отчаянно выкрикнул Анвар. – Не надо! Я... Хочешь, я всем правду расскажу?! Я же тебе живой нужен! Шемзи с Масулом больше нет, один я знаю, что ты не виноват! Я! Только я!

– Не только, – улыбнулся Халид, чувствуя, как внутри рвется туго натянутая тетива. Как больно и сладко рвется по-живому старый шрам, который все это время не давал вздохнуть свободно. – Не только, – повторил он, глядя в полные ужаса и непонимания глаза Анвара. – Еще это знаю я сам. Но ты опоздал, Анвар. Восемь лет назад надо было признаваться. Тогда еще стоило... А сейчас уже глупо. Того парня, которого вы опозорили, больше нет, он остался в песках, когда буря накрыла караван. А тот, что вышел из песков... Ему твои признания не нужны.

В горле Анвара что-то забулькало. Халид наклонился, сжимая нож, но чуть помедлил. Подозрения, которые мучили его все последние дни, снова настойчиво полезли в мысли, но... спрашивать Анвара бесполезно. Вот в этом шакалу точно признаваться незачем, об этом он будет молчать до последнего, надеясь, что за него хотя бы отомстят. Разве что пытаться? Халид передернулся от брезгливости и угрюмо подумал, что даже сказанное под пыткой все равно придется проверять, а потом еще доказывать. Ну и какая тогда разница, что скажет Анвар?

Халисунец, увидев у него в глазах свою смерть, беспомощно забрыкался, пытаясь перевернуться. Халид обошел его сзади, взял рукой за сальные патлы и, придержав голову, ткнул ножом в шею под ухом. Анвар захрипел, дернулся и обмяк.

– Шемзи с Масулом привет, – негромко сказал Халид, тщательно вытер нож о куртку мертвеца, распрямился и убрал его в ножны.

Посмотрел на скорчившееся тело и глубоко вдохнул холодный ночной воздух, показавшийся невероятно сладким. Оглянулся на Пери. Верблюдица мирно паслась немного в стороне, а вот кобыла Анвара так и умчалась куда-то вдаль. Ничего, места здесь не дикие, прибьется к людям.

Халид поискал взглядом темное пятно лошадиного силуэта и зашагал к нему. Поймал коня и тщательно проверил все копыта. Ну так и есть! Анвар, паскуда, загнал ему камушек в стрелку, пока помогал чистить, и жеребец теперь тянул правую заднюю. Зло ругнувшись, Халид как смог почистил копыто кончиком ножа. Намин, конечно, не скоро пройдет, но до города гнедой доберется, а в конюшне его полечат.

Неподалеку от жеребца обнаружился и Туран. Хоть в этом шакалий ублюдок не соврал, парень был жив и даже понемногу приходил в себя. Халид опять опустился на колени, ощупал здоровенную шишку на затылке охранника. Наверняка Анвар хотел представить все так, что Туран сам вылетел из седла и сломал шею или пробил голову, поэтому бил не ножом, а чем-то тяжелым. Камнем, похоже... ну что ж, повезло и тебе, парень, и этой твоей... крутобедрой.

Халид похлопал Турана по щекам, безжалостно растер ему уши, и охранник пришел в себя настолько, что захлопал глазами и выдавил:

– Ты... кто? Человек... или джинн?

Сообразив, что Туран видел его без платка всего пару раз и в темноте попросту не узнал, Халид едва не расхохотался. Ну что за удача! Он-то думал, придется уговаривать дурачка молчать, а тут такое!

– Я джинн... – согласился он, постаравшись говорить хрипло, как старик, рассказывающий страшную сказку. – Но тебе нечего бояться, Туран, потому что я спас тебе жизнь и отпущу... Если исполнишь три моих желания! – само подвернулось на язык.

– Невесту не отдам! – вскрикнул Туран, шаря по поясу в поисках сабли, и Халид про себя одобрительно хмыкнул.

Дурак дураком, но все-таки спорить с джинном не всякий отважится!

– Не нужна мне твоя невеста, – просипел он. – Я другой джинн, не из тех, что воруют женщин!

– А... что тогда? – растерялся Туран. – Что тебе нужно, господин джинн?

Его ладонь предательски ухватила за кошель, но вторая все-таки легла на черенок ножа, и Халид несколько мгновений подумал, вдруг все-таки из парня выйдет толк? И не таких дорога обтесывала, превращая в неплохих вояк. Но потом вспомнил невероятное простодушие Турана и его любовь к этой... с грудью как кувшины, как же ее там... а, какая разница?

– Ты никогда никому не расскажешь, кто тебя спас, – прохрипел Халид. – Это мое первое желание. Мы, джинны, не любим лишней болтовни! Если мои собратья узнают, что я не сожрал человека, а отпустил... Они тебя найдут!

– Не скажу! – выпалил Туран. – Матерью клянусь, господин джинн, никому не скажу!

– Второе желание! – Халид сам себе удивился: что это на него нашло? Вроде добрые дела творить не нанимался. Но вот... жалко этого дурака. – Ты никогда не будешь хвалиться! Ни деньгами, ни красотой своей женщины, ни достатком в доме или детьми. Ничем, ясно? Помни, Туран, ты не знаешь, кто тебя может услышать. У вас, людей, сердце бывает чернее, чем у нас, джиннов. Если бы кто-то из тех, кому ты хвалился выкупом за невесту, нашел тебя беспамятного, что было бы, а?

– П-п-понял, господин джинн, – пролепетал парень, хватая кошелёк и в ужасе его тиская. – Никому... Никогда больше... Обещаю...

«Ну, привычка не болтать ему точно пойдет на пользу, – устало подумал Халид. – А третье... Ладно, будем считать, что это мой подарок на свадьбу. Правда, не ему, а той девчонке, которой не придется ждать мужа большую часть жизни. Забавно, я ведь так и не могу вспомнить ее имени... Зато я точно знаю, что мало кто из караванных джандаров успевает увидеть, как растут их дети».

– Ты найдешь себе другое дело, Туран! – провыл он как можно страшнее. – Женишься и больше не поедешь с караваном!

– Но как же...

– Джинны, Туран, – прошептал Халид, наклоняясь почти к самому лицу парня. – Они повсюду. И если ты надолго уедешь из дома, кто защитит твою красавицу-жену? Кто осушит ее слезы? Ты так вопил на

всю степь о ее красоте, что тебя слышал не только я, но и двенадцать дюжин моих братьев...

– Понял, господин джинн! – заорал Туран и вскочил так резво, что Халид едва успел отшатнуться. – Шагу из дома не сделаю! То есть из города! – благоразумно поправился он. – Что я, другого дела не найду?

– Найдешь-найдешь, – согласился Халид и, пока Туран метался вокруг жеребца, потихоньку отступил в темноту.

Добрался до Пери, которая встретила его ласковым пофыркиванием, погладил мохнатую морду и тихонько рассмеялся.

– Буду жив – расскажу Разну, как был джинном. Вот уж кто посмеется! Но сначала нужно закончить дело.

Похлопав верблюдицу по шее, он заставил ее встать на колени, сел в седло и повернул обратно, в сторону оставленного каравана.

ГЛАВА 16. Сны и сказки

Сейлем ир-Кицхан с гадкой усмешкой смотрел на Фариса, поигрывая рукояткой кнута. Кожаная лента змеилась кольцами, то и дело лениво выстреливая острым жалом в сторону ир-Джейхана. Словно замороженный, Фарис был не в силах даже шевельнуться. Сейлем, ухмыляясь, сделал шаг вперед, другой, третий. Вместо кнута у него в руках вдруг оказался нож, сделанный Разном. Сейлем замахнулся... Фарис видел, как медленно, будто сквозь прозрачную толщу воды, приближается тусклое лезвие. Ни закричать, ни уклониться, ни ударить в ответ... Пытаясь сбросить оцепенение, он рванулся изо всех сил, однако тут за спиной Сейлема выросла темная фигура без лица, но смутно знакомая. Раздался смех, омерзительный и жуткий одновременно, и все сразу закончилось.

Мокрый, хоть выжимай, Фарис вскочил и сел на влажной постели, прижав руку к бешено стучащему сердцу.

Один и тот же сон. Уже третью ночь подряд он мучил Фариса перед самым пробуждением. Самым отвратительным в этом сне был страх, сковывающий тело, не дающий даже вздохнуть. А еще преследовало чувство, что стоит лишь узнать человека за спиной Сейлема, и страх исчезнет вместе со слабостью, позволив противостоять врагам. Но для этого каждый раз не хватало нескольких мгновений!

Медленно подышав пару минут, как учил его Разн, Фарис босиком прошлепал по прохладному, натертому воском деревянному полу, открыл окно и вылез в сад. Ежась от утреннего мороза, подошел к колодцу и вылил на себя ведро студеной воды, смывая кошмар вместе с липким потом. Кожу будто ошпарило, а воздух показался горячим, как в бане. Тихо ругнувшись, Фарис запрыгнул в окно гораздо быстрее, чем спускался наружу, и бросился растирать порозовевшее тело грубым шерстяным полотенцем. Остатки плохого настроения исчезли вместе со слабостью, он быстренько оделся и отправился на кухню, откуда слышались голоса.

В доме были гости. Мать, за три дня еще не привыкшая к неожиданному счастью, металась от плиты к столу, накрывая завтрак.

Фариса она встретила смущенной сияющей улыбкой и немедленно принялась вокруг него хлопотать. Очень мягко, но решительно прекратив попытки обращаться с ним, как со смертельно больным, Фарис коснулся губами теплой, рано увядшей щеки матери и поздоровался с гостями.

– Доброе утро, дядя Фарид. Доброе утро, дядя Нафаль.

Те чинно кивнули, и Фарид как самый старший, вдобавок глава рода ир-Джейхан, пожелал процветания дому Фариса и его семье.

А за дверью уже слышалось настойчивое сопение. Непринужденно прикрыв собой тарелку с только что испеченными, еще горячими медовыми коржиками, Фарис ловко цапнул пару верхних, сделал шаг назад и, не оборачиваясь, просунул их в широкую щель. Коржики мгновенно исчезли из его ладони, и за дверью раздался удаляющийся топоток.

Нафаль и Фарид понимающе переглянулись, спрятав улыбки. Пятилетнего Хамида как раз начали приучать к тому, что младшие не должны докучать старшим, пока их не позвали к столу. И хотя в другой раз пожилые дядюшки сами приласкали бы малыша и сунули ему гостинец, но воспитание стойкости и почтения к взрослым – наука для будущего мужчины необходимая. Вот они и хранили серьезность, изо всех сил делая вид, что не помнят о Хамиде и даже не подозревают, кто это там томится за дверью.

Ну а Фарис... После смерти отца и брата он остался в своей ветви рода за старшего, так что кому же еще баловать младшего братишку, последнюю память о погибшем отце? И Хамид, не смея незваным пробраться на кухню в присутствии гостей, прекрасно сообразил, что вновь обретенный обожаемый брат непременно поделится лакомством, не нарушая обычаев.

Вежливо поклонившись, Фарис уселся на свободный стул и набил рот коржиком, запив его приятно горячим кофе. Может, утро и обещало на редкость ясный и безмятежный день, однако эти двое появились в его доме точно неспроста. Родичи... Фарид был старшим братом его отца, Нафаль – младшим. Схватка в Степи, лишившая Нафаля правой руки, осиротила его племянников, так что забота о семье среднего брата легла на плечи двух оставшихся.

Позор Фариса тяжело лег не только на его мать с сестрами и младшего братишку, но и на дядю – главу рода, и на весь род Джейхан.

Тем больше было счастья, когда Нисталь узнал, что честь семьи не запятнана. После собрания дядюшки с торжеством увели оправданного племянника домой, и следующие два дня превратились в непрерывный праздник для всех, кроме самого Фариса.

Донельзя довольный, глава рода принимал извинения и поздравления от старейшин долины; мать и сестры не сводили с вернувшегося глаз, ловя любые желания и торопясь исполнить их; маленький Хамид просто вцепился в него, не отпуская ни на шаг, и целыми днями хвостиком бегал за старшим братом.... И все были счастливы.

Только Фариса все больше тяготил этот непрерывный поток восторга родных и смущенных сожалений гостей. Ему ни на минуту не удавалось вырваться к Разну, которого никто и не подумал пригласить на бесконечные семейные застолья. А когда сам Фарис попросил послать за целителем, дядюшка Фарид развел руками и с благодушной улыбкой пообещал, что чужестранцу непременно выразят заслуженную благодарность. Просто немножко попозже! Когда на дорогого племянника, по сути воскресшего из мертвых, нарадуется его собственная семья...

Чем этой радости помешает человек, благодаря которому Фарис как раз и воскрес, он так и не понял, но спорить с дядюшкой было бесполезно. Фарис вдруг с изумлением понял, что ему не разрешают пригласить дорогого ему гостя в собственный дом! Вспыхнув, он уже собрался напомнить дорогому родичу, кому тот обязан жизнью племянника, но тут Камаль потихоньку передал ему весточку от Разна. Целитель просил не беспокоиться и заглянуть к нему через пару дней, когда волнения поутихнут.

Принимать Камалья ему, к счастью, никто не запретил, хотя Фарис видел, что некоторые гости кривятся, а сам Камаль старается быть как можно незаметнее. Но тут уж Фарис никого и слушать не стал, увел его к себе в комнату и от души поблагодарил. После того что сказал Разн, он боялся, что Камаль наговорит лишнего или начнет признаваться в каких-то глупостях, но тот лишь улыбнулся в ответ с такой нежной благодарностью, словно это Фарис оказал ему величайшую услугу, а не наоборот.

— Прости, подарить нечего, — вздохнул Фарис. — Конь тебе не нужен... Но с ближайшей ярмарки что-нибудь привезу!

– Не надо с ярмарки, – снова удивительно застенчиво улыбнулся Камаль, почему-то пряча взгляд. – Если в самом деле хочешь порадовать... Помнишь, ты когда-то сережку носил в правом ухе? Колечко такое медное... Вот его подари, если не жалко.

– Медную серьгу? – удивился Фарис. – Она же совсем простая, ни камня, ни резьбы! Безделица дешевая!

– Вот и хорошо, – улыбнулся самыми уголками губ Камаль. – Никто ее не узнает и на тебя лишнего не подумает. Я же просто на память прошу...

Окончательно смутившись, Фарис отыскал чудом не потерявшуюся серьгу – и вправду самое простое медное кольцо, которое сам выковал еще мальчишкой. Дед все пытался приучить его к своему ремеслу, передать секреты, но учеба не пошла впрок. А серьга, одна из первых проб так и не полученного кузнечного умения, осталась, и Фарис ее действительно долго носил, пока не сменил пояс на серебряный и не избавился заодно от всей меди. Пояс-то потом вернулся, а вот серьга завалялась...

– Держи, – неловко отдал он ее Камалю. – Но подарок я тебе все-таки настоящий сделаю!

Камаль, покачив головой, крепко сжал ладонь с безделушкой, и его глаза просияли так, словно ему подарили шахский венец или что там носит пресветлый государь. Больше он в доме Фариса не появлялся, да и праздник постепенно прекратился. Радость радостью, но работа по хозяйству сама себя не сделает.

Но если не считать неловкой обиды за Разна и дурных снов каждое утро, все было бы просто замечательно! С расслабленной ленцой думая об этом, Фарис даже не заметил, как тихонько исчезла мать, оставив мужчин одних, и только по виду дядюшек, разом переглянувшихся, понял, что пришло время разговора. Облегчать им задачу вопросами он не собирался, твердо усвоив из уроков целителя, что наносящий первый удар всегда рискует больше.

– Ну как ты, Фар? Отдохнул? – мягко поинтересовался Нафаль, заботливо подвигая к нему печенье, до которого Фарис великолепно дотягивался и сам.

– Да, дядюшка, благодарю за заботу.

– Мы все за тебя рады, ты ведь знаешь.

– Я знаю, дядюшка.

Фарис невозмутимо подлил себе кофе.

– Нелегко тебе дался этот месяц, верно, парень?

– Нам всем нелегко пришлось, дядя Нафаль, – отозвался Фарис, чувствуя, что травник настойчиво куда-то клонит, но не понимая куда.

– Ну, тебе-то хуже всех досталось. А этот твой лекарь, он тебя не обижал?

– Разн? – удивился Фарис. – Нет... Как он мог меня обидеть?

Дядюшки снова переглянулись, причем Фарид слегка покраснел.

– Понимаешь, – неуверенно продолжал Нафаль, – люди разное болтают. К нему ведь до этой истории Камаль захаживал, а с ним давно все ясно. Ладно, дело молодое, не к девушкам же чужаку приставать. А Камаль, он как дерево у дороги: всякий яблочко сорвет. Ну вот, а потом-то ир-Фейси перестал к лекарю бегать, когда он тебя в дом забрал. Так что кое-кто и начал нехорошее поговаривать...

– Что я у Разна вместо постельной грелки? – холодно уточнил Фарис. – И что же это за люди, хотелось бы знать? И вы тоже так думали? Про меня?

«А ведь думали, – понял он с пронзительной ясностью, глядя на смущенно отводящих глаза родичей. – Решили, что чужестранец нашел себе новую игрушку взамен Камалю, потому и от столба отвязал. И... смирились? Похоже на то. Просто выкинули меня из своей жизни, забыли, будто и не было у них племянника. Ашара не человек, и всем наплевать, что с ним делает хозяин. А если бы меня Сейлем отвязал?! Неужели во всей долине нашлись только два человека, которые поверили в мою невиновность?! Разн и... Камаль? И все?!»

Что-то внутри натянулось, как тетива, и вдруг порвалось, хлестнув острой обжигающей болью. Вот так вот... Он ведь любил и почитал своих старших родственников, доверял им, как и друзьям. Тем самым лихим парням, что не побоялись бы столкнуться с отрядом степняков и с восторгом шли за ним на любые проказы. А хотя бы разок прийти вечером в дом целителя и поговорить с бывшим другом, узнать, в самом ли деле он виноват, испугались. Но то хотя бы не родня, а вот его дядюшки да двоюродные братья... На мать и сестер он обижаться даже не думал: приличные женщины не имеют права даже выйти на улицу без сопровождения мужчины, а дом Разна – последнее место, куда они могли попросить их проводить. Но вот эти самые мужчины!

– Что за люди, дядя Нафаль? – повторил он.

– Да какая разница? – увильнул травник. – Я про лекаря ничего худого сказать не хочу, но он здесь покрутится и уедет, а тебе жить. Худая слава век не ржавеет, как говорится.

– Да какая слава?! – с тихой пока еще злостью выдохнул Фарис. – Разн меня спас, делил со мной кров и еду, лечил меня. Какая тварь осмелилась про нас такое сказать? Он мне старшим братом стал! И весь наш род, если еще не забыли, дядя, ему честью обязан. Кто доказал, что я не виновен?

– Ты, племянник, не кипятись, – прогудел, вступая в разговор, Фарид. – В то, что молодой ир-Кицхан болтает, никто из умных людей не поверит, а на дурней плевать...

– Так это Сейлем такое несет? – гневно перебил старейшину Фарис. – А он не рассказывает, как они с Касимом да Салихом подкараулили меня и пытались кнутом отходить? А потом избили так, что Разну пришлось мне магией кости сращивать. Об этом он молчит? И как старейшина Самир домой к нам пришел требовать, чтобы целитель меня же за драку и наказал, а Разн его отправил восвояси. Об этом он помалкивает?

– Вот оно что, – поморщился Фарид. – Ну, Сейлем, гаденыш! То-то Самир на меня волком смотрит...

– У обычных людей дерьмо извергается снизу, – процедил Фарис, – а у Сейлема изо рта. Из уважения к семье Саттах, которая не виновата в делах этого выродка, я не буду мстить Сейлему за тот случай. Но если он еще хоть словом оскорбит меня или целителя Разна, позову ублюдка в круг, и пусть нас ножи рассудят.

– Еще чего не хватало, – посуровел глава семьи. – Из-за Самирова щенка семьи ссорить? И думать забудь. А что касается лекаря, так его, конечно, поблагодарить надо. В гости позвать, угостить, подарок достойный на память поднести. Это само собой! Ты не беспокойся, мы с Нафалем сами обо всем позаботимся, обижаться ему не придется.

– Подарок, значит? – Фарис хмуро посмотрел на него. Что-то поздновато родичи спохватились. Благодарность, конечно, не молоко, не прокиснет, но и тянуть с этим не следовало. Он бы на месте Разна как раз обиделся, что род ир-Джейхан зовет его на обеды своего праздника, когда разве что глубокие старики да лежачие больные не

поздравили их с оправданием. – А от меня вы что хотите, дядюшка Фарид? Вы ведь за этим пришли, вас рассказы Сейлема не волнуют.

Старейшина с явным облегчением вздохнул.

– Ну, раз уж ты сам понимаешь... Не стоит тебе к нему больше ходить, Фар. Тут не в сплетнях, конечно, дело. А только простым людям лучше от чародеев подальше держаться, ты уж мне поверь. Кто его знает, что этому Раэну от тебя нужно?

– Он мой друг.

– Это тебе так кажется, племянник, – ласково возразил Фарид. – У колдунов друзей не бывает, а этот Раэн – чародей не из последних. Думаешь, он с тобой месяц в одном доме жил, так вы теперь побратимами стали? Вот увидишь, он отсюда уедет, о тебе и не вспомнит. И то еще хорошо, если не вспомнит. Слышал я о волшебниках, которые себе молодость за чужой счет продлевали. Заманит он дуралея вроде тебя, да и выпьет из него жизнь. Больно уж личико у твоего лекаря юное да смазливое... Не по умениям...

– Дядя Фарид!

Слушая чушь, которую с серьезным видом нес глава рода, Фарис никак не мог понять, возмутиться ему или посмеяться. Раэн – темный джинн, крадущий чужую молодость?

Однако переубеждать дядюшку было бессмысленно. Если уж почтенный Фарид ир-Джейхан что-то вбил себе в голову, обратно этого и стенобитным тараном не выбьешь. Но он все же попытался в последний раз:

– Дядя, его ведь сам верховный предводитель другом зовет. Неужели такой человек стал бы с черным магом знаться?

– Так предстоятелю уже лет, как нам с Нафалем вместе взятым, наверное, – возразил старейшина. – Мог и не рассмотреть, с кем дело имеет.

– Ладно, – притворно покорился Фарис. – Как скажете, дядя. Можно мне хотя бы сегодня сходить к нему попрощаться?

– Само собой, Фар. – Глава рода расплылся в довольной улыбке, видя похвальное послушание племянника. – Сходи, вреда от этого не будет. Вот и Нафаль с тобой пройдет, двум лекарям всегда найдется, о чем поговорить.

«Ага, – не мог мысленно не съязвить Фарис, – конечно, найдется. О черной магии, к примеру!» Так. Значит, родичи твердо решили не

дать ему даже увидаться с Разном наедине. И можно сколько угодно убеждать их, что пожелай Разн забрать его жизнь или молодость, никто бы ему не помешал, когда Фарис, бесправный и всеми отвергнутый, жил в доме чародея. Пустое. Дядюшки уже все решили.

Можно не сомневаться, теперь у них найдется для него куча поручений, которые непременно нужно сделать поскорее. А потом страшно занятой дядя Нафаль все-таки выкроит немного времени, чтобы посетить уважаемого целителя. Пожалуй, и подарок с собой возьмет, чтобы два раза не ходить. И в гости позовет, но так, что Разн после подобного приглашения носа к ним не сунет. В Нистале, где чужаки встречаются реже двухголовых телят, это еще как умеют.

И Фарис будет стоять за спиной дядюшки, не смея сказать лишнего слова о том, что касается только их двоих.

А как же таинственный стрелок, умеющий прыгать на два десятка шагов? Чародей останется с ним один на один? И не будет больше ежедневных уроков сабельного боя? И вечерних посиделок у очага с кофейником и кучей лепешек! И игры в нарды под неторопливые насмешливые рассказы о жизни в большом мире? И того, кто погубил нистальских парней, Разн тоже будет искать в одиночку?! Ну-ну!

Вот интересно, догадаются ли почтенный Фарид с уважаемым Нафалем прицепить к нему кого-нибудь из сверстников, чтобы не дать улизнуть потихоньку? Или сами возьмут под опеку любимого младшего родича, оберегая от подозрительного чужака. Ну-ну!

Фарис вздохнул, с должным почтением наливая дядюшкам свежий кофе. Нафаль, знающий его получше, взирал на странно быстро смирившегося племянника с явным недоверием.

– Может быть, сегодня я и не смогу, – словно вспомнив о чем-то, сообщил Фарис. – Мать просила починить ворот у колодца. И по хозяйству всяких мелочей накопилось...

– Плохо, когда дом без мужского пригляда, – все еще подозрительно согласился Нафаль. – Может, прислать кого из ребят, чтобы помогли?

– Спасибо, дядя Нафаль, – благодарно улыбнулся Фарис. – Если Абид не слишком занят, пусть придет. Я буду очень рад. Сами знаете, с топором и пилой он куда лучше меня управляется.

– Это точно, – хохотнул старейшина. – Ты у нас все больше с саблей да арканом. Дело нужное для войны, а для мира неплохо бы и

ремеслу подучиться. Вот и пусть Абид хоть что-нибудь тебе покажет. А к лекарю своему успеешь сбегать, не завтра ведь он уезжает.

Последние слова глава рода Джейхан проговорил с явным сожалением.

– Спасибо за беспокойство, родичи.

Фарис встал и почтительно поклонился, заслужив одобрительный взгляд Фарида и пристальный – травника Нафаля. Чтобы окончательно развеять подозрения, пришлось несколько смущенно попросить, провожая гостей:

– Дядя Нафаль, скажите Абиду, пусть рабочий припас возьмет, а то у меня, боюсь, и долота порядочного не найдется. Я еще Рамиля ир-Фейси попрошу, втроем мы с этим воротом за день точно управимся...

Вот на этом следовало закончить, чтобы не пересолить лапшу. Авось дядюшке не придет в голову посылать кого-то в усадьбу ир-Фейси, чтобы позвать Рамиля. Ну, а если и так, троюродный братец Камалю не подведет – слишком часто сам Фарис прикрывал проделки этого лиса. Так что бедолага Абид, явившись со снаряжением для починки колодца, вряд ли застанет Фариса дома: очень уж долгая это работа, даже втроем они провозятся почти весь день, снимая ворот, вырезая новый и водружая его на место.

Дядюшкам совершенно не о чем беспокоиться – Фарис очень хотел бы навестить своего спасителя, но неотложные дела удержат его сегодня дома!

Ничего, еще один последний денек сестры потаскают воду просто ведром с веревкой.

А Фарису просто позарез необходимо увидеть Разна. Грязная сплетня, пущенная про них Сейлемом, просто пыль на ветру, а вот разговоры о черном колдовстве уже нет. Слишком хорошо он знал Нисталь, где безобидный намек, подхваченный досужими языками, быстро обрастет такими подробностями и домыслами, что вернется к источнику совершенно неузнаваемым.

Стоит кому-то распространить слух, что целитель Разн – чернокнижник, и ничего хорошего из этого не выйдет. Может, он и способен за себя постоять, но после драки с какими-нибудь болванами Разну придется уехать из долины. И тогда прощай, надежда отыскать и истребить просочившееся в Нисталь зло...

Проводив дядюшек и набив карман коржиками, – не все же Разну его печеньем кормить! – Фарис ненадолго забежал к матери. Пообещал заняться воротом завтра же, а братцу Абиду, когда придет, попросил передать, что Фариса позвала поговорить одна девушка... Ахнувшая от приятного удивления мать немедленно пожелала узнать, что это за девушка такая, что ее сын бежит к ней с горящими от радости глазами. Фариса кольнула совесть, но он очень правдоподобно смутился и сказал, что девушка пришла под покрывалом и сказала всего пару слов через ограду в саду.

Разоблачения он не боялся. Мало ли какие сердечные дела могут у него быть! А если уж девушка решила прийти сама, хоть и с прикрытым лицом, значит, все серьезно, и ради этого стоит бросить любые домашние заботы. Покладистый Абид разве что порадует за двоюродного брата, а дядюшке Нафалю будет о чем задуматься, помимо приезжего мага.

Ухмыльнувшись веселым мыслям, Фарис еще раз поцеловал мать, выскочил через заднюю калитку и спустился по крутому склону холма, привычно цепляясь за тонкие прочные ветки покрывающих пригорок кустов. Здесь когда-то жил небольшой род, целиком погибший при набеге степняков, и больше никто не захотел селиться на несчастливом месте. Придется сделать изрядную дугу через одичавшие сады и пару давно заросших полей, но зато этот путь приведет его прямо к дому целителя, минуя множество любопытных глаз...

* * *

Разн вытер мокрый лоб рукавом рубашки. Полоска полотна, которую он повязывал перед работой, чтобы пот не заливал глаза, сегодня совсем не помогала. Да и рубашка уже была – хоть выжимай. Светлые боги, как же он устал...

Шестилетняя девочка из рода Керим упала с дерева, куда полезла рассмотреть опустевшее птичье гнездо. Высота, правда, была небольшой, но на беду дерево росло на склоне над берегом ручья, и малышка, сорвавшись, покатила по каменистой круче до самой воды. Старший брат девчушки прискакал за лекарем, держа в поводу оседланную лошадь, по совершенно белому лицу парня Разн уже все понял, но прыгнул в седло.

И все-таки он успел вовремя. В изломанном тельце еще теплилась жизнь, хотя должна была вот-вот погаснуть. Раздробленные ребра,

пробившие легкое; открытый перелом голени – сложный, со смещением и разрывом мышц, от подобных на всю жизнь остается хромота; сотрясение мозга и самое страшное – трещина шейных позвонков, чудом не сломавшихся при страшном ударе о камни.

И при этом она была жива! Хвала небесам, ее родным хватило ума не переносить девочку с того места, где она остановилась в своем жутком полете, а сразу послать за целителем. Совсем юная мать, не уследившая за шаловливой дочкой, рвала роскошные длинные косы и билась бы головой о землю, если бы пара дюжих мужиков не держала обезумевшую женщину. Зато вопли разносились на всю округу. Понимая, что работать при ней не получится, а уводить – бесполезно и жестоко, Раэн потратил несколько драгоценных мгновений и усыпил несчастную.

А потом была работа. Тяжкая, изнурительная работа мага-целителя, шаг за шагом тянущая ребенка от края бездны, имя которой – смерть. В какой-то момент Раэну показалось, что все бесполезно, когда он понял, что в мозгу девочки уже образовалась гематома и вот-вот парализует дыхательный центр. Но, стиснув зубы, он с ювелирной точностью и расчетом продолжил...

...Тонкие косточки голени воском плавятся под пальцами, чтобы слиться без малейшего следа. Срастить мышцы, восстановить кожу. Привычные экономные движения – ни одного лишнего. Это просто перелом... Сколько их было до тебя, девочка? Сколько будет еще?

Сгустки крови в легких – прочь, и новые упругие альвеолы возникают за решеткой восстановленных из костной крошки и щепы ребер. Шейные позвонки? Филигранное, тончайшее касание Силой, и от зловещей трещины не остается даже воспоминания.

Сила. Тугая кипящая Сила струится из ладоней щедрым потоком, и в глубинах серо-розового комка, что пульсирует под хрупкой черепной коробкой, отвратительный спрут гематомы тает, тает, тает...

Сила. И закрываются глубокие порезы на нежной коже, стираются, словно царапины на сливочном масле.

Сила. И дрожат ресницы, длинные, пушистые, изогнутые, что лет через десять будут сводить с ума озорных парней Нисталя. И колеблется в тихом ровном дыхании маленькая фигурка, сонно сопя и надувая пухлые губки на смуглом личике. Сила... Сила... Сила...

Стоя на коленях у тела девочки, Раэн покачнулся, опершись ладонью о землю. Рука дрожала. Ничего удивительного, обычный откат, скоро начнется по-настоящему. Без мастерства, выработанного многими годами невероятного труда, и без Силы, что является одновременно инструментом и лекарством, нет истинного Исцеления. Но главное, без чего оно попросту невозможно, это отчаянная, непреклонная решимость отдать пациенту часть собственных жизненных сил, оторвать их от себя через боль и слабость, заранее зная, какой будет расплата.

Раэн согнулся от скрутившей все мышцы судороги. Родное тело, ограбленное ради чужого спасения, свирепо мстило тошнотой, волнами жара и озноба, головокружением и болью. Ничего, пройдет. Усилием воли подавив дурноту, он подозвал пожилую женщину, неотрывно следившую за лечением, и велел перенести девчущку в дом. Кратко объяснил, что через пару часов она проснется, через два-три дня окончательно и надежно срастутся кости, а до той поры малышке придется полежать в постели...

И тут все существо Раэна накрыла пронзительная тревога, едва не заставившая его взвыть от бессилия! В доме возле площади сработали магические сторожевые метки, предупреждая, что пришел хорошо знакомый человек. И почти сразу смолкли. Нехорошо смолкли, неправильно! Что-то скверное прямо сейчас происходило с Фарисом, который пришел к нему домой.

До крови закусив губу, Раэн заставил себя встать. Пошатываясь, попросил разрешения одолжить коня и с трудом закинул непослушное тело в седло под изумленными взглядами домочадцев рода Керим. Ну, ничего, из седла не выпадет, не настолько плохо его учили. А вот что потом? Оставалось только надеяться, что за время скачки он успеет в достаточной мере прийти в себя. Надежда была слабой и больше смахивала на самообман. А если хорошенько обмануть себя, может, и остальные поверят?

* * *

Свернув к дому Раэна, Фарис толкнул калитку и прошел по утопанной дорожке к крыльцу, торопливо постучал в дверь. Конечно, чародей всегда заранее узнавал о приближении гостей, но он ведь мог с головой погрузиться в работу, отрешившись от всего окружающего, или просто уйти из дома.

Не дождавшись ответа, Фарис поднялся на крыльцо, рассудив, что вполне может подождать в доме. Вряд ли Разн будет против, сам же звал в гости. Если он вышел в харчевню, это ненадолго. Вот если позвали к больному, тогда придется потерпеть ожидание. Но посидеть в знакомой кухне, где он может сварить кофе, все равно лучше, чем тюкать топором под присмотром славного, но очень нудного Абида. Так что он толкнул дверь и вошел. И, едва переступив порог, успел понять, что делать этого не стоило.

Первым, кого он увидел, был улыбающийся Сейлем, а потом сбоку выросла темная фигура, и удар по голове отправил Фариса в темноту.

* * *

К вечеру стало ясно, что Анвар не вернется. Конечно, доподлинно это знал только Халид, но он помалкивал, превратившись в глаза и уши, а вот караван бурлил, как поставленный на угли котелок с жидкой просяной кашей. Даже пара дней промедления из-за отбившегося охранника – это потерянные деньги, и караван-даш вовсе не был счастлив этому, но и бросить своего человека в полной неизвестности не мог.

Разъяренный Мехши, которому досталось от ир-Салаха, погнал трех охранников на прошлый привал у родника, куда якобы уехал Анвар, и велел привезти халисунца живым или мертвым. Лучше бы живым, тогда Сокол сможет снять с него шкуру, натянуть на барабан и подарить какому-нибудь джунгарскому табору... Охранники покивали – и уехали в ночь. Само собой, все понимали, что с Анваром что-то неладное, иначе с чего бы он пропал? Может, его змея укусила или лошадь неудачно скинула... Тогда еще есть надежда найти живым. А вот если халисунец наткнулся на степняков, забравшихся далеко от своих юрт, или на местных разбойников, то это и для каравана может кончиться плохо. Смотря у кого окажется больше сабель.

Халид спокойно слушал разговоры, скармливал Пери обещанные лепешки и гладил мохнатый нос. Верблюдица кокетливо опускала ресницы, вздыхала и осторожно брала у него лакомство, скользя по ладони мягкими губами. Она-то как раз была не против неожиданной передышки в пути.

– Завтра с утра в дорогу! – вечером второго дня хмуро бросил вернувшийся от караван-даша Сокол. – Наши нас догонят, они налегке. А сегодня посты вдвое! В Казруме отдохнете, у Турана на свадьбе! Эй, Халид, куда тебя прошлой ночью носило?!

– Верблюдицу гонял, – спокойно отозвался Халид. – Она плохой травы поела, живот разболелся.

– Что, всю ночь? – нахмурился Мехши. – Ты что, арбакеш? Тебе серебром не за то платят, чтобы ты навоз вытряхивал из больной скотины! Заболела, так надо было из арбакешей кого-то поднять и отправить!

– В другой раз так и сделаю, Сокол, – ровно согласился Халид. – Скажи мне только, кто из арбакешей умеет правильно гонять верблюдов с раздутым брюхом? И кого из них подпустит сердитая от боли верблудица, чтобы размять живот?

Словно подтверждая его слова, умница Пери раздула ноздри и фыркнула поверх плеча Халида, а потом еще и копытом притопнула.

– Ай, да чтоб меня так девки слушались, как тебя – эта подлая скотина, – пробормотал Мехши, отошел и напустился на какого-то бедолагу, что криво поставил повозку.

Халид про себя лишь усмехнулся. Тот, кто спорит с пустынным о верблюдах, сам виноват в своей глупости. Но Мехши проводил цепким взглядом...

Утром третьего дня караван обычным порядком отправился в путь, а к обеду его догнали посланные охранники и рассказали, что нигде не нашли ни Анвара, ни его кобылу. Словно джинны их унесли!

– Может, и унесли, – негромко сказал Халид, ни к кому не обращаясь, но Мехши тут же вскинулся:

– Джинны, да? Может, расскажешь нам, сын пустыни, какие джинны могут унести всадника вместе с конем?! Хотел бы я поглядеть на этих джиннов! Уж я бы с ними поговорил!

– Не кричал бы ты о джиннах, Сокол, – пугливо пробормотал кто-то из джандаров. – Говорят, они слышат все, что срывается с людского языка!

Халид молча улыбнулся под платком, снова укрывшим его лицо, и подумал, что найти Анвара и его лошадь – совсем простое дело, если поехать в нужную сторону. Да только искать его именно там вроде бы незачем, если не знать, куда отправился халисунец...

– Что ж, – сказал он так же негромко и безразлично. – Если так, может, им понравились Анваровы сказки? Вот и забрали его с собой, чтобы послушать?

И погладил морду Пери, а потом протянул ей очередную лепешку, которую верблюдица взяла чинно, как невеста на смотринах.

– А что, Анвар хорошо сказки рассказывал? – изумился тот же джандар. – Вот никогда от него не слышал!

– Значит, он их не всем рассказывал, наверное, – равнодушно пожал плечами Халид. – А я вот помню его любимую сказку про ворона и сокола, забавная она.

– Так ты что же, Анвара давно знаешь? – Узкие глаза Мехши превратились и вовсе в щелочки, и Халид кивнул. – А что молчал об этом? Да и он тебя раньше не вспоминал...

– За него говорить не могу, – усмехнулся Халид, – а меня никто не спрашивал, вот я и молчал. Анвара же я помню... лет восемь, пожалуй. Он тогда ездил в караване почтенного ир-Сули. Просто я в друзьях у него никогда не ходил, он все больше с Масулом да Шемзи Кривым один котелок делил.

– А, верно... – откликнулась сразу пара голосов. – Анвар с Масулом дружил! Эй, Сокол, да ты же помнишь Масула? Храбрый был парень, жалко, что погиб!

– Масула я помню, – медленно отозвался Мехши, разглядывая Халида так, будто впервые увидел. – А вот сказку про ворона тоже не слышал. Забавная, говоришь?

– Кому как, – опять усмехнулся Халид. – Мы в пустыне любим сказки подлиннее, а эта очень уж коротка. Жил-был когда-то ворон и, как положено его племени, клевал падаль, да и разбоем не брезговал. Но у таких птиц много врагов, и вот однажды ворон поклонился отважному соколу и попросил его защиты, а взамен предложил делиться добычей...

– Ну и брехливая же сказка! – не унимался болтун Арпан. – Когда это соколы лъстились на падаль?

– Обычные соколы этим брезгуют, все верно, – согласился Халид, замечая, что все больше ушей прислушивается к его разговору с Мехши. – Но этот, наверное, старый был, сам не мог уже добывать свежину. А может, жадный очень или ленивый. Так или иначе, настала у ворона славная жизнь. Под крылом сокола он мог не только падаль

клевать, но и мелкими птичками закусывать вволю. Мелкие, они ведь тоже бывают жирными! А сокол брал с него долю, и оба были довольны...

– Ну и чем же дело кончилось? – хмуро спросил Мехши, похлопывая по голенищу сапога плетью.

– А тем, что сокол однажды проснулся рано утром и увидел, что перья у него почернели, – так же равнодушно сказал Халид. – Попытался заклекотать, да вместо этого закаркал! И бояться его перестали, а уж прежнего уважения он и вовсе ни в ком найти не мог. Пришлось бывшему соколу вместе с вороном клевать падаль и таскать цыплят, пока их обоих мальчишки не подбили стрелами.

– Славная сказка, – растянул Мехши губы в улыбке, которая не затронула его холодных серых глаз. – Говоришь, Анвар ее рассказал? Эй, а вы чего тут позабыли, дети греха?! Пустынник верблюдицу хоть обхаживает, а у вас уши уже дымятся и руки вот-вот зачесутся от безделья! Поднимайте волов, шакальи пасынки, помогите арбакешам, а то до вечера в путь не тронемся!

Он отошел, ругая охранников, которые недостаточно расторопно бросились исполнять приказ. Халид же с неохотой оставил Пери и вернулся к своему коню, но когда караван тронулся в путь после полуденного отдыха, между лопатками у Халида так и зудело от чужого внимательного взгляда.

ГЛАВА 17. Демон

Удержаться на лошади оказалось куда труднее, чем надеялся Раэн, из стороны в сторону его мотало, будто пьянчужку, идущего ночью по колдобинам. Конечно, тренированное тело отлично знало, как не выпасть из седла, даже лишившись сознания, только вот самому Раэну от этого лучше не было. Он проехал безлюдными заснеженными улицами до площади, свернул в переулочек и остановил жеребца у забора, чтобы сползти с седла, опираясь на высокий частокол. Ощущал он себя при этом половой тряпкой, которую после большой уборки тщательно постирали, отжали и расстелили только затем, чтобы со всем старанием вытереть об нее ноги. Совсем неподходящее состояние для драки!

А домик с уютно задернутыми шторами словно приглашал войти – полуприкрытой дверью, струйкой дыма из трубы и даже вкусными запахами с кухни, где он утром оставил готовый завтрак. Раэн хмыкнул. Невидимые метки у порога просто вопили о присутствии чужих, словно он в этом нуждался. Ну что ж, не топтаться же во дворе, пока силы совсем не кончатся. Он толкнул дверь и вошел, ожидая для начала чего угодно, от свиста очередной стрелы до магического удара.

Ни того, ни другого не последовало, но легче от этого не стало.

Спальня оказалась пуста, а вот за кухонной дверью... Раэн распахнул ее и тяжело вздохнул.

Фарис стоял у окна, умело связанный так, что веревка при малейшем движении перетягивала ему горло. Кажется, не ранен, только щека немного опухла от удара, да губы разбиты. В глазах – отчаяние и стыд. Раэн послал ему ободряющий взгляд и посмотрел на остальных гостей. Рядом с ир-Джейханом поигрывал ножом прислонившийся к стене Сейлем. Нож был тот самый, нарочно отлитый для Фариса, а на подоконнике рядом с ир-Кицханом-младшим стояла откупоренная бутылка аккамского, и юный мерзавец уже изрядно к ней приложился, судя по блестящим глазам и румянцу.

А вот между окном и входной дверью, не удостоив Раэна даже взглядом, занимался делом тот, кого он совершенно не ожидал здесь увидеть. И, узнав этого второго, Раэн обозвал себя болваном.

Бесцеремонно расшвыряв нехитрую обстановку по углам, на деревянном полу вычерчивал кусочком угля сложнейшую фигуру с множеством линий и знаков старейшина рода Керим, глупый крикливый толстяк, что везде таскался за ир-Кицханом-старшим. И, проклятье, родной дед малышки, лечение которой вытянуло из Раэна все силы!

Переступив порог, Раэн как можно непринужденнее привалился к дверному косяку, чувствуя нешуточную дрожь в коленях.

– Смотри-ка, Сейлем, у нас гость, – насмешливо произнес ир-Керим, не отрываясь от своего занятия. – Поприветствуйте почтенного целителя, юноши.

Грубо дернув связанного Фариса за плечо, Сейлем встал позади него, прижав лезвие ножа к сонной артерии парня и вызывая ухмыльнувшись. Веревка на горле Фариса натянулась, но пока еще не придавила всерьез, а ир-Джейхан стиснул зубы и промолчал.

– Это вы здесь гости, а я хозяин, – спокойно сообщил Раэн. – И гости довольно бесцеремонные. Двигаете мебель, пачкаете пол, воруете мое вино. Неужели на выпивку денег нет?

В хмельном взгляде Сейлема зажглось бешенство, а Фарис едва заметно улыбнулся уголками губ.

– Хозяин тот, кто сильнее. Тебе ли этого не знать, хоть ты и чужак в нашем мире? – так же издевательски промолвил старейшина, в этот раз приподнимая голову.

На одутловатом смуглом лице багровыми уголками горели глаза. Демон, похоже, отлично обжился внутри немолодого нистальца.

– Я хотя бы тела не одалживаю, – парировал Раэн. – Неудачный выбор, на мой взгляд, сплошной набор болезней и дурных привычек.

Сердце колотилось о ребра испуганной птицей. Еще бы. Во время отката рекомендуется тихо лежать, медленно потягивая крепкое сладкое вино для восстановления уровня сахара в крови. Аккамское, к примеру. Но никак не трястись на лошади, отчаянно вцепившись в поводья. И уж тем более очень вредно спорить с демонами...

Ехидно улыбнувшись, Раэн протянул руку. Бутылка, стоявшая на подоконнике, пролетела через всю комнату, с идеальной точностью впечатавшись в его ладонь. Покосившись на Сейлема, он очень тщательно напоказ протер горлышко бутылки рукавом и отхлебнул.

– Ну и что ты собираешься делать? – любезно поинтересовался он у демона.

Тот, продолжая чертить, усмехнулся и снова заговорил с отчетливым самодовольством:

– До чего же легко дурачить людей. Так легко, что даже неинтересно. Несколько намеков его родичам – и юный дурачок мчится предупреждать тебя об опасности. Любопытный человеческий детеныш лезет на хрупкое дерево по подсказке родного дедушки – и ты пытаешься удержаться на трясущихся ногах, потратив все силы. Забавно, правда? Я думал, хотя бы ты умнее, но хваленый хранитель равновесия ничуть не лучше простых смертных.

– А если бы девочка просто погибла, и я эти силы не потратил? Ты бы рискнул прийти? – так же безразлично спросил Раэн, пытаясь нащупать узел на руках Фариса.

Тот, умница, даже не вздрогнул, смотря в пол и всем своим видом изображая безграничное отчаяние. Правда, оставалась возможность, что тварь почувствует надежду, проснувшуюся в его душе, поэтому Раэн и пытался отвлечь демона.

– Почему бы нет, – фыркнул тот, беря другой уголек взамен стершегося. – Скучно иметь дело с одними людишками. Но она ведь не погибла. И теперь у нас получается дивное сочетание: чужеземный колдун-чернокнижник и его невинная жертва. Из твоего мальчика выйдет замечательный жертвенный барашек, просто объединение. Кстати, ты сам виноват, что мне пришлось использовать девчонку. Нужно было оставить недоумка в покое, а ты с него глаз все эти дни не спускал. Так понравился, что ли?

– Ну не на Сейлема же твоего мне любоваться, – кротко ответил Раэн, разрываясь пополам: одна часть, преодолевая мучительную головную боль, болтала с одержимым, другая лихорадочно дергала веревки теми же приемами, которыми он обычно управлялся с посудой. – Зрелище, прямо скажем, преотвратное.

Всего одно-единственное прикосновение Силы, и узел сам расплелся бы, но гадина непременно почует! Вот и приходилось использовать врожденные способности его соотечественников к управлению предметами. Это, к счастью, не та магия, которую может уловить демон. Только одно дело – чашка с кофе или бутылка, что так удобно взять воображаемой третьей рукой. И совсем другое – тугое

плетенье, которого даже не видишь. Пару раз он, наоборот, еще туже затягивал веревку и чувствовал, как свою, боль в запястьях Фариса, однако парень терпел, по-прежнему не поднимая глаз.

– Но лично я думаю, что будет совсем не так, – задумчиво продолжил Раэн. – Ну, представишь ты меня порождением тьмы. Ну, сожгут меня добрые нистальцы, или что там у них предусмотрено для подобных случаев. Не такой уж богатый урожай для Бездны, не говоря о том, что пытаться меня казнить – занятие хлопотное и неблагодарное. Полагаю, ты все наметил иначе. Фариса, конечно же, принести в жертву, чтобы получить выплеск Силы. А поскольку проводить ритуал должен человек, палачом будет Сейлем. Я прав? Что тебе пообещали, дурачок? – впервые обратился он к ир-Кицхану. – Золото? Власть? Что бы это ни было, но получишь ты смерть. А потом демон сотрет жертвенный круг, и все увидят двух молодых нистальцев, убивших друг друга. И в долине вспыхнет родовая вражда, которая станет победой Тьмы...

– Какой ты умный, хранитель, даже странно, что так легко попался, – с иронией отозвался демон, заканчивая третью сторону рисунка. – Можешь не тратить время, этот мальчик принадлежит мне всей душой. Он так давно ненавидит своего врага! Особенно теперь, когда этот враг остался жив и полностью оправдан. Кстати, а твой дружок знает, что он для тебя такая же пешка, как для меня вот этот?

Раэн вскинул брови. Узел стал понемногу поддаваться. Ир-Джейхан поднял голову. В его глазах светилось недоумение. Наверное, он как-то иначе представлял себе разговоры с демонами.

– И когда же он был моей пешкой? Что-то не припомню.

– Да неужто? Разве ты не использовал его как приманку, чтобы добраться до меня? Отпустил барашка пастись на длинном поводке и стал ждать тигра!

Тварь в теле нистальца гулко расхохоталась, и Раэн брезгливо поморщился. В голосе ир-Керима оставалось все меньше и меньше человеческого. Пожалуй, прежний старейшина, несмотря на свою заносчивую грубость, был гораздо терпимее, чем эта хладнокровная гадина. Хотя... А когда ир-Керим перестал быть собой? Пока Раэн жил здесь, он бы не пропустил разрыв мироздания, через который демон пришел на землю. Получается, что тот вселился в ир-Керима еще до

того, как Разн приехал? То-то тварь так обнаглела за этот месяц с лишним.

– Тебе этого не понять, – невозмутимо отбил выпад целитель. – Я же не мог запечатать Фариса в кувшин, будто джинна, для большей сохранности. Он был под моей защитой, а не в роли приманки.

– Слова... слова... А суть одна. Ты охотился на меня, хранитель, а вместо этого сам стал добычей. Неплохой трофей!

– И что ты собираешься делать с моей шкурой, которую еще не снял?

Разн опять глотнул вина. Веревка на руках ир-Джейхана ужасающе медленно ослабевала, но шею уже так не сдавливала. Оставалось только молить богов, чтобы он успел, а Фарис при этом не наделал глупостей, рванувшись раньше времени. Сейлем, возможно, и не успеет полоснуть его по горлу, но между ир-Джейханом и Разном – демон, а в отношении него маг не заблуждался: жирная обрюзгшая оболочка старейшины сейчас налита клокочущей злой мощью, только и ждущей, чтобы вырваться на волю. Откат понемногу начал проходить, но одолеть тварь из Бездны в честной драке еще и думать нечего.

– А ты угадай, раз уж такой сообразительный.

Демон откровенно забавлялся.

– У меня слишком богатое воображение, – улыбнулся Разн. – Никак не могу выбрать из нескольких соблазнительных возможностей.

– О, неужели? – ухмыльнулся в ответ демон. – Ты ведь непременно кинешься отбивать своего любимчика? Сначала я заставлю тебя смотреть, как Сейлем его прикончит. А потом сожру твою душу на сладкое и заберу ее с собой в Бездну. Тебя там ожидают с нетерпением!

Узел почти соскользнул, но Разн, поймав момент, когда одержимый отвел взгляд, чуть заметно качнул головой. Нет, еще не время. Потерпи, малыш. Еще минуту...

– А когда умрет Сейлем? – поинтересовался он. – Это ведь ему ты можешь сулить небесные чертоги на земле. Меня обмануть чуточку труднее. Нельзя ли сделать из меня закуску после его смерти? Я бы хоть посмотрел на это зрелище.

– Закрой пасть, колдун! – истерично взвизгнул ир-Кицхан-младший, и его рука у горла Фариса задрожала. – Я и тебе глотку

перережу! Я вырву этому ублюдку сердце и заставлю тебя сожрать его сырым! Слышишь, ты, чужеземная мразь!

– Сейлем?.. Что здесь...

А вот это уже совсем плохо. Раэн досадливо прикусил изнутри губу. Это насколько же он слаб, если даже не почувствовал появления на сцене еще одного персонажа? До чего некстати! Интересно, сколько старейшина Самир успел услышать?

– Брось нож, Сейлем, сынок!

Следовало признать, старший ир-Кицхан вел себя довольно осмысленно. Не рвался к сыну, не бросался на демона и даже не обвинял во всем Раэна, что было непривычно, однако приятно. Может, все еще обернется к лучшему?

– А праздник все веселее, – промурлыкал бывший приятель Самира, виртуозно дочерчивая последнюю сторону фигуры, которую осталось лишь заключить в круг. – Спасибо, что заглянули, уважаемый.

– Мадин?! – неуверенно окликнул его ир-Кицхан и осекся, встретив горящий багровым пламенем взгляд одержимого.

Все-таки он был отнюдь не глуп, этот честолюбивый надменный старейшина. В молодости, как сказал Фарис, отец Сейлема поездил по шахству, а теперь любил книги – очень необычно для Нисталя. Наверное, он докопался до истины, но слишком поздно заставил себя в нее поверить. Раэн ощущал его гнев, смешанный с осознанием своего бессилия, страх за сына и растерянность человека, который всегда управлял тем, что происходит вокруг, но вдруг понял, что беспомощен. И все-таки держался Самир хорошо. Отведя от демона полный изумления и ужаса взгляд, он снова посмотрел на Сейлема.

– Не надо, сынок, – мягко, как ребенка, попросил он. – Не делай глупостей,пусти ир-Джейхана. Я все улажу.

– Не в этот раз, отец! Не нужно ничего улаживать! Ты не понимаешь! Мы будем хозяевами Нисталя, ты и я. Он может все, и он обещал мне. Больше не нужно умасливать этих тупых свиней, чавкающих над своими кормушками. Они сами приползут, когда увидят наше могущество! Вот увидишь, они приползут и будут лизать наши ноги! А когда Нисталь станет нашим, мы выйдем из него и возьмем... все! Новые земли, золото, подданных...

Демон, уже начавший было вычерчивать завершающий круг, остановился и с торжеством посмотрел на Раэна. Маг пожал плечами, снова делая глоточек из бутылки. Все тот же давний спор: стоят ли люди того, чтобы за них бороться. Так ведь люди-то, они разные! Даже вот эти мальчишки, рожденные в захолустье. Один бредит властью и наслаждается чужим унижением, второй...

Самир все еще пытался уговорить сына, что-то ему внушая, а по спине Раэна змейкой побежал холодок, предупреждая, подсказывая... Он видел, как сгибаются пальцы Сейлема, как лезвие вдавливается в смуглую кожу, и тоненькая алая ниточка скользит по напряженному горлу ир-Джейхана. Раэн посмотрел в расширившиеся глаза молодого воина и медленно опустил ресницы.

Все еще чувствуя петлю на запястьях, Фарис резко качнулся вправо, уходя от ножа, и одновременно воткнул локоть под дых Сейлему. Клинок, успев только чиркнуть по его предплечью, упал на пол одинаково далеко от обоих. Но Сейлем согнулся, хватая ртом воздух, а Фарис прыгнул следом.

И почти дотянувшись, почти схватил, скользя по гладким навощенным доскам... Тяжелая нога, обутая в мягкий сапог, неторопливо прижала запястье молодого нистальца к полу. Носок второй приподнял подбородок побелевшего от боли и отчаяния Фариса.

– Ты стер письма, человек, – сообщил демон, глядя на юношу, и сам поднял кинжал. – Придется чертить снова. За это будешь умирать медленно и мучительно.

Самир выбрал именно этот момент, чтобы кинуться к сыну, и Раэн, мечтающий не сползти по дверному косяку, позволил старейшине сделать это. Посмотрев на Фариса, лежащего на полу, он задумчиво покачал полупустую бутылку, прежде чем в очередной раз поднести ее к губам.

Демон, стоя над парнем, расхохотался, поднимая кинжал.

– Всегда одно и то же. Одно и то же! Власть, деньги, похоть, месть! Для каждого найдется свой манок, – рокочущим голосом выкрикивал он, повернувшись к Раэну. – Для каждого! Знаешь, почему я пришел в Нисталь? Он зажрался! Десятилетия, века сытой безмятежной жизни! Время от времени отбить набег степняков и снова можно жиреть у кормушки, нагуливая сало. Ну ничего, я пушу кровь

этой долине! Мне вполне сгодится старший вместо младшего для роли второго трупа. Род на род, семья на семью, а потом и брат на брата! Ты не представляешь, сколько грязи на дне человеческой души, когда вывернешь ее наизнанку болью и страхом... Уцелеют самые сильные, самые жестокие, самые подлые! И все они будут принадлежать мне! Ты проиграл, хранитель! И Свет проиграл вместе с тобой! Сейлем, очнись и занимайся делом, – обернулся он к молодому ир-Кицхану, что пытался отдышаться у стены. – Нож у меня, без него колдунишка не опасен. Я позволю тебе лично его убить, когда выполнишь свою часть работы...

Тяжелая глиняная бутылка, тенью мелькнув через комнату, почти врезалась одержимому в лоб. И застыла в воздухе, небрежно перехваченная за горлышко.

– Последний козырь? Да у тебя не хватит сил выжать лимон! – снова расхохотался демон. – Вздумал тягаться... со... мной...

Он смолк, недоуменно посмотрев на свой живот, в котором по рукоять торчал нож, коротко, без замаха брошенный Раэном одновременно с бутылкой, но левой рукой.

– На лимон не хватит, это точно, – устало согласился Раэн.

Старейшина ир-Керим плавно и медленно опускался на пол. Жуткий багровый огонь его глаз не погас, но словно подернулся пеплом, как настоящие угли в очаге, и становился все тусклее с каждым миготом. Раскинувшись на своем полустертом рисунке, он повернул голову в сторону Раэна и прохрипел:

– Откуда? Я... не чувствовал...

– Само собой, демон. Само собой...

Раэн подошел и сел рядом с ним на пол, посмотрев в еле тлеющие глаза.

– Ты бы почуял любое оружие, верно? А этот нож закален в моей крови. Он – часть меня. Где уж тут почуять?

– Не... на... ви...

Угольки глаз окончательно потухли, и по комнате пронеслось холодное подобие ветра, а потом Раэн почувствовал, как ткань мироздания дрогнула, пропуская на ту сторону лишнего плоти и обессиленного демона. Лицо ир-Керима казалось мертвым, но грудь едва заметно поднималась и опускалась. Раэн пожал плечами и поднял с пола грубо вырезанный деревянный черенок ножа, упавший вместе с

нистальцем. Лезвие растворилось в плоти старейшины, закрыв собой рану, только теплая шерстяная рубашка оказалась прорезана, но это уже пустяки. Наверняка на коже ни следа не осталось. Хорошая работа. Не зря старался и тратил кровь.

– Твое право, – негромко сказал Раэн, понятия не имея, слышит ли его демон там, куда ушел. – Хоть и глупо одной пешке ненавидеть другую. Но вас, темных, не переделаешь.

Обернувшись, он нашел взглядом Фариса. Тот внимательно рассматривал собственный целый нож, держа его в здоровой левой руке. Потом молодой нисталец подошел к Раэну, поднял опрокинутый стол и протянул руку. Раэн уцепился за нее и встал, но тут же снова сел на скамейку возле очага, оглядев кухню. Ир-Керим крепко спал, Фарис опять разглядывал нож, а у стены напротив Самир возился с сыном. Сейлем валялся на боку, подтянув колени к подбородку, спрятав лицо в руках и тихонько поскуливая, как наказанный щенок.

– Значит, ножа было два? И ты отдал мне фальшивый? Чтобы отвлечь этого?!

В голосе ир-Джейхана звенело непонимание, готовое перейти то ли в обиду, то ли в отвращение.

– Два, – устало подтвердил Раэн. На разговоры не было сил, однако Фарис честно заслужил объяснения. – И оба настоящие. Твоим тоже можно было убить тварь. Даже проще, чем вот моим. Понимаешь, стрелы, из которых он сделан, передали лезвию отпечаток души демона, и это превратило нож в лучшее оружие против него. Хватило бы царапины, чтобы ослабить тварь, и одного удара, чтобы добить. Поэтому демон и следил за ним так внимательно. И поэтому я сделал второй нож, не такой приметный и с немного другими свойствами. Помнишь, когда ты ходил в харчевню и вернулся избитый? Я как раз закалил клинок, когда ты вернулся, потому и хлестал аккамское. Все-таки два стакана крови даже для меня не пустяк. Но лезвие, закаленное в моей крови, по магическим законам считается частью меня, и демон его на мне не почуял...

– А почему он звал тебя хранителем?! Что ты хранишь и причем тут Нисталь?! Почему он с тобой разговаривал так, словно вы уже встречались?!

– Фар, ты уверен, что тебе нужно это знать?

Разн внимательно посмотрел на упрямо сжавшего губы нистальца и вздохнул.

– Хорошо, как хочешь. Я не человек, Фарис. Правда, и не демон. И не дух света. То, что вы зовете джинном, подошло бы лучше всего. Меня можно убить, хотя сделать это непросто. Меня можно обмануть, потому что я не читаю ничьих мыслей, только умею отличать ложь от правды. Я ем, сплю, пью вино и люблю, как все люди. Живу, правда, дольше, чем вы. Гораздо дольше. Но я не бессмертен и вполне уязвим. Именно этого демона я никогда не встречал раньше, а вот его собратьев – да. И многих отправил за грань мира, как и его сегодня. Демоны неплохо меня знают и не любят. Впрочем, я их тоже не жалую.

Он подумал, что слышит его не только Фарис, но и старейшина ир-Кицхан. Сейлем, тот вряд ли, а вот его отец чутко ловит каждое слово. И это, пожалуй, хорошо, пусть подумает, во что вляпался его сын и втянул весь Нисталь.

– Ты враг Тьме? – тихо спросил ир-Джейхан.

– Я не враг ни Тьме, ни Свету, – терпеливо ответил Разн. – Я – хранитель равновесия. Есть такая хлопотная, грязная и неблагодарная работа, которая хорошо удается существам вроде меня. Когда та или иная сторона решает, что пора сыграть очередную партию, я слежу за тем, чтобы все соблюдали правила и не очень завышали ставки. Как бы тебе объяснить...

Разн подобрал бутылку, которую предусмотрительно заткнул пробкой перед тем, как швырнуть в демона, поболтал и удовлетворенно вздохнул. Откуда-то из угла выплыли две чарочки и, неуверенно покачиваясь, подлетели к ним. Разлив остаток вина, он с наслаждением опрокинул свою порцию в рот и проглотил.

– Представь себе шахматную доску, где играют Свет и Тьма, – сказал он устало. – А фигуры – люди. Ты, Сейлем, Камаль, старейшина Самир, твои родичи и друзья, просто знакомые. Пешки, ладьи, слоны... И наш знакомый демон тоже в числе этих фигур, как бы он ни пыжился предстать игроком. Предположим, одна из фигурок вдруг поняла, кто она такая, и осознала, что ею двигают неизвестные силы в своих непонятных целях. Эта фигура может изучить правила игры и по общему соглашению следить за их выполнением. А иногда и вовсе уличить игроков в мошенничестве.

– Разве можно плутовать в шахматы? – невольно заинтересовался ир-Джейхан.

– Плутовать можно во что угодно, если знаешь как, – уверенно ответил Раэн. – Вот я и есть такая фигура. Но если в обычных шахматах фигуры только белые и черные, то я, скажем так, серого цвета. Я слежу, чтобы ни одна из сторон не получила сильного перевеса, ни те, ни другие.

– Разве плохо, если выиграет Свет? – напряженно спросил Фарис.

– Плохо, – снова вздохнул Раэн. – Потому что люди не примут добро, навязанное им кем-то со стороны, пусть и с благими намерениями. Они сами должны захотеть стать лучше, чище, светлее, а иначе все не просто бесполезно. Опасно! Я видел, как гибли целые державы, которые насильно обращали к Свету, рушились в крови и ужасе. Не терпит человеческая природа принуждения, и ничего с этим не поделаешь. Было бы куда лучше, оставь эти игроки род людской в покое, но они снова и снова двигают фигурки, стремясь что-то доказать то ли противнику, то ли самим себе...

Он прервался на мгновение, а потом приглашающе махнул рукой.

– Идите к нам, уважаемый ир-Кицхан. Если я не ошибаюсь, еще одна бутылка точно найдется.

– Что с моим сыном, целитель? – резко спросил Самир.

Сейлем лежал все в той же позе и продолжал едва слышно скулить.

– Ничего страшного, – пожал плечами Раэн. – Можете оставить его в покое, он придет в себя и без вашей помощи. Постоянное общение с демоном, который кормил его своей силой, это как дурман, приносящий невероятное удовольствие. Он слишком долго чувствовал себя всемогущим, а потом блаженство закончилось в одно мгновение. Сейчас ему очень плохо, но еще немного времени рядом с фальшивым ир-Керимом – и было бы гораздо хуже.

– Это пройдет?!

К Самиру возвращалась былая надменность, но к Раэну он все же обращался почти вежливо.

– Не знаю, – откровенно признался Раэн. – Конечно, другого демона ему все равно взять негде, но пустое место в его душе должно чем-то заполниться. Иначе он заполнит его сам. Пьянством, дурманным зельем, игрой в кости или чем-нибудь похожим. Чем-то

очень интересным, но самоубийственным, понимаете? Но это будет потом. А сегодня к вечеру или завтра Сейлем придет в себя и даже сможет подумать о своих подвигах.

Раэн безгласно посмотрел на тихонько скулящего парня. Отвратительное зрелище. Настолько жалкое, что даже наказывать не хочется. Сейлем сам себя наказал страшной карой, искалечив себе душу и, возможно, жизнь. Да, определенно не стоит стирать память его отцу, ведь должен хоть кто-нибудь вынести урок из того, что здесь произошло, и позаботиться о последствиях.

— Кстати, — задумчиво сказал он вслух. — А не подскажут ли два коренных нистальца бедному чужеземцу, что мы будем рассказывать вашему совету и уважаемому ир-Кериму, который тоже вскоре очнется?

— Так он не мертв?!

Изумленный Фарис оглянулся на тело старейшины.

— Ты меня обижаешь, — улыбнулся Раэн и показал Фарису рукоять без клинка. — Самое трудное в уничтожении или изгнании демона не повредить при этом его жертве. Но я же не зря столько времени мастерил этот клинок. Тот, что у тебя, убил бы обоих, а мой поразил только вселившуюся тварь. Лезвие исчезло прямо в ране, и ваш старейшина совершенно невредим. Хотя если он снова начнет на меня орать, за его дальнейшее здоровье ручаться не могу.

— А он будет что-нибудь помнить? — спросил ир-Кицхан.

— Последние несколько дней точно забудет, — сообщил Раэн. — А до этого воспоминания будут смутными, словно все, случившееся после вселения демона, было во сне.

— Может быть, мы тогда договоримся, почтенный целитель? — прищурился Самир ир-Кицхан. — Вы молчите о глупостях Сейлема, а я берусь все уладить и с Мадином ир-Керимом, и с советом старейшин. Обещаю, ни на вас, ни на Фариса никто даже плохого не подумает.

— Вообще-то, — сухо заметил Раэн, — я не назвал бы невинной глупостью покушение на убийство, сговор с демоном и попытку захватить власть в долине.

Фарис только молча переводил взгляд с него на Самира, и Раэн с отчетливой болью подумал, что после этого дня парень наверняка перестанет ему доверять, да и просто считать хорошим человеком. Хорошие люди — ну или даже нелюди! — не беседуют с демонами, не

договариваются с врагами, не заключают бессовестных сделок. Может, если бы раньше он был с парнем откровеннее, и удалось бы сохранить с ним дружбу, но вот беда, фигуры Игры должны знать о ней как можно меньше, это непреложный закон.

– Может, по-вашему, и в смерти тех пятерых виноват Сейлем? – вкрадчиво поинтересовался старейшина.

– Это вряд ли, – признал Раэн. – Я, конечно, могу ошибаться, но ваш сын не настолько храбр, чтобы иметь дело с темным колдовством и ничем себя не выдать. Скорее всего, тварь действительно передала пряжку с проклятием через него, но Сейлем о самом проклятии мог и не знать. А потом было уже поздно, он слишком увяз... Зато Фарису вряд ли понравилось стоять с ножом у горла, ожидая смерти в лапах демона. Вам так не кажется?

Самир закусил губу и бросил короткий быстрый взгляд на ир-Джейхана.

– Позволь спросить, Раэн! – вмешался Фарис. – Сейлем понимал, что он делает, или тоже был околдован?

– Хороший вопрос, – кивнул маг. – Конечно, какое-то влияние демон на него оказывал, но Тьма не в силах заставить человека сделать то, что он всей душой не хочет выполнять. Сейлем сам отдался в ее власть, согласившись помогать демону. И засаду тебе тогда устраивал точно Сейлем, Тьма здесь ни при чем. Хотя сегодня он вряд ли в полной мере осознавал, что творит, очень уж глубоко его пропитала демоническая сила. Но это его не оправдывает, как и тех, кто принимает разный дурман, а потом совершает преступления... – Раэн посмотрел на все еще бледное лицо нистальца и изумился, прочитав его чувства: – Фарис, неужели ты намерен его простить?!

– Понимаешь... – Ир-Джейхан поморщился. – Мой дядя сегодня сказал одну вещь, которую я тогда не понял. Он сказал, что Сейлем не стоит раздора между семьями. А ведь это... существо, которое ты убил... Оно ведь именно раздора в Нистале и добивалось. Может, и вправду следует похоронить нашу вражду, если уважаемый Самир согласится лучше присматривать за сыночком и держать его от меня подальше.

– Твой дядя очень мудрый человек, Фарис, – медленно произнес ир-Кицхан, разглядывая молодого нистальца так, словно впервые в жизни его увидел. – И у него достойный племянник.

– Еще бы не мудрый, – усмехнулся тот. – Следовал бы я его советам, чинил бы сейчас колодезный ворот и никаких демонов никогда в жизни не увидел бы.

– Определенно твой дядя – умнейший человек, – серьезно провозгласил Раэн. – Что ж, раз ты не против, пусть будет так. Но я боюсь, что вы еще хлебнете горя со своим отпрыском, уважаемый Самир.

– А вот это уже не ваша забота, почтенный Раэн, – парировал старейшина. – Можете вы устроить, чтобы Мадин проспал до завтрашнего утра?

– Легко, – кивнул Раэн.

– Тогда я пришлю за ним людей, а вы скажете, что уважаемый Керим заболел. Допустим, у него случился удар. Может такое быть?

– При его телосложении это совершенно естественное явление. И потерю памяти частично объясняет... – Раэн с интересом и почти уважением взглянул на Самира. – А что делать с вашим сыном?

– Его я тоже заберу. А вас, если позволите, навещу... хотя бы завтра. Думаю, нам найдется, о чем поговорить.

– О да, поговорить нам и в самом деле нужно... – усмехнулся Раэн. – До встречи, уважаемый ир-Кицхан.

– До встречи, почтенный Раэн.

Не глядя на Фариса, ир-Кицхан поднялся, поклонился и вышел.

– Вот ведь мерзавец! – едва ли не с восхищением промолвил Раэн, когда за старейшиной закрылась дверь.

– Знаешь, я, пожалуй, тоже пойду, – как-то отсутствующе сказал Фарис. – Иначе кто-нибудь примчится меня разыскивать, а это ни к чему.

– Совершенно ни к чему, – ровно согласился маг. – Дело только в этом?

Фарис отвел глаза.

– Я не знаю... Мне нужно подумать. О том, что случилось. Обо всем. Не обижайся, Раэн!

– Я и не собирался, – усмехнулся Раэн. – Думать всегда полезно, а уж за починкой колодезного ворота в особенности. Полагаю, уважаемый Самир замечательно все объяснит Нисталю. Так что беспокоиться тебе не о чем. Всего хорошего, Фар!

– А... Да, и тебе!

Нисталец торопливо выскочил за порог, и за окном прошелестели по утопанному снегу его шаги, стремительно переходя на бег. Раэн посмотрел ему вслед и вздохнул, а потом поднялся, с отвращением взглянув на разгромленную кухню. Надо здесь прибраться в ожидании добрых жителей Нисталя. Поставить на место утварь, вымыть полы от колдовских знаков. Что ж, игра почти закончена. Остался последний ход, самый крошечный, который либо окончательно подтвердит ничью между Тьмой и Светом, либо... неуловимо качнет чашу весов. Не сейчас, а когда-нибудь потом, в будущем... Том будущем, которое без этой игры стало бы совсем иным. Хуже или лучше, теперь уже никогда не узнать.

Раэн знал, что сделал все, что мог, но жуткое чувство опустошения не отпускало, ледяными щупальцами выворачивая душу наизнанку. Преодолевая слабость, он навел в кухне порядок и вышел на крыльцо, жадно дыша морозным воздухом. Ничего, пройдет. Не в первый раз и далеко не в последний. Кто сказал, что победе непременно нужно радоваться? Да и не его это победа, если разобраться. Ничья – победа Равновесия, а он вовсе не считал себя воплощением того, чему служит. Просто... пытался помочь этому миру, который незаметно полюбил за столько лет вместе с его бедами, радостями и, конечно, людьми. А хороший целитель, увы, иногда делает больно, и не все потом благодарны ему за эту боль, пусть она и принесла спасение. Это ведь не повод все бросить, правда?

– Последний ход... – прошептал Раэн. – Каким же он будет?

ГЛАВА 18. Последние долги

Утренний сад был тих и обворожительно прекрасен в своей нежной прелести, строгой и хрупкой. Тончайшее изысканное кружево веток темнело на бледно-серебристом небе, как узор в глубине опала. Последние дни, словно прося прощения за долгие холода, выдались на диво теплыми, и снег растаял, но прелые листья, устилавшие землю, за ночь покрылись изморозью и хрустели под неторопливыми шагами, словно глазурь на праздничном пироге, а сквозь них пробивались фиолетовые стрелки безвременников.

То в одном, то в другом углу, заросшем кустами, пробовали первые ноты новой зимней песни свиристели, перекликаясь весело и деловито. Красноватые веточки молодого терна, гибкие, целомудренно стыдливые даже в наготе, застенчиво кутались в высохшие плети вьюнка. Шелест сухих стеблей на ветру, перекличка воробьев, гудение какого-то чудом не уснувшего жука... Пожалуй, в тишине таилось куда больше звуков, чем казалось поначалу. Живая изгородь, утратившая прежнюю непроницаемость, все же хранила покой сада от досужих взоров если не былой плотностью, то нынешней прозрачностью, не позволяя никому подобраться близко незамеченным.

Впрочем, ничего особенного в саду и не происходило. Просто двое прогуливались по утоптаным тропинкам среди кустов сирени, мимо абрикосов и шиповника, покрытого алыми высохшими плодами. Хрустела под ногами корочка изморози, трепетали птичьи голоса, негромко звучали голоса собеседников.

— В мире много вещей, неподвластных магии, уважаемый ир-Кицхан. И, боюсь, это одна из них.

— Но вы же в силах сделать хоть что-то? Заставить его все забыть, например.

В голосе старейшины слышались непривычно просительные нотки.

— Заставить забыть? Да, это я могу, — согласился Раэн. — И тогда все станет еще хуже, потому что ваш сын продолжит мучиться, не понимая почему. Тоска, разъедающая душу, не уйдет вместе с

памятью. Сейчас он хотя бы знает ее причину. Возможно, со временем боль пройдет.

– Возможно?!

– Вообще-то, вашему сыну несказанно повезло, – холодно сказал Раэн. – Хотя сам он, конечно, сейчас так не думает. Он мог потерять жизнь или душу, а утратил всего лишь иллюзию. Тварь из Бездны разжигала в нем алчность и жажду власти, манила удовольствиями, возможностью отомстить то ли за настоящие, то ли за мнимые обиды. Он привык к мысли, что будет обладать всем, что пожелает, и привык подпитываться силой демона. Поверьте, уважаемый Самир, его болезнь – хороший знак. Было бы куда хуже, останься в глубине его души нарыв.

– Хороший знак... – выдохнул ир-Кицхан с горечью. – Мой сын и наследник ненавидит меня!

– Как и весь мир, – пожал плечами Раэн. – И себя, кстати, тоже. Вы слишком долго давали ему все, что он желал. Потокали его прихотям. Не видели недостатков. Безоглядная любовь портит, уважаемый. А безнаказанность развращает.

– Хватит, почтенный, – досадливо отозвался старейшина и раздраженно сбил высохший венчик какого-то цветка прутом, который держал в руках. – Ваши поучения были бы к месту, если бы я сам не понимал, что натворил. Но раз уж пришел сюда к вам... Лучше скажите, что мне делать с сыном?

– Хотите готовое зелье? – усмехнулся Раэн. – Чтобы дать ему выпить – и все станет, как раньше? Увы, такого нет и быть не может. Болезни души вылечить куда сложнее, чем болезни тела. Я могу дать совет, но он вам не понравится.

– А вы попробуйте... – вздохнул ир-Кицхан.

– Ну что ж, – снова пожал Раэн плечами. – При храмах Света есть странноприимные дома, больницы для бедняков и бродяг. Там работают послушники и просто те, кто решил отдать часть жизни служению другим. По обету, к примеру. Я могу написать письмо в аккамский храм и попросить принять вашего сына на некоторое время. Только не рассчитывайте, что это будет быстро. Его душа гнила много лет, за пару месяцев это не исправить. Но могу обещать, что за Сейлемом будут присматривать и сделают для него все, что возможно. Если вы согласитесь, его ждет тяжелая грязная работа, зрелище чужих

страданий и смертей. А еще рядом с ним будут очень разные люди... Знаете, это помогает взглянуть на привычный мир иначе. Либо он излечится и уйдет оттуда совершенно другим человеком...

– Либо?

– Возненавидит вас окончательно, посчитав это предательством, – равнодушно уронил Раэн.

– Лекарство не лучше болезни, почтенный целитель. Другого сына у меня нет. Я виноват в том, что не смог его воспитать как положено, но лишиться его либо на годы, либо совсем... Вы предлагаете жестокое средство.

– Мне не за что любить вашего сына, уважаемый старейшина, и не будь он тоже одной из жертв демона, я бы обошелся с ним куда суровее. Не из мести, даже не ради наказания, а чтобы защитить от него других, тех, кому ваш сын может причинить зло в будущем. Признаться, мне до сих пор очень хочется это сделать, но я надеюсь на вашу мудрость и осторожность. – Раэн искоса взглянул на помрачневшего ир-Кицхана и мягко продолжил: – Принимать мое предложение или нет – это дело ваше. Но позвольте вас предупредить, уважаемый Самир. Если кто-то из вашей семьи – неважно, Сейлем или вы сами – решит отыграться на Фарисе ир-Джейхане... или на Камале ир-Фейси... я клянусь, что и вы, и ваш сын об этом очень пожалеете. Вы никогда не были врагом чародея? О, вам не понравится.

– Не пугайте, – поморщился старейшина. – Я помню, кто заварил всю эту похлебку и убил демона. Такой враг мне точно не нужен. А мстить Фарису и Камалю... Вы меня глупцом считаете? Если бы Сейлем слушался моих советов, он бы Фарису лучшим другом стал. Таким, как ир-Джейхан, простодушным да верным, цены нет, им же всегда спину доверить можно.

– В самом деле? – усмехнулся Раэн. – Что же вы раньше так не думали, когда его к столбу отправляли?

– Я тогда, кажется, вообще не думал, – снова поморщился ир-Кицхан, словно хлебнул кислого. – Сам понять не могу... И ведь на Мадина всего не свалить, он хоть и задурил нам голову, но мы сами ему это позволили. Я не такой ученый человек, как вы, почтенный Раэн, но кое-что из проповедей жрецов помню. Не может демон вложить в голову те мысли, для которых там совсем нет места.

– Так и есть, уважаемый Самир, – негромко подтвердил Раэн. – Хорошо, что вы это понимаете. Но согласится ли ваш сын, что с головы этих двоих волосы упасть не должно? Да, завтра я уеду из Нисталя. Но приглядывать за долиной буду непременно. И если Сейлем что-то затеет сам или кого-то подговорит... У вас тогда станет на одного сына меньше, уважаемый. И не просите, чтобы я вас не пугал, потому что именно этого мне и хочется. Напугать вас обоих настолько, чтобы Сейлем даже не смотрел в их сторону, а вы – следили, чтобы так и было.

– Я услышал вас, почтенный Раэн, – помолчав, ровно ответил старейшина. – И могу лишь повторить то, что уже сказал. Другого сына у меня нет. И я не хочу потерять его из-за глупой мести или вражды. Ничего с этими двумя плохого не случится, сам стану присматривать.

– Что ж, вот и славно, – кивнул Раэн. – И раз уж я завтра уезжаю, у совета старейшин больше нет ко мне никаких вопросов? Что они вообще обо всем этом думают? О демонах, например?

– О демонах? – усмехнулся теперь уже ир-Кицхан. – Да что вы, почтенный Раэн! Никаких демонов у нас в Нистале никогда не было и не будет, если боги благословят. Бедняге Малику проклятую пряжку на торгу подсунули, не иначе. Столько злых людей в мире! Счастье, что вас так вовремя занесло к нам добрым ветром, почтенный Раэн.

– А еще большее счастье, что этот же ветер меня завтра унесет, – с ехидцей подхватил Раэн. – Так что вы решили насчет письма в Аккам, уважаемый?

– Буду благодарен, если напишете, – вздохнул ир-Кицхан. – А посылать ли туда сына... Позвольте подумать.

– Подумайте, – согласился Раэн. – Только не затягивайте. Застарелую болезнь лечить труднее, это я вам как целитель от всей души говорю...

...Заржавевшие петли садовой калитки возмущенно взвизгнули. Раэн пожал плечами, глядя вслед гостю. Да, можно было наказать Сейлема ир-Кицхана по заслугам, но... Фарису и Камалю здесь жить, а ир-Кицхан-старший никогда не простил бы, случись с его сыном что-то действительно серьезное. Пришлось бы избавляться и от него, оставив долину без опытного и неглупого старейшины, который

именно сейчас очень нужен Нисталю, чтобы вернуться к прежней спокойной жизни.

Разн вздохнул, снова задаваясь вопросом, а так ли она хороша и правильна, эта спокойная жизнь? Сейлем получил свой урок вместе с остальным Нисталем, у Фариса попросили прощения все, кто месяц назад ненавидел его и презирал, но... Зарубка в памяти осталась у многих, и вряд ли парню будет здесь хорошо. Да и Камалю жаль... Для него вообще ничего не изменилось. Вот с ним, кстати, тоже надо бы попрощаться!

Вернувшись в дом, он покопался в уже собранной дорожной сумке и достал оттуда моток золотой проволоки и мешочек с драгоценными камнями – остаток наследства гулей, не обращенный пока в звонкую монету. Ага, вот эти два маленьких сапфира как раз подойдут! Недешевая безделушка выйдет, надо, пожалуй, вплести в нее отвод алчных взглядов, чтобы никто, глядя на браслет, не пожелал отнять его у владельца.

Помнится, последний раз он делал такую вещь еще дома для сестренки, причем браслета понадобилось два – как же иначе? Но у Камалю брата-близнеца нет... От близнецов мысли перескочили к Наргис с Надиром, и Разн глубоко вздохнул. Одного он скоро увидит, а другую... Что ж, игра закончится, и можно будет наведаться в Харузу Сумеречной дорогой. Разобраться, кто наложил на девушку столь изощренные чары, и помочь их снять. Да, сделать это Наргис должна сама, но подтолкнуть-то ее слегка можно! А потом – в Салмину, как обещал Ночной Семье...

* * *

– А это тебе, – хмуро сказал дядюшка, откладывая небольшую кожаную шкатулку в сторону от вороха писем, привезенных гонцом из столицы. – От придворного чародея ир-Джантари.

– Благодарю, дядя! – Надир почтительно поклонился, сложив руки ладонями перед собой, как положено младшему, и невозмутимо поинтересовался: – Угодно ли вам прочитать и это письмо? Уверен, мой друг обрадуется, узнав, что мы вместе насладились поэмой ир-Ховеиди.

Перед ответом дядюшка злобно посопел пару мгновений, а потом выдохнул:

– Стар я уже для этих ваших стихов. Да и смолоду не любил словоблудия.

И подпихнул шкатулку еще ближе к Надиру.

Ни в коем случае не улыбаясь, Надир поставил ее рядом и принялся дописывать распоряжение к управителю города Казрум, которое дядя диктовал, когда привезли почту. Аккуратно перечислил все документы, которые управитель должен был незамедлительно выслать в Иллай, добавил положенные слова учтивости, сложил и приготовился залить край растопленным воском...

– Ладно уж, сам запечатаю, – бросил дядя. – Вот можешь ведь полезным быть, когда колючка под хвост не попадает! Иди отдыхай... Да письмо свое заberi, ждал небось! Думаешь, не вижу, как ты от скуки маешься? Ничего, привыкай, такая она, служба государю, да продлятся его дни...

– Спасибо за поучения, дядя. И за ваше великодушие.

Надир встал и снова поклонился еще ниже, прямо как писец, получающий выговор от начальника. Не удержался, хоть и знал, как это злит дядюшку. А может, именно потому и не удержался. Устал от собственного послушания, от этого пыльного рыже-серого города, где все низко кланяются светлейшему племяннику светлейшего наиба, а за спиной смеются, обсуждая его столичные манеры и наряды. Устал от самого дядюшки, его раздражительности и привычек, больше подходящих простонародью, его невежества и нежелания признавать за Надиrom хоть какие-то достоинства. Вот сегодня похвалил впервые за эти недели, да и то снисходительно, будто милостыню нищему бросил. Колючка под хвост, ну надо же!

И чем больше он злился, тем более непроницаемую маску любезности надевал. Хочет драгоценный дядюшка милого покорного племянника – пусть получает! А истинные родственные чувства, уж простите, рядом с покорностью не водятся, как норовистый жеребец не ходит в одной упряжке с мулом!

Делая вид, что не замечает нахмуренных бровей и поджатых губ, он взял шкатулку и вышел, не поворачиваясь и у двери опять поклонившись.

– После ужина придешь, еще кое-что напишем! – услышал уже за дверью из комнаты дяди сердитый окрик.

Торопливо, почти бегом, он дошел до комнаты и щелкнул серебряным замочком шкатулки. Внутри лежал белый шелковый платок, расписанный лотосами и ало-золотыми чинскими драконами, а под ним письмо! Плотный длинный лист бумаги, испещренный ровными затейливыми строчками. Надир взгляделся – и едва не вскрикнул от разочарования!

Это и в самом деле была поэма! Конечно, не придуманная им, чтобы намекнуть Джареддину о тайном послании, а самая обычная поэма ир-Ховейни. Ну как же так?!

Он закусил губу и пробежал взглядом по свитку. Почерк переписчика, изысканный, но равнодушный... А внизу несколько строк совсем другой рукой!

«Мой бесценный друг, прости, что не могу исполнить твою просьбу, прислав те стихи, что ты просил. Но можешь быть уверен, что эти не хуже. И пусть приязнь, которую я к тебе питаю, согреет твое сердце, как огонь согревает озябшее тело. Надеюсь, этот маленький подарок доставит тебе несколько приятных мгновений, напомнив обо мне в бескрайних степных просторах, куда привела тебя служба нашему пресветлому государю и родственная любовь. Остаюсь вечно твой Джареддин...»

И это все?! Шелковый платок и поэма?!

Он разочарованно уронил свиток на стол и тут же обозвал себя длинноухим ослом. Строчки! Они слишком широко расставлены! И эти слова про огонь... Ну конечно!

Надир метнулся к очагу, теперь постоянно горящему в комнате. Растянув свиток, поднес его поближе к решетке, за которой металось пламя, и с торжеством увидел, как между тонкими строчками проступают другие, написанные не чернилами, а коричневыми следами молока. Ах, Джареддин! Он догадался и ответил! Тайно, как Надир и просил!

«Мой дорогой друг! Даже известие, что ты впустил в дом аспиды или скорпиона, не расстроило бы меня так, как твое послание. Ибо мало найдется тварей более ядовитых, чем человек по имени Арвейд Разн, о котором ты пишешь.

Начну с того, что никто не знает, откуда он и какого рода, а если ты скажешь, что он чужестранец, то позволь тебе ответить, что никто и никогда не слышал названия его родной страны. Это и неудивительно,

ведь тогда можно было бы хоть что-то узнать о нем от купцов или послов, однако же никому неведомо, откуда он временами приезжает и куда уезжает снова.

Само по себе это, конечно, не преступление, но ты должен знать, что где бы ни появился этот странный чужестранец, по пятам за ним всегда приходит смерть. Люди погибают от самых разных причин, он же всегда в стороне, но не зря сказано, что где лежит сброшенный выползок, там и сама змея неподалеку. Мне доподлинно известно, что в дом тех, кто ему доверялся, рано или поздно являлась беда, а этот Раэн, как он себя именует, исчезал и после появлялся где-то еще, чтобы нести новые несчастья.

Если тебе не верится в мои слова, дорогой друг, напиши в Тариссу моему брату, управителю этого прекрасного города, и спроси его о смерти несчастного Идриса ир-Аримсе, таинственно погибшего на помолвке своего родича. Род Аримсе до сих пор ищет Арвейда Раэна, назначив немалую награду за него, живого или мертвого. Также мне доподлинно известно, мой дорогой Надир, что этот человек – ах, если бы я точно мог сказать, человек ли он?! – что это жуткое существо тесно связано с Ночной Семей, о которой ты, должно быть, слышал, и всяким отребьем из Пестрого Двора. Неудивительно, что ему удаются темные дела, если для них он использует подобных подручных.

Ты спросишь, почему он до сих пор не пойман и не понес должную кару? Да потому, друг мой, что свидетели его жутких преступлений никогда не остаются в живых, а наш пресветлый государь справедлив и одарен необыкновенным великодушием, которое не позволяет ему казнить злодея, пока злодейства того не доказаны полностью и без тени сомнения. К тому же у этого Раэна имеются могущественные покровители, ослепленные его мнимым благочестием и доверяющие его заслугам. Заслуги же эти таковы, что всегда идут на пользу прежде всего самому Раэну, поскольку позволяют ему войти в дом людей богатых, знатных и способных принести ему выгоду.

Теперь ты понимаешь, друг мой, почему я ужаснулся, узнав, что этот аспид в человеческом обличье появился рядом с тобой. Ты одарен немалым состоянием и горячим открытым сердцем, а значит, можешь стать для него легкой жертвой. Поверь, в погоне за наживой, а может, и более отвратительными целями, он искусно использует свою красоту,

знание человеческой природы и разнообразные умения. Доверившись ему, ты непременно попадешь в беду, поэтому я призываю тебя быть с этим чудовищем как можно осторожнее, а лучше всего – отделаться от знакомства с ним под каким-нибудь благовидным предлогом, пока я не закончу кое-какие дела и не смогу прийти тебе на помощь. Надеюсь, это случится в ближайшее время, потому что твоя жизнь для меня драгоценна, как ты давно знаешь. Пока же, мой тебе совет, не откровенничай с ним, не давай понять, что его замыслы раскрыты, и не подпускай к себе близко. Умоляю тебя об этом если не ради нашей дружбы, то ради твоей собственной жизни. Искренне твой Джареддин ир-Джантари».

Надир снова выронил бумагу – теперь прямо на пол у очага, там же, где читал. Прикрыл глаза, пытаюсь осознать... Раэн – подлый мерзавец, убийца, который то ли ради корысти, то ли еще зачем-то втирается в доверие к богатым и знатым людям. Губит их... Темное чародейство... Ночная Семья и Пестрый Двор... Невозможно! Быть этого просто не может! Но... зачем Джареддину лгать? Это же так легко проверить! Написать письмо в Тариссу, узнать подробности... А кто эти могущественные покровители, о которых пишет ир-Джантари? Дядя наверняка должен знать... И все это из-за денег?! Всего лишь?!

Он вдруг почувствовал на губах вкус поцелуев Раэна и словно снова вдохнул запах его мокрых волос. Неужели все только ради... Да нет же, это просто глупо! В степи Раэн и сам рисковал жизнью, чтобы его спасти! Да он в Бездну пошел за Надиром! Нет-нет, это Джареддин ошибается. Раэна кто-то оболгал... Но и дядюшка предупреждал об осторожности, а ему с чего не доверять целителю, который спас и его, и Надира? А на вопросы сам Раэн молчит или отшучивается... Впрочем, если бы он хотел, разве не придумал бы достоверной лжи? Ведь Надир готов был поверить во что угодно, лишь бы это было похоже на правду. Только бы узнать побольше о своем таинственном возлюбленном! А теперь... Теперь он почти жалел, что написал Джареддину... Хотя нет, не жалел! Глупо лгать самому себе, глупо закрывать глаза, думая, что беда от этого исчезнет. Теперь ему тем более нужно выяснить правду! И если она будет такой, как написал ир-Джантари, о, тогда посмотрим, умеют ли ир-Дауды давить скорпионов, что заползли в их дом! Но что же так больно...

Он поднял бумагу и сунул ее в очаг. Несколько мгновений смотрел, как лист вспыхивает золотом, а потом рассыпается в пепел. Встал, вернулся к столу и пропустил через пальцы шелковый платок, присланный Джареддином. Лотосы и драконы... Лотосы дурманят неосторожных, принявших пыльцу, а драконы завораживают сладкими речами и губят... Знал ли Джареддин, когда выбирал подарок, что говорит этот платок? Что это, случайность, еще одно послание или предупреждение судьбы?

«Я не верю, что он лгал... – измученно подумал Надир, садясь на постель и утыкаясь лбом в ладони, от которых теперь пахло теми же благовониями, что от платка Джареддина. – Но ведь и правды не говорил. И не у кого спросить совета, никто не решит этого за меня...»

* * *

День пролетел мгновенно. Последний, окрашенный не то сожалением, не то манящим томительным предчувствием дороги. Раэн гнал прочь кисловатый привкус разочарования, прячась за привычный набор из работы, кофе и ожидания. Одно и то же. Как всегда.

Он аккуратно ряд за рядом свивал золотые кольца, вплетая слова заклятий в узорчатый металл, укрепляя драгоценные камни и накладывая завершающие чары. Времени хватило на все, даже с избытком.

Закончив, он навел порядок в доме, оставив лишь то, что нужно для непритязательного ужина и ночлега. Последнего ночлега перед дорогой. Утром, чтобы собраться, хватит нескольких минут...

В дверь постучали. Раэн замер с тарелкой в руках и осторожно потянулся сознанием через толстенную доску. Хмыкнул и поставил тарелку на стол. «Ты и в самом деле этого ждал? – спросил он себя. – Ждал, что он поймет и придет хотя бы попрощаться? Не глупи. Давно пора понять, что люди боятся странного. Ты для него немногим лучше демона, не так ли? И признай, что такой гость гораздо лучше, чем вообще никакого гостя. Вместо того чтобы провести вечер в одиночестве, ты смеешь жаловаться на роскошный подарок судьбы?»

...Освещенная только пламенем очага, комната казалась таинственной и очень уютной. Золотые отблески на стенах перетекали по мере удаления от огня в теплый шоколадный сумрак. Раэн откупорил последнюю бутылку аккамского, подумал, что надо бы

пополнить запасы в Иллае, и улыбнулся. Камаль, в блаженной неге устроившийся среди подушек и одеял, лениво поднял брови.

– Чему смеешься?

– Я целый день мастерил тебе подарок и совершенно про него забыл, – пояснил Раэн.

Не утруждая себя тем, чтобы накинуть одежду, он прошел до стола, где лежала сумка, достал готовый браслет. Вернувшись к Камалю и присев рядом, провел кончиками пальцев по нежной коже от виска до уголка губ, приподнял подбородок юноши и посмотрел в сияющую темную синеву глаз.

– Ты знал, что я приду?!

Едва не мурлыча, Камаль потерся щекой о ладонь Раэна, приподнялся на локте.

– Я надеялся, – улыбаясь, признался Раэн. – Иначе заглянул бы к тебе утром по дороге. А ты пришел сам, и это просто замечательно... Дай мне руку.

– Глаза закрыть?

Камаль, тоже улыбнувшись в ответ, протянул изящную раскрытую ладонь. Раэн разжал над ней кулак, из него выскользнула золотая змейка с пронзительно синими глазами и, будто живая, обвилась вокруг запястья Камалю, сомкнув зубы на кончике хвоста. Восхищенно ахнув, Камаль поднял руку, любуясь переливами света на плетеной золотой чешуе.

– Красота какая! А она волшебная?

– Конечно, – кивнул Раэн. – Браслет зачарован так, что его нельзя ни потерять, ни украсть. И пока змейка на руке, она будет беречь тебя от болезней и укусов змей.

– От несчастливой любви тоже убережет?

Пушистые ресницы томно захлопали, но синие глаза под ними были непривычно серьезными.

– От нее и сами боги не в силах уберечься, сердце мое, – ласково сказал Раэн. – Но поверь, лучше любить безответно, чем вообще никогда не знать любви. Будешь по мне хоть немного скучать?

– Буду, – тихо сказал Камаль, опуская взгляд. – А тебе в самом деле нужно ехать? Так быстро?

– Боюсь, я и так слишком задержался, – вздохнул Раэн и все-таки решился: – Камаль, а ты никогда не думал уехать из Нисталю?

Повидать мир, побывать... да хотя бы в Харузе!

– Шутишь? – несмело улыбнулся нисталец. – Кому я там нужен? Делать ничего не умею, кроме... ну сам понимаешь. А таких, как я, там наверняка больше, чем ковыля в степи.

– Таких, как ты, очень мало, малыш, – возразил ему Раэн. – И я сейчас не про постельные дела. Ремесло можно освоить, а вот такое сердце, как у тебя, это редкость. Подумай хорошенько, Камаль. Если решишься, я приеду и заберу тебя. Помогу устроиться, познакомлю с хорошими людьми... Может, найдешь там настоящее счастье.

– Счастье? А... как же Фарис?

– А что Фарис?

Раэн откинул одеяло, и Камаль с готовностью лег на живот, подставляя обнаженную спину.

– Я знаю, что он меня не полюбит, – тихо сказал Камаль, уткнувшись лбом в сложенные руки. – Но никогда его больше не увидеть... Ему сейчас так плохо! Раэн, вы поссорились? У него глаза несчастные, как у побитой собаки...

– Нет, малыш, мы не ссорились, – вздохнул Раэн, глядя золотистое стройное тело. – Просто Фарису нужно кое-что решить. А это иногда больно. Ничего, с ним все будет хорошо.

– Точно? М-м-м-м... Еще ниже!

– Вот так, да? – улыбнулся Раэн, и его рука скользнула под одеяло.

– Да. Да... Раэн?

– Что, сердце мое?

– Это магия?

– Только не в постели, – возмутился Раэн. – Клянусь! Всего лишь опыт. Хотя ты прав, это такая целительская магия! Анатомия называется.

– Не хочу, чтобы ты... уезжал... – выдохнул Камаль.

– Зимой ночи длинные, малыш, – прошептал Раэн, склоняясь к самому уху нистальца. – А эта будет самой длинной и сладкой. Я хочу, чтобы ты забыл обо всем на свете и помог мне тоже забыть кое-что. Иди ко мне, Камаль...

Он обвил рукой плечи юноши и зарылся лицом в густую шелковистую копну распущенных волос. Вино, забытое рядом с очагом, пахло одуряюще, но не настолько, как кожа Камала. Влажные полураскрытые губы звали непреодолимо. Треснуло полено в очаге,

рассыпая искры, и на обнаженных плечах нистальца заиграли блики. Скинув одеяло, Камаль всем телом потянулся навстречу его объятиям.

«В Бездну все, – подумал Раэн, отдаваясь восхитительному безрассудному удовольствию. – Это моя ночь. Моя и синеглазого чуда, которое знать не знает, с кем ее проводит. А если бы знал? Если бы Камаль знал, что его обнимает не человек, а нечто иное? Он бы испугался? Сбежал? Какая разница! Он никогда не узнает. Наверное, людям проще не знать, не думать... И в Бездну все моральные искания с равновесием Света и Тьмы! Это. Моя. Ночь!»

* * *

Первую ночь после сказки о вороне и соколе Халид позволил себе лишь чуткую дрему на грани яви и сна, не погружаясь в нее настолько глубоко, чтобы не слышать все вокруг. Ночи в степи темные, особенно в новолуние, и на глаза надежды мало, а вот слух и чутье не подведут. Однако ночь прошла спокойно, и следующий день – тоже. А вечером после ужина Мехши назначил его сторожить караван, причем не в свой черед. И когда кто-то из охранников удивился, почему очередь поменялась, буркнул, что это из-за потери Турана с Анваром. Халид молча кивнул и после ужина устроился возле костра спиной к нему, пока все остальные, кроме еще пары таких же сторожей в разных местах каравана, ложились спать.

Огонь прогорел быстро, но угли еще тлели, давая приятное тепло. Халид накинул на плечи одеяло из верблюжьей шерсти и взял порвавшийся недоуздок, который обещал починить. Шило, смоленая дратва, толстая игла... Руки спокойно и умело делали привычную работу, а он с сожалением подумал, что недолгое возвращение в прошлое подходит к концу. Как бы ни обернулось дело, в караванах ему больше не ездить, пожалуй. Во всяком случае, джандаром. Перерос он это, как змея перерастает собственную шкуру и сбрасывает ее, обзаводясь новой. Тот прежний Халид, едва покинувший Пески, отлично годился для бесконечной дороги и редких передышек, а новому этого оказалось... мало?

Одни и те же люди, одни и те же города, которых толком и не увидишь, одни и те же переходы от колодца до родника, от оазиса до оазиса. День за днем, ночь за ночью. Мерная поступь лошади или верблюда, костры на стоянках, каша в котелке, пыль на зубах, на коже,

в волосах и вообще везде. А в городах торопливый отдых с продажными девицами и недорогим вином... И так всю жизнь, пока либо не погибнешь в дороге, либо не скопишь на домик и скромную старость. Еще можно жениться и несколько раз в год заглядывать к жене, с тоской видя, как подрастают без тебя дети, не зная отца, а у нее добавляется морщин и седины. Нет, это не для него. Взвоят он от тоски после нескольких караванных переходов! А вот чего он и правда хотел бы, не случись в его жизни Разна? Неизвестно...

Караван затих, только иногда пофыркивал во сне скот. Потянулись долгие часы ночной стражи, и Халид задумался, не ошибся ли он, рассказав сказку? Что, если стрела улетела впустую? Анвар вполне мог действовать в одиночку! Такая жирная добыча, как дурачок Туран, встречается нечасто. Далеко не в каждую поездку один из охранников отбивается от каравана с немалыми деньгами, которые возит с собой. Может, Анвар вообще сделал это наудачу впервые за несколько лет? Когда там погиб Масул, три года назад? А Халид караулит змею у пустой норы... Или... все же нет?

Неторопливые шаги послышались немного раньше, чем из темноты появилась фигура. Халид не вздрогнул и не вскинулся, все так же размеренно крутя шилом дырки в толстом ремне.

– Ну что, сын пустыни, все спокойно? – спросил Мехши, останавливаясь в паре шагов от него.

– Милостью богов, – бросил Халид.

И чутьем понял, что стрела его вчерашних слов попала все-таки в цель. Что-то неуловимо напряженное было в позе Мехши и его взгляде из-под насупленных густых бровей. Сокол еще немного постоял, а потом, поняв, что Халид не собирается говорить первым, присел на брошенный тюк и негромко уронил:

– Непростую сказку ты рассказал вчера. Неужели и правда от Анвара услышал?

– От Анвара я много чего услышал, Мехши, – усмехнулся Халид. – И не только эту сказку. А что, разве не по нраву пришлась? Или за тезку обидно?

– Чего мне обижаться? – ответил холодной усмешкой Мехши. – Мало ли среди караванщиков Соколов? У каждого караван-даша под началом ходят. Мне другое хочется узнать... Помнится, в ту ночь,

когда Анвар пропал, ты как раз верблюдицу по степи гонял. Может, видел что интересное?

– Может, – равнодушно пожал плечами Халид и, отложив шило, принялся продевать дратву в толстую иглу с трехгранным наконечником. – А что?

– Но к ир-Салаху не пошел, – задумчиво сказал Мехши. – Значит, поберег это до поры? Вот я и пришел спросить, чего ты хочешь, а? Не зря же сказку рассказывал. А еще мне очень интересно, с чего это Анвар с тобой разоткровенничался? Он ведь болтуном только прикидывался, а о чем надо умел помалкивать.

– Я думал, ты спросишь, вернется ли он? – Халид подпустил в голос немного насмешки, и Мехши нахмурился.

– Об этом я и спрашивать не буду, – раздраженно бросил он, пристально вглядываясь в Халида. – А вот о Туране послушал бы... Если тебе есть что сказать.

– А что Туран? – Халид равнодушно пожал плечами, сражаясь с неподатливой кожей. – Он, наверное, уже невесту свою обнимает. Скоро всем караваном будем на свадьбе гулять, если ир-Салах позволит.

– Темнишь, сын пустыни, – тихо и очень зло сказал Мехши. – Туран, значит, уехал невредимым, Анвар не вернется, а ты...

– А я с вами до Салмины только еду, – равнодушно сказал Халид и затащил очередной узелок.

Позади него зафыркал привязанный на ночь конь, а потом опять стало тихо. Ну, насколько тихо может быть возле пары сотен волов и верблюдов, не считая спящих людей. Вон там кто-то простонал во сне, в другой стороне заржала лошадь... Их с Мехши разговор никто не слышит – люди спят под возами поодаль, и если даже кто-то проснулся, ничего не разберет за множеством тихих и не очень звуков каравана. Их и не видно-то, костер уже погас, и ночь укрыла возы мягким черным покрывалом, а тоненький серебряный серпик на небе не может рассеять земной мрак.

– До Салмины, значит... – медленно сказал Мехши. – И ты думаешь вот так вот взять и покинуть караван? Что никто не спросит с тебя за кровь Анвара? Сдается мне, если поехать по нужной дороге, найти его будет легко. А там, может, и Туран расскажет что интересное, а?

– Ну, спроси его, – невольно улыбнулся Халид, вспомнив сказку про джинна. – Ох и смеху будет, когда парень заговорит. Вот только меня там и близко не было, Сокол, в этом тебе Туран от чистого сердца поклянется. Что до Анвара, так его собственное прошлое догнало. Слишком он был уверен, что боги ничего не слышат. А они просто долго терпят иногда.

Он все еще колебался, хотя доказательств было, пожалуй, достаточно. Будь Мехши ни при чем, ему бы прямая дорога к ир-Салаху, а потом кликнуть людей и повязать подозрительного пустынного, чтоб расспросить его о смерти Анвара. Сокол же чего-то ждал, и Халид никак не мог понять – чего.

– До богов далеко, – уронил Мехши, едва разжимая губы. – Хотя Анвар все-таки оказался глупцом, если распустил язык. Но к ир-Салаху тебе идти не с чем, сын пустыни. Кто такой Анвар? Всего лишь один из джандаров! Убил его кто-то – значит, такая у Анвара судьба. Если это не Туран и не ты, так и говорить не о чем. А рассказывать ир-Салаху о воронах и соколах... дурное это дело. Наш почтенный караван-даш сказки только на привалах любит и с явью их не путает.

– Ну, тогда о чем беспокоиться? – снова улыбнулся Халид. – Если я и захочу что-то рассказать ир-Салаху, какая тебе забота? Это же полная глупость – подумать, что без твоего позволения он никак не мог уехать из каравана следом за Тураном. Что не разреши ты ему это – и все сорвалось бы...

– Что с того? – растянул губы в холодной усмешке Мехши. – Он за амулетом поехал, все это слышали. Разве мог я отказать человеку, потерявшему материнское благословение? А если Анвар что-то иное сказал, так солгал. Приведи его сюда, пусть в лицо мне это повторит. Что, не может? Ну и хватит из навоза крепостную стену лепить.

– Твоя правда, Сокол, – согласился Халид и тяжело вздохнул. – Что ж, раз Анвар не под тобой ходил, не тебе ему и наследовать. А наследство он жирное оставил.

Глаза Мехши странно блеснули – Сокол едва уловимо поменял позу, наклонившись вперед.

– Наследство, говоришь? – бросил он с показным равнодушием, вдруг окончательно успокоившись. – И кому же он его оставил? Уж не тебе ли? За какие такие заслуги?

– По старой дружбе, – серьезно сказал Халид, на этот раз пряча усмешку. – А кому еще? Конечно, если бы я точно знал, о каком Соколе Анвар толковал, так поделился бы. Как не почтить волю умирающего? Но других, кроме тебя, не знаю, а ты говоришь...

Он развел руки над почти дошитым недоуздом, и Мехши аж передернуло, но начальник охраны справился с собой и угрюмо бросил:

– Не знаю, о чем ты. До Салмины едешь, значит? Ну и славно. Не люблю в своем караване всяких... сказочников.

Сокол встал и недобро посмотрел на него, а Халид с сожалением подумал, что заигрался. Кинул аркан и почти попал, но в последний момент тяжелая петля соскользнула. А все потому, что Сокол – это не конь и не верблюд, его не арканом ловить надо, а стрелой сбивать!

– Жаль, – уронил он. – Если бы договорились, я бы тебе был полезнее, чем Анвар. Сколько своих же охранников можно в степи потерять? Одного-двух, а потом о караване дурная слава пойдет, и люди задумаются. Не на то вы с Анваром свою жизнь поставили...

– А ты что-то лучше придумал? – тихо спросил Мехши, останавливаясь на середине шага и снова замирая, словно у Халида в руках все-таки оказался натянутый аркан.

– Придумал, – скупой улыбнулся Халид и бросил на невидимый игровой стол свою последнюю ставку. – Охранников, которые не вернутся к сроку, непременно станут искать. Но с ир-Салахом ездят богатые паломники и купцы. И слава о нем идет хорошая, поэтому жрецы в Аккаме меня к нему и пристроили. И если какой-нибудь паломник доберется до места, рассчитается с караванщиком, а пропадет лишь немного погода, кто подумает на караван? Мало ли дурных людей в городе, куда приехал несчастный?

– Опасно... – так же тихо уронил Мехши.

– Не опаснее, чем придумка Анвара, – пожал плечами Халид и растянул в руках сшитый недоуздок, пробуя его на прочность. – Или у тебя в караване еще дюжина человек на свадьбу копит? – подпустил он в голос глумливой усмешки.

– Вернешься из Салмины – поговорим, – разжал губы Мехши, пристально глядя на Халида. – Если и правда хочешь в долю, то приведешь меня к наследству Анвара. Две трети там мои.

– Круто вверх забираешь, Сокол, – укоризненно сказал Халид. – Без меня ты его и вовсе не увидишь. Но я не жадный и готов отдать тебе... одну треть.

– Треть? – поразился Мехши. – Гиены, что делят обглоданный остров, и те щедрее!

– Треть, – повторил Халид. – И только из уважения к тебе.

Мехши помолчал, что-то обдумывая, а потом кивнул:

– Хорошо, я возьму треть. И тогда поговорим об остальном.

– Поговорим, – согласился Халид, встал и протянул Мехши недоуздок. – Подержи-ка.

– Зачем? – удивленно спросил Сокол, невольно взяв ремень.

Халид резко саданул ему ребром ладони под ухо, второй рукой придержал – и аккуратно опустил обмякшее тело на траву, присев рядом с ним.

– Чтобы руки заняты были, – буркнул он, поднимая шило, которым вертел дырки в недоуздке.

Мехши дернулся, приходя в себя, но крикнуть не успел – толстое прочное острие вошло ему в ухо. Сокол тихо захрипел, но Халид зажал ему рот и переждал пару судорог жилистого тела. Поднял голову, прислушался – вокруг по-прежнему была тишина. Подтащив Мехши к высокому, по грудь человеку, колесу арбы, Халид уложил его головой на свернутое одеяло, а вторым укрыл. Лицо мертвеца было совершенно спокойно, как у спящего, только из уха вытекла капелька крови, которую Халид вытер.

Утром, конечно, Мехши постараются разбудить, но если кто-то пройдет мимо ночью, то постарается не шуметь, чтобы не потревожить грозного Сокола. Халид оглянулся на пепелище костра, у которого должен был сторожить до рассвета. Глупо, но оставлять караван без охраны не хотелось, пусть он и был уверен, что никакой опасности нет. Просто напоминали о себе намертво вбитые с детства законы пустыни. Не должен уходить с поста тот, кто бережет покой и жизнь остальных.

«Что ж, вот я их и поберег по-своему, – подумал Халид. – Если верблюд или конь убил человека, его должно зарезать на мясо. Даже покорная скотина, понюхав крови, шалает и становится опасной. Что же говорить о людях? Мехши не пачкал руки сам, но это с его позволения Анвар собирался убить Турана. А может, и кого-нибудь

еще эта пара уже приговорила. Да, на моих руках крови всяко побольше, но... я не знал тех людей. Не делил с ними воду и еду, не укрывался одним одеялом, не дрался спина к спине. Это были... чужие люди! А Мехши с Анваром...»

Он еще раз оглянулся на словно спящего Сокола и брезгливо поморщился. Нет, ошибки быть не может. Мехши отлично знал о делах Анвара, значит, был виновен не меньше. От кровавых денег тоже не отказался... И, кстати, подозрительно легко согласился на меньшую долю. На памяти Халида такое бывало, если кто-то и вовсе не собирался платить. Что может быть проще, чем узнать у чужака, где наследство Анвара, и сыграть с ним по своим правилам. А для того, что предложил Халид, потом найти надежных и послушных людей и обойтись без подозрительного пустынного... Но даже если он не прав, и Мехши ничего такого не таил, он все равно заслужил смерть. И теперь Халида держало в караване последнее дело, с которым непременно нужно разделаться сегодня ночью. Осенью рассветы поздние, несколько часов у него еще есть.

ГЛАВА 19. Невеста

К концу третьего дня Наргис поняла, что вырваться до свадьбы ей не дадут. Служанки не оставляли ее одну ни на минуту, и даже когда она ложилась отдохнуть после обеда, кто-нибудь из них тихонько сидел в спальне, ожидая приказаний, а на деле не спуская с нее глаз. Если бы она могла, то возненавидела бы Джареддина еще сильнее, но что толку? Бесконечные наряды, украшения, благовония... Цветы и сладости, шкатулки и безделушки... Ир-Джантари заваливал ее подарками, предусмотрительно не показываясь сам, и Наргис даже не могла швырнуть ему в лицо что-нибудь из даров. Хорошо бы что-то острое или увесистое!

Но потом она вспоминала о Маруди и крепче сжимала губы, не позволяя себе даже тени неудовольствия перед прислугой. Вымещать зло на служанках недостойно, они не виноваты в грехах своего господина. Напротив, Шадият, Садика и Дари всеми силами старались ей угодить, искренне восхищаясь красотой и воспитанием Наргис и обсуждая между собой, как переменится к лучшему жизнь в доме. Теперь-то, когда господин наконец нашел себе женщину по сердцу!

– Разве у него нет наложниц? – старательно изображая равнодушие, спросила Наргис и приложила к ушам очередные серьги, теперь из топазов с изумрудами. – Это дурной знак, если мужчина в его возрасте обходится без женской ласки.

– Ах, госпожа, не тревожьтесь, – тут же заверила ее Садика, что была поболтливее других. – Наш господин, да благословят его боги, трижды в неделю навещал Дом Удовольствий госпожи Фирулан. А там самые умелые и красивые невольницы в Харузе. Конечно, с вами им красотой не сравниться, – поспешно добавила служанка, – но можете быть спокойны, мужчина он хоть куда, я сама слышала, как охранники об этом говорили. Трех за ночь к себе приглашал... Ой, простите за недозволенные речи!

Она напоказ смутилась и хихикнула, прикрыв лицо ладонью, а Шадият, самая серьезная из служанок, укорила:

– Постыдись таких слов перед нашей невинной госпожой. А вы, светлейшая, не слушайте дурочку. Наш господин Джареддин –

мужчина молодой и сильный, но не из тех, кто только и думает, как женский подол задрать. К этой бесстыднице Фирулан не только ради постельных усад ездит, у нее ведь и бани там, и массаж всякий, и певицы с танцовщицами. Вот знатные господа к ней и заглядывают попить кофе с шербетом, сыграть в кости да поговорить о всяких важных делах, пока смотрят на танцы. Мужчине это не в укор, если на законную жену времени да сил хватает, а уж наш господин души в вас не чает, вон какие подарки шлет.

– Что мне до его подарков... – начала Наргис и спохватилась, понимая, что не стоит вызывать неодобрение в служанках, преданных чародею. – Уже третий день, как я здесь, а он не приходит!

Она добавила в голос капризных ноток, и женщины понимающе зацокали языками, а потом Шадият, понизив голос, сказала:

– Говорят, госпожа моя, во дворце беда, младший сын пресветлого государя заболел. Все лекари да мудрецы стараются ему помочь, но не выходит ни у кого. Если боги будут милостивы, наш светлейший господин Джареддин найдет средство, а тогда государь его полюбит еще сильнее. Не извольте беспокоиться, госпожа, вернется он обязательно! Чего вам трех дней бояться, вы-то ему законная жена, не наложницей он вас взял. Так даже лучше, мы за это время такой праздник приготовим, вся Харуза будет о нем говорить! А уж господин за ожидание вас потом сторицей вознаградит.

И она тоже лукаво улыбнулась, а Садика с Дари снова захихикали. У Наргис дыхание перехватило от возмущения, неужели эти глупые гусыни думают, что она с нетерпением ждет брачной ночи? Да пусть Джареддин хоть и вовсе дома не показывается! Или едет к этой... как ее... Фирулан! Конечно, как дочь визиря она знала, что в таких местах и вправду порой заключаются союзы, плетутся интриги и обсуждаются самые важные тайны, но... Вот Аледдин бы никогда себя подобным не запачкал!

«Тебе об этом ничего не известно, – уколола ее злая мысль. – Тарисса далеко, и если его болезнь не убила мужскую силу, неужели ты думаешь, что он хранит тебе верность? Опомнись, дурочка, это жизнь, а не легенда о Маруте и Джани... И Аледдина ты совсем не знаешь, если хоть на миг поверить в то, что говорит его брат!»

Она уронила серьги в шкатулку и бездумно взяла другие, из темного янтаря в золоте. Камень был холодным, и Наргис сжала его в

ладони, словно капелька прохлады могла остудить пожар в ее душе. Джареддин нарочно выжидает! Пройдет три дня, и даже если она сбежит, то будет опозорена.

«И что тогда? – спросила она себя с неожиданной рассудительностью. – Предположим, обо мне пойдет дурная слава... Но я ведь и не собираюсь выходить замуж! Разве Надир откажет мне в крыше над головой и том, что раньше составляло мою жизнь? Разве он запретит мне читать книги и гулять по саду? Так что изменится в этой самой жизни, если я останусь одинокой? Главное – сбежать, а когда Джареддин уверится в моей покорности, это будет гораздо легче сделать. Впрочем, нет, в покорность он не поверит. Дочь моего отца не позволит накинуть на себя узду за какие-то подарки, пусть и драгоценные. Нужно действовать тоньше, женщина я или нет?»

– Может, вот эти? – Она приложила серьги к ушам и вздохнула: – Ах, не то! Я хочу свои рубины, которые остались дома. Только они пойдут к свадебному красному платью!

– Госпожа, но украшения невесте дарит жених, – жалобно напомнила Дари. – Если вам угодно рубиновые серьги, мы снова позовем ювелира и закажем их!

– И сколько придется ждать? – Наргис надменно сдвинула брови, разыгрывая гнев. – У него все равно не найдется таких рубинов, как в доме моего отца. Те рубины подарил ему сам пресветлый государь, когда матушка родила нас с братом. В ожерелье камень с голубиное яйцо и еще дюжина помельче, но таких чистых, что через них видно солнце! Хочу их! В память о матушке...

Ее голос дрогнул, и в этот момент от двери послышался знакомый голос:

– Если тебе угодно надеть именно те украшения, будет по-твоему, мой изумруд. Позволь, я немедленно пошлю за ними. Женщины, оставьте нас.

Поклонившись, служанки выскользнули из комнаты, а Наргис обернулась от зеркала, в котором отразилась фигура чародея за ее спиной. Джареддин снова был в черной придворной одежде, долгополой, богато расшитой золотыми галунами и янтарными бусинами. Но вместо мягких туфель, которые Наргис привыкла видеть на мудрецах и магах, на нем были сапоги для верховой езды. Значит,

приехал из дворца и даже не переоделся, сразу заглянув к ней... Гордо вскинув голову, Наргис холодно уронила:

– Я пока еще не твоя жена, с какой стати слугам ир-Даудов отдавать тебе мое наследство? У меня есть верный человек, который может их привезти. Ты обещал, что он снова будет при мне.

Синие глаза Джареддина насмешливо глянули на ее брачный браслет, но чародей, похоже, не хотел ссоры и не стал напоминать о фальшивых клятвах у алтаря. Вместо этого он примиряюще улыбнулся и сказал:

– Прости, мой изумруд, я был занят и не успел об этом распорядиться. Ты хочешь послать именно его? Изволь, но подарок пресветлого шаха слишком большая ценность, я дам твоему джандару несколько людей в сопровождение. Ты ведь не против?

– Прекрасная мысль, – согласилась Наргис, и в глазах Джареддина мелькнуло удивление такой покладистостью. – Кстати, мне понадобятся не только рубины. Я могу взять в этот дом свою прежнюю служанку?

– Разве тебе плохо служат? – нахмурился Джареддин. – Если кто-то был непочтителен...

– Ко мне? – Наргис изогнула брови в высокомерном недоумении. – Как бы они посмели? Нет, просто моя Мирна умеет заплетать мне волосы как нужно и смешивать снадобья для лица. И я к ней привыкла! Или для светлейшего ир-Джантари еще одна служанка будет в тягость?

– Как я рад видеть тебя такой, мой изумруд, – усмехнулся Джареддин. – Если роза отрастила колючки, значит, она полна жизни. Забирай хоть всех своих служанок, любовь моя, этот дом не обеднеет. Хочешь послать за ними прямо сейчас?

Получилось! Он принял ее требование за женский каприз, попытку хоть в чем-нибудь настоять на своем. Наргис томно вздохнула, а потом задумчиво сказала:

– Нет, пожалуй... Уже вечер, не стоит им собираться второпях. Пусть приезжают завтра! Но с Маруди я хочу поговорить прямо сейчас, чтобы утром он сразу отправился, не беспокоя меня. Ты позволишь?

– С радостью, любовь моя, – склонил голову придворный чародей. – Сейчас его приведут.

Он подошел к двери и что-то приказал охраннику, почти чернокожему, свирепого вида и такому молчаливому, что Наргис подозревала его в немоте. Но господину тот ответил, что-то почтительно буркнув, и вскоре послышались тяжелые шаги по коридору. Джареддин вернулся в комнату и устало потер лицо ладонями, совсем как отец, когда возвращался из дворца...

— Как здоровье светлейшего шахзаде? — спросила Наргис. — Служанки сказали, что он болен.

Шахзаде Ирулана, названного так в честь великого предка-завоевателя, она часто видела в детстве. Тихий кареглазый мальчик совершенно терялся рядом с шумными братьями, но Солнечного визиря любил и охотно играл с его детьми. Правда, Наргис он дичился, зато с радостью принимал Надира, который знал много сказок и тоже предпочитал игры сложные и негрубые. Даже когда играли в похищение шахской дочери, роль которой неизменно отводилась Наргис, мальчики не спорили, кому быть злым джинном, а кому — шахзаде-спасителем, не били палками розовые кусты, что изображали армию джинна, а участь пленницы предпочитали разыграть в нарды, из-за чего ей частенько приходилось оставаться во власти похитителя. И все-таки с Ируланом было весело, и Надир часто с ним встречался во дворце, когда Наргис вышла из возраста детских игр и стала оставаться дома.

— Увы, болезнь его довольно тяжела, — вздохнул Джареддин. — Говорят о проклятье, вот почему пресветлый государь собрал в покоях шахзаде всех придворных чародеев.

— Но ты здесь, — уточнила Наргис. — Не лучше ли было остаться рядом с больным?

И тут же испугалась, что перестала казаться избалованной девицей, думающей о свадебных нарядах. Но Джареддин покачал головой.

— Боюсь, мое искусство там не поможет, — откровенно сказал он. — Если это и проклятье, то очень сложное, и заниматься им должен первый чародей государя.

— Да помогут шахзаде светлые боги, — искренне отозвалась Наргис, и Джареддин согласно кивнул.

Наргис показалось, что он хотел сказать что-то еще, но тут дверь открылась, и великан-охранник ввел Маруди, растерянного и

виноватого, в измятой одежде с пятнами то ли вина, то ли крови.

– Госпожа! – воскликнул джандар и упал на колени, склонив голову. – Простите!

– Прощаю, – уронила Наргис и покосилась на Джареддина, невозмутимо скрестившего руки на груди. – Маруди, ты здоров? Как о тебе заботились в этом доме, я уже вижу. Даже чистой одежды не дали.

– Я здоров, госпожа! – торопливо заверил ее джандар. – А одежда...

Он запнулся, охранник что-то прогудел на рычащем джайпурском наречии, и Джареддин так же спокойно перевел:

– Он говорит, что этот человек пытался убить охранника и сбежать.

– Не сбежать, а спасти госпожу, – процедил Маруди, исподлобья бросив на чародея взгляд, полный ненависти.

– Достойное желание, – вкрадчиво согласился Джареддин. – Но ты забыл спросить ее саму, хочет ли она спасения.

– Довольно, – вмешалась Наргис, испугавшись, что Маруди сейчас натворит глупостей. – Он же не знал! Я прошу прощения за него и беру эту вину на себя!

– Твое сердце полно доброты и справедливости, мой изумруд, – одними уголками губ улыбнулся Джареддин. – Не беспокойся, у меня нет обыкновения наказывать за верность. Пусть даже это верность не мне. Я возвращаю тебя твоей госпоже, – обратился он к Маруди, который поднял голову и с изумлением посмотрел на чародея, а потом на Наргис. – Выполняй все ее приказы, но помни, что теперь она моя жена, а это мой дом.

– Госпожа, это... правда? – выдавил Маруди. – Вы... дали ему брачную клятву?!

– Еще нет, – сказала Наргис тоном упрямой обиженной девочки. – Но... я вам благодарна, светлейший господин ир-Джантари, – повернулась она к чародею.

Джареддин молча поклонился и опять едва заметно улыбнулся. Кажется, его забавляло то, что он принимал за капризы Наргис, и оставалось только молиться, чтобы это продолжалось как можно дольше.

– Маруди, я хочу, чтобы ты привез мне кое-что из дома, – сказала Наргис. – Завтра утром отправляйся туда и скажи Мирне, чтобы

собрала все мои платья и другие вещи. Их надо сложить в сундуки, пересыпав душистыми травами, и добавить к ним все, что положено мне в приданое. Эта работа не на один день, так что пусть не тратит времени зря. Скажи тетушкам, я очень сожалею, что покинула дом так внезапно и доставила им беспокойство. Пусть готовятся... А когда свадьба? – снова обернулась она к Джареддину.

– Через три дня, мой изумруд, если тебе будет угодно, – откликнулся тот, старательно пряча улыбку.

– Пусть готовятся через три дня прибыть в дом светлейшего ир-Джантари, – повторила Наргис, чувствуя себя отвратительно под изумленным взглядом Маруди. – Ты же... Господин мой, – обратилась она к чародею, – мне нужно объяснить, где и как забрать рубины. Простите, но тайник – это семейный секрет ир-Даудов, и я отвечаю за его сохранность перед моим братом. Не могли бы вы оставить нас ненадолго?

– Как прикажете, госпожа моя, – с нарочитой серьезностью отозвался Джареддин. – Семейные секреты следует беречь, вы правы. Можете поговорить со своим джандаром, но прошу помнить о благоразумии.

Жестом позвав джайпурца, он вышел, а Наргис быстро прижала палец к губам и указала взглядом на дверь. Маруди понятиливо кивнул, мгновенно просияв, а Наргис продолжила прежним высокомерным тоном:

– В моей спальне ты найдешь шкатулку с ключами, один из них открывает комнату, где работал отец. Там на стене шелковая чинская картина с фениксом и тигром, сними ее. Под картиной резная панель, отсчитай третью виноградную кисть слева и дважды нажми ее, а потом сдвинь вниз. Ты увидишь нишу, а в ней множество шкатулок, но возьми всего одну. Она из черного дерева, а на крышке перламутром выложен цветочный венок. Ее легко узнать, больше там похожих нет. И следи, чтобы люди светлейшего ир-Джантари не увидели ни тайник, ни как он открывается.

– Да, госпожа, – поклонился Маруди, стоя на коленях. – Будут еще приказания?

– Ах да, совсем забыла! – Наргис казалось, что она идет по веревке над пропастью. – В комнате моего брата в изголовье кровати

есть сундучок. Он не заперт, и ты его легко откроешь. Найди в нем серебряный амулет и привези вместе с рубинами.

– Из тех амулетов, что вам подарил светлейший господин ир-Дауд? – спокойно уточнил Маруди. – Хорошо, как прикажете.

Он понял! Ничего лишнего не прозвучало в голосе, но глаза блеснули, а потом Маруди медленно опустил ресницы и тут же поднял их, преданно глядя на Наргис.

– И скажи Мирне, чтобы прислала настой для волос из полуночника. Из полуночника, запомнил? – подчеркнула Наргис голосом.

– Да, госпожа, – кивнул Маруди, и Наргис безразлично сказала:

– Тогда жду тебя завтра обратно. Иди и больше не трогай охрану моего будущего мужа. Веди себя прилично, если хочешь остаться у меня на службе.

– Да, госпожа! – выдохнул Маруди, поднялся и, поклонившись, вышел.

Стоило ему переступить порог, и через несколько мгновений, за которые Наргис постаралась успокоить бьющееся сердце, в комнату вернулся Джареддин. Наргис едва сдержала желание отпрыгнуть куда-нибудь за кровать или к окну, но чародей, словно поняв, что пугает ее, остановился у двери и благожелательно поинтересовался:

– Что еще я могу для тебя сделать, изумруд мой? Видишь, я держу слово.

– И я за это весьма благодарна, – сухо ответила Наргис. – Надеюсь, и после свадьбы ты так же будешь помнить о своих обещаниях.

– О, не сомневайся в этом, любовь моя, – вкрадчиво подтвердил Джареддин. – Как же я рад, что ты говоришь о свадьбе.

Он сверкнул глазами, как сытый кот, увидевший птичку и не знающий, стоит ли охотиться на нее.

– А ты думал, я разрешу опорочить свое доброе имя и честь ир-Даудов? – холодно сказала Наргис. – Я, дочь Солнечного визира, позволю обойтись со мной как с девкой, которой можно нацепить брачный браслет в каком-то непонятном храме у неизвестного жреца? Откуда я знаю, может, это бродяга, которого ты подговорил обмануть меня за пару монет! Нет уж, если ты и правда желаешь на мне жениться, пусть это будет настоящая свадьба! С благородными

гостями, которые знали наших отцов, с танцами, жертвоприношением и... всем, что положено! И тебе еще придется объяснить моему дяде и брату, как получилось, что их даже не позвали на свадьбу! Не дай боги, они решат, что мне пришлось торопиться, скрывая позор...

Она позволила голосу немного задрожать, и Джареддин торопливо шагнул к ней, мягко обнял за плечи. Наргис напряглась, но чародей лишь слегка привлек ее к себе и нежно прошептал, склонившись к уху:

– Не беспокойся ни о чем, любовь моя. Обещаю, даже тень сомнения в чистоте не коснется твоего имени. Никаких грязных слухов я не допущу. Всем будет известно, что твой дядя не смог прибыть, потому что исполняет приказ пресветлого государя, а уж с Надиrom я тем более договарюсь. Он, кстати, недавно писал мне, и мы решили вскоре повидаться. Когда ты станешь моей женой, обещаю, я буду ему заботливым братом... Ты еще узнаешь, изумруд мой, что к врагам я безжалостен, однако друзей и родственников берегу всемерно. А уж как я стану беречь тебя, любовь моя...

– Отпусти, – тихо попросила Наргис, не пытаясь вырваться. – Мне... мне стыдно...

Джареддин неохотно выпустил ее из объятий и отступил на шаг. Протянув руку, ласково погладил Наргис по голове, как ребенка, и мурлыкнул:

– Мой целомудр-р-ренный изумр-р-руд... О, как приятно будет растопить медовые соты стыдливости на огне страсти...

Он отошел еще немного, поклонился и вышел, а Наргис без сил присела на кровать, боясь, что сейчас расплачется и все испортит. Но глаза были сухими, только странный озноб охватил ее с головы до ног, и Наргис сплела пальцы на коленях, пытаясь успокоиться. Он поверил! Поверил...

Теперь все зависит от Маруди. И от удачи, разумеется. Боги, спасите шахзаде Ирулана, ведь это его имя и воспоминания о детских играх напомнили Наргис другие игры, в которые она играла с братом и Маруди. Отец был милостив, он позволил маленькому рабу не только служить своим ровесникам и будущим господам, но и веселиться вместе с ними. Отец был мудр, он знал, что великодушные рождает преданность, и Маруди вырастет, зная, кому обязан всем, что у него есть.

А еще Солнечный визирь был щедр и заботлив, он покупал детям чудесные забавы, и одной из них стал сундучок, заказанный им много лет назад у одного придворного чародея, ныне уже покойного. Сундучок для игры в джиннов и пери... Несколько игрушек, напоенных магией, которая начинала работать от капельки крови. Надир, правда, уже тогда крови жутко боялся, а Наргис никто не позволил бы ранить пальчики, но Маруди легко и с гордостью расплачивался парой-тройкой уколов за своих друзей-хозяев... И прекрасно знал, как пользоваться тем, что осталось лежать в сундучке Надира.

Наргис яростно прогнала крошечную подлую мысль, что друг детства и верный джандар может предать. Нет же, зачем ему это?! Он клялся отцу и любит Наргис почти как брат... может, даже больше брата! Еще неизвестно, как поведет себя Надир, узнав, что она опозорила теперь уже его как главу рода. А Маруди обязательно сделает все как надо. Вот только возьмет из их детского сундучка игрушки.

Как известно, джинны и пери умеют становиться невидимыми. Чародей сделал три амулета, отводящих взгляды. Ненадолго, всего на несколько минут, но для игры и этого хватало. Отец тогда взял с них обещание, что дети не станут шутить над слугами, подслушивать чужие разговоры и доставлять хлопоты... Они ни разу не нарушили этого обещания! Вторым свойством амулетов было то, что их тянуло друг к другу – очень удобно, когда нужно найти похищенную и спрятанную в садовых зарослях пери или шахскую дочь!

– Отец, прошу, благослови меня, где бы ты ни был, – прошептала Наргис. – Пусть твоя любовь и забота спасет меня... Ты же знаешь, почему я не могу поступить иначе! Лучше быть опозоренной, но свободной! И я... я должна предупредить Надира и дядю! О, даже если бы я поверила в его слова... Если бы отказалась от любви к Аледдину... Даже тогда не согласилась бы выйти за Джареддина! Что бы он теперь ни обещал, прежних угроз я ему не прощу! С тем, кто просит любви, занеся меч над моими родными, договариваться не стану. Помоги мне, отец...

Она улыбнулась вошедшим служанкам и велела подать кофе с рахат-лукумом. Только не ореховым, как утром, а из розовых лепестков. Что, у них такого нет?! Вот приедет на ее свадьбу тетушка

Навадари, и пусть Садика возьмет у нее рецепт. Госпожа Навадари варит лучший лукум на свете!

Служанки кивали, рассыпались в извинениях и обещаниях и, кажется, были счастливы, что хозяйка пожелала всего лишь лукума, особенно когда она милостиво согласилась на ореховый. А Наргис думала, что еще два дня она потерпит, зато Джареддин окончательно убедится, что она занята только подготовкой к свадьбе и капризами.

...Весь следующий день до обеда она просидела, как на иголках. Продолжала перебирать платья и капризничать, пока не остановилась на наряде алого чинского шелка, похожем на тот, что подарила Иргане, только многослойном, с узким нижним платьем золотой парчи, которая проглядывала в разрезы верхнего. Служанки восхищались, а Наргис разглядывала себя в драгоценное вендийское зеркало, огромное – в полный рост, и бесстрастно думала, что с первым красным платьем она рассталась с легкой горечью, а второе возненавидела бы, если бы душа не застыла, словно онемевшее от холода тело.

А в обед вернулся Маруди, щеголеватый, во всем новом, словно тоже готовился к ее свадьбе. Низко поклонился, поставил на стол глиняную бутылку и тяжелую шкатулку черного дерева с перламутром. Наргис откинула крышку, и служанки, заглянувшие туда, застонали от восторга. Кроваво-алая россыпь огоньков, окаймленных ажурной золотой оправой, просияла с черной подушечки, как тлеющие угли, раздутые порывом ветра.

– Госпожа будет самой нарядной невестой Харузы, – благоговейно прошептала Садика. – И самой прекрасной...

– В этом никто не сомневался и без рубинов, – снова раздался голос Джареддина от двери, и Наргис про себя поморщилась.

Как ему удастся ходить бесшумно, словно огромному коту? Нет, леопарду или даже тигру! И двери его слушаются, хоть бы разок скрипнули, предупреждая. А Джареддин на пару мгновений прикрыл рукой глаза, показывая, что ослеплен, и тут же улыбнулся, любуясь Наргис. Дождался, пока она отведет взгляд в притворном смущении, и лишь тогда глянул в открытую шкатулку.

– И вправду пресветлый государь высоко ценил своего Солнечного визиря, – уронил он, рассматривая ожерелье и пару массивных серег. – Позволишь увидеть тебя в них, любовь моя?

– Конечно, господин мой, – пропела Наргис. – Вот в день свадьбы и увидите! А вам разве не говорили, что нехорошо являться к девице без предупреждения? Может, я не хотела показываться вам в этом платье заранее!

– Прости, мой изумруд, – покался Джареддин. – Но клянусь, как бы оно ни было красиво, в день свадьбы ты будешь прекраснее во сто крат. А это что такое?

Он подцепил из шкатулки небольшой серебряный амулет в виде птички с распростертыми крыльями, и сердце Наргис екнуло. Если она ошиблась, и Джареддин поймет, что это...

– От кого ты собралась прятаться в нашем доме, любовь моя? – удивленно приподнял брови чародей, разглядывая амулет, а потом остро и холодно взглянул на Наргис.

Пару мгновений тишины под этим пронзительным взглядом она пыталась вдохнуть воздух, а потом, все-таки набрав его полной грудью, сама дерзко устоялась на Джареддина и выпалила:

– А разве не от кого? Пока твоя матушка честит меня непотребной девкой, уж прости, что я постараюсь уклониться от встреч с нею! Чем реже она меня увидит, тем нам обоим будет спокойнее!

Синий лед, застывший в глазах чародея, дрогнул, а потом и вовсе растаял. Джареддин изумленно посмотрел на перепуганную Наргис и... улыбнулся. А потом небрежно опустил амулет обратно в шкатулку и мягко сказал:

– Когда она поймет, как я тебя люблю, непременно изменит свое мнение и попросит прощения. А пока... что ж, вреда от этой безделушки не будет.

Наргис перевела дыхание, а Джареддин еще раз окинул взглядом шкатулку и бутылку с травяным отваром, хмыкнул каким-то своим мыслям и вышел.

– Госпожа, можно мне отпуск до завтрашнего дня? – почтительно попросил Маруди.

– Иди, – бросила Наргис. – Шадият, возьми эту бутылку, вечером ополоснешь мне из нее волосы. Настой полуночника – лучшее средство для их густоты.

– Полуночника? – удивилась Шадият. – Никогда не слышала о такой траве!

– Да, полуночника, – повторила Наргис и глянула искоса на джандара. – Очень хорошее средство...

...Что Мирна налила в бутыль вместо настоя выдуманной травы, Наргис понятия не имела. Но для волос это оказалось неплохо, после мытья Шадиат ополоснула их, бережно вытерла шелковым полотенцем для блеска, осторожно расчесала, высушила до конца и заплела в косу. Наргис покорно позволила натереть себя маслом, чтобы кожа была нежнее, переодеть в ночную рубашку и уложить в постель. Немного поворочалась, капризно потребовала горячего молока с медом – она не может заснуть от волнения! Выпила его и велела погасить все свечи, даже крошечную лампу. Ну и что, если ничего не видно?! А ей огонек мешает спать! Прямо-таки глаза режет! Неужели Шадиат ночью собралась вышивать, что не может обойтись без света?

Лампу служанка потушила, но от предложения тоже прилечь наотрез отказалась. Господин строго-настрога велел, чтобы кто-то всегда был к услугам госпожи! Наргис про себя вздохнула, она надеялась, что служанка все-таки уснет. Как бы не убить! Шадиат не виновата, что встала между пленницей и ее свободой. А полночь приближалась. Лежа в постели, Наргис пыталась услышать дыхание Шадиат и определить, уснула ли та, однако ничего не получалось. Служанка мерно посапывала, но поди разбери, задремала или тарашится в темноту.

Еще немного выждав, Наргис приподнялась на постели, и Шадиат тут же встрепенулась:

– Что угодно госпоже?

– Не зажигай свечу, – сонным капризным голосом потребовала Наргис. – Опять потом уснуть не смогу. Открой окно – жарко!

– Что вы, госпожа, осень на дворе, застынете! – попробовала воспротивиться служанка.

– Ну так не на всю же ночь! – фыркнула Наргис. – Пусть немного проветрится, а то сильно натопили.

Шадиат покорно отодвинула занавесь, открыла деревянную ставню, и молодой месяц слабо осветил спальню.

– Поправь мне одеяло, – продолжила капризничать Наргис.

Села на кровати, дождалась, пока женщина наклонится, и, стиснув зубы от стыда и ужаса, ударила ее по голове тяжелой

шкатулкой, что так и стояла у кровати. Шадият без звука осела возле кровати темной грудой.

«Милосердный Свет, пусть она не умрет! – взмолилась Наргис и пощупала на шее женщины жилку. Та билась, и Наргис торопливо связала Шадият поясом от халата, а потом заткнула ей рот платком. Женщина что-то промычала, и Наргис пригрозила ей, шипя, как разъяренная гадюка:

– Молчи, слышишь?! Иначе убью!

Метнулась с кровати и схватила шерстяное платье, отложенное с вечера, самое простое и удобное из тех, что ей принесли. Натянула его поверх рубашки, прихватила пояском, накинула на шею шнурок амулета и торопливо уколола палец острым клювом. Больно! Как будто толстую иглолку нечаянно вогнала! Она и не думала, что Маруди ради их с Надиром развлечения каждый раз терпит такую боль. Палец онемел, зато птичка, напившись крови, потеплела и закачалась на груди Наргис, а потом повернулась куда-то в сторону. Значит, Маруди уже ждет! Нужно торопиться!

Натянув туфли, Наргис распахнула окно и вылезла в сад, умоляя и Свет, и остальных богов об удаче. Вдруг амулет за эти годы стал еще слабее?! Раньше его хватало примерно на полсотни вдохов... Наргис крадась по саду, стараясь идти быстро, но бесшумно. В полумраке огромные кусты и деревья высились темными башнями, закрывая небо, и только птичка упорно поворачивалась клювиком прямо и немного влево, указывая ей путь. Через положенное время амулет будто обвис на шнурке, и Наргис быстро ткнула им в ладонь, едва поморщившись от резкой боли. Пока ей везло, в саду не было охраны, но тропинка вывела во внутренний дворик, а он закончился глухой стеной в три-четыре ее роста. Наргис в отчаянии замерла, но тут же амулет потянуло сильнее, и из-за стены тихий голос позвал:

– Госпожа, вы здесь? Стойте на месте.

Наргис огляделась – боги по-прежнему им благоволили. А может, это отец с матушкой замолвили перед ними словечко за глупую дочь? Но откуда-то сбоку и пока еще издалека послышались голоса, это медленно приближались охранники, то и дело лениво перебрасываясь парой слов. Конечно, они ее не увидят, но... Она опять напоила амулет кровью – и очень вовремя, судя по тому, как он дернулся, а через стену

перелетела веревочная лестница с деревянными перекладинами, упав прямо перед Наргис, и опять послышался голос Маруди:

– Поднимайтесь, госпожа! Быстрее, пока здесь охрана ушла.

Наргис вцепилась в деревяшку, поставила ногу на нижнюю... Подниматься было жутко неудобно! Юбка путалась в ногах, лестница дрожала и качалась, но Наргис упорно лезла наверх, пока не добралась до края стены. Обдирая руки в кровь, забралась на него. Голоса охранников были совсем близко, а лестница невидимой не стала...

Сердце молотило так, что Наргис испугалась лишиться сознания. Неизвестно, что страшнее, разбиться или вернуться к чародею! Она повернувшись, нащупала ногой перекладину...

– Все хорошо, госпожа, – подбодрил ее невидимый Маруди. – Вы справитесь.

Нога сорвалась, и Наргис повисла на руках, бестолково извиваясь и пытаясь нащупать деревяшку, что так и выскальзывала из-под ее туфель. Стиснув зубы, чтобы не закричать от ужаса, она вцепилась в лестницу, заставила себя замереть и медленно найти ногой перекладину. Получилось! Оторвать руки, которые свело судорогой, оказалось еще сложнее, и Наргис напомнила себе, что от ее побега зависит не только ее жизнь, но и Маруди.

Боясь посмотреть вниз, она раз за разом переставляла ноги, спускаясь все ниже, пока сильные руки Маруди не подхватили ее, на миг прижав и тут же поставив на землю. Наргис покачнулась и едва не разрыдалась от облегчения – за пределами дома ир-Джантари даже воздух показался ей слаще.

– Идемте, госпожа, у меня лошади на соседней улице, – озабоченно сказал Маруди, медленно теряя невидимость и снова хватаясь ладонью за амулет. – Как бы погони не было.

Он взял Наргис за руку и повел в сторону темных домов. Она торопливо шла, стараясь не споткнуться о неровную мостовую, пока впереди не показались два лошадиных силуэта, а рядом с ними... Барс! Почуввав ее, пес сорвался с места, в несколько огромных прыжков подбежал и безошибочно ткнулся мордой в невидимую Наргис, едва не сбив ее с ног.

– Тише, Барс, тише! – взмолилась она. – Тише, милый мой!

Теперь понятно, почему Маруди не боялся, что лошадей кто-нибудь сведет. С такой-то охраной. Какой же душой была Наргис, не

поверив Барсу! А ведь ему фальшивый Аледдин сразу не понравился!

Маруди подсадил ее в седло, и Наргис одернула юбку. Та, конечно, все равно задралась, оголив ноги аж до коленей, ну и пусть! Не до прогулок в паланкине, как положено высокородной деве!

– Возвращаемся домой, госпожа? – спросил Маруди, взлетая в седло, и Наргис вздохнула, понимая, что сейчас придется говорить о неприятных и даже страшных вещах.

– Нет, – уронила она. – Нам нельзя домой. Там кто-то служит ир-Джантари, понимаешь?

– Госпожа! – вскинулся Маруди. – С чего вы взяли?! Это я виноват, что он получил ключи от дома, но... такого больше не будет! Накажите как угодно, только не считайте предателем!

– Нет, Маруди, в тебе я уверена, – поспешила успокоить его Наргис. – Но какая-то змея все-таки свила гнездо в нашем доме! Джареддин знал то, что ему знать было не положено! Он читал письма, которые мне присылал его брат! И когда пришел за мной, говорил словами из них, поэтому я и поверила!

– Может, он перехватывал их раньше? – с сомнением проговорил Маруди. – Читал, а потом передавал вам?

Наргис его понимала, джандару отчаянно не хотелось верить, что в дом, который он охранял, заползла ядовитая гадина. Она и сама не знала, как Джареддин мог добраться до этих писем, но теперь вспомнила еще одну мелочь.

– В одном из писем был цветок, – сказала она, трогая коня с места. – Сухой цветок, с которым я обращалась с величайшей бережностью. А недавно он рассыпался, и я... Я думаю, что это письмо кто-то трогал. Этот кто-то не заметил цветок и повредил его, а потом второпях сунул лепестки обратно, решив, что я ничего не пойму. Но я уверена...

Она запнулась, понимая, как это звучит со стороны. Сухим цветам свойственно рассыпаться, ничего удивительного в этом нет. В ее спальню входили только доверенные служанки, шкатулка всегда стояла на своем месте... Но как объяснить Маруди, что она чувствует именно сейчас, вырвавшись из удушливой заботы и ласки придворного чародея? Однажды, убегая от Надира во время игры, она влетела в паутину, растянутую между двух кустов. Это было омерзительное ощущение! Паутина без паука ничем не могла ей повредить, но Наргис

исступленно стряхивала ее и стирала с себя ладонями, пока не убедилась, что на одежде и коже не осталось ни следа.

Вот и сейчас у нее было ощущение, что до этого мига ее обволакивала плотная паутина. Наргис глядела через нее на мир, словно через мутное стекло, не понимая, почему все кажется таким пыльным, гадким, пугающим... А сейчас она будто заново научилась дышать, с наслаждением хватая ртом холодный воздух, пока лошади трусцой шли по пустынным ночным улицам.

Ей хотелось наклониться и прямо с седла запустить пальцы в шерсть бегущего рядом с ее лошадью Барса. Хотелось кричать и плакать, запрокинув голову вверх, и улыбаться звездам, что столпились, как заботливые слуги и няньки, вокруг юного шахзаде-месяца. И Наргис точно знала откуда-то, что вернуться домой равносильно тому, чтобы снова закутаться в этот паутинный кокон, который непременно убьет в ней волю, гордость и саму душу.

— Нет, Маруди, — сказала она вслух. — Домой нельзя. Джареддину достаточно подать жалобу шаху, что от него сбежала законная жена, и я никому не смогу доказать, что выходила замуж за Аледдина, а не за него. Он любимый племянник нашего государя, а я... дочь покойного визиря, который уже не сможет за меня заступиться. Меня вернут мужу, забрав из родного дома силой, если понадобится. Но если я просто исчезну, то выиграю время и смогу найти помощь и защиту.

— И как вы думаете исчезнуть, госпожа? — помолчав, рассудительно спросил Маруди. — Вы знатная девица, которой не так-то легко спрятаться. Кое-какие деньги у меня с собой есть, но надолго их не хватит. Продавать ваши серьги нельзя, по ним легко вас выследить. А когда ир-Джантари поймет, что птица улетела из клетки, он примется искать вас. Времени у нас до утра, вряд ли больше. Однако ночью за городскую стену никого не выпускают. Разве что попробовать подкупить стражу...

— Боюсь, у нас возьмут деньги, но из города не отпустят, — вздохнула Наргис. — А главное, нельзя бежать бесконечно. Заяц, может, и быстрее волка, но в конце концов попадает к нему на обед. Я должна узнать тайну Джареддина, в ней наверняка скрывается оружие против него. И есть место, где можно получить ответы на вопросы. Отведи меня туда, Маруди, а дальше решай сам, останешься со мной или

уедешь из Харузы и попытаешь счастья в другом месте. Джареддин тебя не простит, но если отправишься далеко и надолго...

– Что вы такое говорите, госпожа? – У джандара даже голос от обиды задрожал. – Давно ли считаете меня подлецом? Или, думаете, я забыл великодушие вашей семьи? Куда вас отвезти? И давайте поторопимся, ночные улицы опасны.

– В Пестрый Двор, – сказала Наргис, виновато улыбнувшись и протянув Маруди руку, которую он почтительно поцеловал. – Мне нужно увидеть гадалку Минри.

ГЛАВА 20. Дороги судьбы

Для Рудаза ир-Салаха на ночь посреди кольца повозок ставили небольшой шатер: не дело главному человеку в караване валяться под арбой вместе с остальными. Халид крадучись прошел к этому шатру, прислушался. Внутри было тихо. Возле входа любого, кто решил бы навестить караван-даша незванным, наверняка ждала опасная ловушка, опытные купцы и караванщики подобным не пренебрегают. Самые опытные ставят ловушки не только у входа, но и по всей окружности шатра, но тут уже Халиду пришлось рискнуть.

Он осторожно рассек заднее полотнище кинжалом и неслышной тенью скользнул в шатер, ступая так осторожно, словно босиком прогуливался по песку, полному змей и скорпионов. Замер и прислушался. Ровное дыхание спящего человека ничуть не изменилось, и крошечный язычок пламени в масляной лампе не дрогнул, когда Халид оглядел шатер и мягко, как струя воды, перетек в самое темное место – как раз у входа. Присел там на кошму и тихо поцокал языком. Рудаз ир-Салах еще раз глубоко и медленно вдохнул, а потом ритм его дыхания неуловимо поменялся.

– Не нужно звать на помощь, – негромко попросил Халид. – Я тебе ничего не сделаю, уважаемый. Хватит уже смертей.

– Смертей? – отозвался караван-даш, на лету ловя намек. – И кто умер? Хм... Или мне стоит спросить, кто еще умер?

– Те, кто это заслужил, – отозвался Халид. – А я, уважаемый ир-Салах, пришел рассказать одну историю. Но сначала должен попросить прощения. Помнится, я обещал, что от меня не будет беды и беспокойства. С беспокойством я клятву нарушил, а насчет беды – тебе судить.

– Значит, и правда ты пришел не за моей жизнью? – рассудительно уточнил ир-Салах и заворочался на ложе из верблюжьей кошмы, растянутой на колышках, и нескольких одеял.

– Не за твоей, – покачал головой Халид. – Поверь, я и сам не очень рад, что так получилось. Ну что, выслушаешь мою историю?

– Отчего же не послушать? – невозмутимо откликнулся караван-даш. – Говорят, ночь выпускает на свет потаенные мысли. Ничего, если

я сяду?

– Устраивайся, как удобно, уважаемый, – разрешил Халид и прислушался.

Снаружи было по-прежнему тихо, плотные стенки шатра отсекали звуки в обе стороны, и вряд ли кто-то мог слышать его негромкий разговор с караван-дашем. Ну вот и славно. Приятно все-таки иметь дело с опытным неглупым собеседником. Халид вдруг почувствовал странное стеснение в груди, и мысли, до этого стройные и спокойные, понеслись вскачь, как Пери. Зачем он пришел сюда, к совершенно чужому человеку, которому нет никакого дела, что там случилось восемь лет назад в другом караване? Зачем решил ему все рассказать? И что надеется услышать в ответ? Отпущение грехов, как после исповеди в храме? Глупо...

Он не солгал, когда сказал Анвару, что не хочет оправданий за тот старый позор. Но... что-то внутри все-таки толкало его на откровенность. Может быть, желание очиститься... Наверное, именно так змеи сбрасывают старую шкуру – потому что не могут вывернуться наизнанку, изгоняя из собственного тела накопившуюся грязь.

– Я расскажу тебе не свою историю, – промолвил он, позволяя словам свободно течь и понимая, что это не ложь. – Через меня сейчас говорит один юноша, много лет назад погибший в пустыне. Это его звали Халидом ир-Кайсахом, и восемь лет назад он ушел из своего племени, чтобы стать караванным охранником и повидать мир...

Ир-Салах молчал, но Халид чувствовал его внимание. Караван-даш умел слушать, и это было хорошо. Слово за словом Халид нанизывал историю, которую не мог забыть, но и вспоминать старался как можно реже.

– Это было к закату от оазиса Дай-Гупур, где проходит большой караванный путь на ту сторону Великих песков Ур-Магали. Ты, уважаемый ир-Салах, водил там караваны?

– Нет, – уронил караванщик. – Но слышал про эту дорогу много разного. Говорят, она каждый год оставляет себе несколько человек, а раз в дюжину лет там теряется целый караван.

– Может быть, – согласился Халид. – Дорога через Дай-Гупур – старая дорога, у нее есть собственная душа. Тот юноша очень

гордился, что его взяли в караван, идущий через Дай-Гупур. И очень старался хорошо делать свою работу...

Он прикрыл глаза, и воспоминания нахлынули запахами, звуками, красками и прикосновениями. Бесконечный жар днем и холод ночью, барханы до края мира и дрожащий над ними воздух, ткущий прекрасные и жуткие миражи... Ядовитые твари в песке, от которых даже круг из волосяной веревки не помогал, потому что они подкапывались под нее и вылезали внутри. Змеи, чье насмешливое шипение провожало людей, стоило слезть с верблюда... Соль на коже, темнота в глазах... Ох, дорога на Дай-Гупур не любит слабых. Ничуть не странно, что Масул в конце концов там и остался, а Анвар поменял караван.

— Ему еще не было двадцати, — негромко продолжил Халид, справившись с собственной памятью. — И был он наивен и доверчив, как новорожденный верблюжонок. Верил, что караван — семья, где все друг другу братья, готовые защитить и прийти на помощь. Верил, что клятвы чего-то стоят, а мир справедлив... Дурачок он был, этот ир-Кайсах, но славный. Притом неплохо владел арканом и саблей. Когда на их караван налетели разбойники, он сражался не хуже прочих. Сам знаешь, уважаемый, что взято с бою — то свято. Этому парню случайно достался в драке сам предводитель разбойников. Правда, уже раненый, но кто нанес последний удар, того и добыча, а добыча оказалась богатой — целая горсть золотых перстней и серьга с рубином — такую и высокорожденный носить не постеснялся бы.

...Кроваво-алый рубин на солнце горел изнутри, словно был полон пламени. Шемзи похлопал Халида по плечу и громогласно заявил, что новичкам везет, но за такую удачу надо бы проставиться, как только они доберутся до харчевни. Этакая вещь! Продать — и дом купить можно! А еще же есть золотишко... И Анвар с Масулом, друзья-халисунцы, подхватили шуточные похвалы крепкой руке Халида и его сабле. А сабля, помнится, была совсем простая, ничего даже близкого к Ласточке. Ну какую саблю может купить мальчишка, только недавно ставший джандаром?..

— Когда караван миновал оазис Дай-Гупур, эти четверо уже стали лучшими друзьями, — холодно усмехнулся Халид. — Шемзи, правда, порой глядел как-то странно и даже шутил пару раз некрасиво, не так, как одному мужчине прилично шутить с другим, но... шутки в

караване бывают солеными, не обижаться же на них. А потом однажды их послали узнать, не пересох ли старый колодец, и стоит ли к нему сворачивать или лучше идти прежней дорогой к новому? Поручение заняло весь день, и возвращались эти четверо ночью. Шемзи с Анваром болтали, как обычно, Масул молчал, а молодой ир-Кайсах думал, что в городе продаст пару перстней и пошлет подарки своей семье. Сам, конечно, ни за что не вернется, пока не станет истинным Соколом каравана, а вот подарки станет посылать часто, пусть родные знают, что у него все хорошо и он о них не забыл. И так задумался, что же купить и где найти достойных людей, чтобы передали гостинцы, что очнулся уже связанным и с больной от удара головой. А друзья, которые клялись в верности, сидели рядом на песке и делили его золото.

...За серьгу споров было больше всего. Каждому из троих приглянулась именно она, и Халид, изнывая от бессильной ярости, молился всем богам разом, чтобы эти шакалы перерезали друг друга. Но шакалы отлично знали, что сильны они только стаей. Поэтому серьгу разыграли в кости, и досталась она Масулу. Анвар, особо не расстроившись, перебрал перстни и взял на свою долю те, что поярче, а Шемзи... Шемзи окинул лежащего на песке Халида сальным взглядом и сказал, расстегивая пряжку поясного ремня, чтобы Анвар с Масулом седлали коней, а он немного задержится. Хочет посмотреть, правда ли пустынные парни такие же сладкие, как их девки... Халид ушам своим не поверил, и если раньше его мучило от головной боли, теперь появилась причина куда гнуснее...

Он замолчал, словно захлебнувшись холодным ночным воздухом, не в силах продолжать. Не получалось рассказать ир-Салаху, как это было стыдно и жутко. А ведь Шемзи только и успел, что содрать с него, якобы беспамятного, штаны.

...Ублюдок бормотал похабные слова, и казалось, что они источают вонь, от которой Халид задыхался. А может, это пахло от самого Шемзи? Он влепил Халиду пару пощечин, чтобы привести в чувство, но какое-то глубинное чутье подсказало притворяться до последнего. И Халид терпел, пока его лапали, как девчонку, торопливо хватали за плечи, бока и ноги, переворачивали на спину, чтобы... Его выворачивало от омерзения, но пришлось делать вид, что удар оказался слишком сильным. Повезло – Шемзи не хотел развлекаться с

бесчувственной жертвой и старательно пытался его разбудить. Из его бормотанья Халид понял, что ублюдок давно положил глаз на молодого ладного парня, а теперь уж точно какая разница, все равно добивать потом.

А второй раз ему повезло в том, что руки были связаны впереди. Никто не опасался, что он успеет освободиться, с чего бы? О вкусах Шемзи его дружки просто не подумали. Когда он наклонился к Халиду, чтобы растереть ему уши, Халид изо всех сил врезал ублюдку лбом в нос, а потом метнулся связанными руками к его горлу. Хрип, возня, приглушенный стон... Анвар и Масул спокойно стояли у оседланных коней, ожидая, пока Шемзи натешится, и понятия не имели, что стонет не жертва, а палач...

— Ему повезло, — уронил Халид. — Один из ублюдков решил получше обшарить связанного и наклонился к нему слишком близко. И тогда ир-Кайсах вцепился ему в горло и удавил, а потом сумел перерезать веревку на руках быстрее, чем двое других поняли, что дело неладно. Одного он успел сбить с ног, но второй выхватил саблю. И все, что смог сделать ир-Кайсах, это прыгнуть в седло и ускакать в сторону каравана. А двое оставшихся в живых подобрали убитого и пустились следом.

...Он все-таки добрался до каравана первым, хоть и загнал коня. Вот коня до сих пор жаль, и стыдно перед благородным животным. Халид был уверен, что все еще можно не исправить, но хотя бы пережить. Вот он сейчас расскажет всем, как с ним поступили, и... Нет, про Шемзи он молчал бы даже под пытками! Пусть тот не успел его опозорить, Халида мутило при одной мысли пожаловаться на такое! Нет-нет, хватит и обвинения, что его пытались убить, чтобы ограбить... Сокол каравана выслушал его с каменным лицом и пообещал, что разберется, а спустя час приехали Анвар с Масулом, ведя в поводу третью лошадь с телом Шемзи. И Халид узнал, что он, оказывается, предательски убил своего товарища. Что Шемзи пообещал ему подарок за неприличные забавы, и Халид уступил, а потом решил, что ему дали слишком мало, и затеял ссору... И все слушали это, пока у Халида в горле застряли оправдания, потому что такого он даже представить не мог и не знал, как можно оправдаться в подобном!..

– Потом его связали, конечно, – продолжил Халид, чувствуя, как со скупыми словами уходит тот старый ужас и стыд. – И приговорили к смерти. Анвар с Масулом поклялись Светом и милостью Ариши Хозяина Дорог, и что против этого было слово мальчишки-пустынника, чужака, недавно пришедшего в караван? Конечно, ему никто не поверил. Вот жертва, вот свидетели, а вот и убийца.

Он слышал собственный голос как со стороны, четкий, негромкий, тяжело роняющий слова. Ир-Салах молчал, только дыхание его стало, кажется, тяжелее, и Халид подумал, что надо поторапливаться. Ночь длинна, но не бесконечна.

– И его бы похоронили заживо с телом убитого, как велит караванный закон, но... началась песчаная буря. Караван встал кругом, лошадей и верблюдов положили и укрыли... Да ты и сам знаешь, уважаемый, что нужно делать в бурю. – Халид вздохнул и криво усмехнулся: – Наверное, боги любят смотреть на тех, кому нечего терять. Ему удалось развязаться и вскочить на верблюда, погнав его прямо в бурю. Верблюд от ужаса бежал, пока мог, а буря заносила следы, и найти беглеца не удалось. Я думаю, даже искать никто не стал, решили, что пустыня сама взяла жизнь приговоренного.

...Он чудом не задохнулся, прикинув к верблюжьей спине и замотав лицо платком. Раскаленный воздух обжигал горло даже через ткань, верблюд плакал и тоже задыхался, но бежал и бежал... А потом уже плакал Халид, когда буря закончилась, а верблюд, что спас ему жизнь, рухнул и застонал, как больной ребенок. Ему обожгло изнутри потроха горячим ветром и песком, и все, что Халид смог сделать – это добить беднягу, чтобы избавить от страданий. А потом была долгая дорога.

Вкус песка и соли на потрескавшихся губах, тьма в глазах. Днем он сворачивался под собственным бурнусом, натягивая его на голову, и ждал наступления темноты, задыхаясь от жара. А ночью шел по бесконечным пескам, сжимая в руке нож, и стоило услышать шуршанье – бросал его на звук. Если везло, поднимал пронзенное тело тушканчика или змеи. Торопливо сдирал шкуру, жевал сочащееся кровью мясо, стараясь делать это как можно медленнее, чтобы не вырвало. Сначала все равно выворачивало наизнанку, разумеется, потом измученное тело поняло, что другой пищи и влаги не будет, и принялось сражаться за каждый глоток жизни... Халид быстро

сообразил, что тушканчики слишком увертливы, и обычно брошенный в них нож улетал впустую, потом еще приходилось отыскивать его в песке, всякий раз рискуя потерять. Он распустил зубами свой кушак на несколько полосок и этой веревкой привязал нож к запястью. Но даже так тушканчики были слишком неверной добычей, а вот змеи... Они все никак не могли поверить, что человек охотится на них, и не слишком пугались при его приближении. Вкус и запах змеиной плоти еще долго ему снился...

– Когда умираешь от жажды, солнце кажется черным, – помолчав, уронил Халид. – И смерти уже не боишься, она кажется милосерднее жизни. Остальные страхи тоже уходят, и последнее, что остается до самого конца, это ненависть. Он хорошо научился ненавидеть, тот юноша, только это пустыня ему и оставила.

Он замолчал, переводя дыхание, и караван-даш пошевелился впервые за весь его рассказ. А потом осторожно и тихо сказал:

– Помнится, ты говорил, что он не вышел из пустыни. От кого же тогда ты услышал эту историю, уважаемый?.. Прости, теперь уже и не знаю, как тебя звать.

– Зови меня Зеринге, не ошибешься, – усмехнулся Халид. – Да-да, как змею. Знаешь, их там было очень много... А этот юноша, когда приходил в себя, клял своих врагов и просил у богов кары для них, пока не понял, что даже боги держатся подальше от окрестностей Дай-Гупур. Неудивительно, что его слышали и змеи, и скорпионы, и сам бесконечный песок. А боги... что ж, наверное, они решили, что он исчерпал меру своей удачи, когда выжил в бурю. Кто я такой, чтобы их судить? Ведь удачи на всех смертных не хватает... Да, уважаемый ир-Салах, он не вышел из пустыни. А если бы даже вышел... – Халид помолчал и с трудом сглотнул отчего-то пересохшим горлом. – Если бы он из них вышел, разве это по-прежнему был бы он? Знаешь, уважаемый, только змеи сбрасывают шкуры, чтобы расти дальше, а вот люди... Они так не умеют, зато иногда меняют душу на новую. Какая разница, вышло тело ир-Кайсаха из пустыни или нет? Его душа уж точно осталась там.

– Странны твои слова, уважаемый... Зеринге, – чуть запнулся Рудаз ир-Салах на его прозвище, но все-таки справился с собой. – И все-таки назвать их несправедливыми не могу. Печальная история... Чего же ты хочешь от меня? Чем я могу помочь... если не тому юноше,

то хотя бы памяти о нем? Обелить его имя? Так ведь меня там не было. Разве что ты сам...

– Нет, – холодно и тяжело уронил Халид. – Я ни перед кем и ни о чем свидетельствовать не буду. Но ты должен знать, уважаемый ир-Салах, что если вернуться назад и поехать в Казрум по пастушьей тропе, то непременно наткнешься на тело Анвара-халисунца. Мало ли, вдруг ты захочешь все-таки похоронить эту мразь. Да и лошадь его где-то там же бродит, вот ее точно стоит найти.

– По пастушьей тропе, значит... – вздохнул караван-даш. – Вот оно как... А что же Туран?

– А что Туран? Уже у невесты, наверное, – пожал плечами Халид. – И если он передумает возвращаться к тебе на службу, сделай милость, не уговаривай. Не для него это. Чтобы бегать с волками, теленку мало отрастить крепкие рога и копыта.

– Вот, значит, как... – задумчиво повторил караван-даш. – Но ты говорил не про одну смерть...

– Не про одну, – согласился Халид. – И клянусь тебе душой того самого Халида, что этот человек заслужил свой приговор. Не жалею о нем, когда узнаешь имя. Случается, что тигр носит ошейник и делает вид, что служит человеку, но рано или поздно жажда крови возьмет у него верх над послушанием. А уж если он попробовал кровь на вкус, то тем более уже не остановится. Не жалею ни о нем, ни о хлопотах, которые тебя ждут, уважаемый. Ты слишком долго поворачивался к тигру спиной, и поверь, рано или поздно он бы на эту спину прыгнул.

– Я тебя понял, – тяжело промолвил ир-Салах. – И вправду много беспокойства ты принес в мой караван. Но бедой это не назову. И если все так, как ты говоришь, мне бы тебя поблагодарить, уважаемый Зеринге. Что я могу для этого сделать?

– Не ищи меня, – улыбнулся Халид, чувствуя, как с души у него слетел камень, который не увез бы ни один верблюд ир-Салаха. – Не ищи и забудь. А людям скажи... – Он вдруг вспомнил Турана. – Скажи, что к тебе ночью наведалься джинн, который нес пару грешных душ, и рассказал тебе сказку про дорогу мимо Дай-Гупура. Скажи им, что у песков нет языка, зато неисчислимое множество глаз и ушей. Что иногда боги – да и люди – забывают о справедливости, но пустыня и ее младшая сестра степь ничего не забывают и не прощают. И хорошо бы

это помнить тем, кто преломил хлеб у одного костра и разделил воду из одного бурдюка.

– Ну а если найдутся те, кто помнит эту историю? – осторожно уточнил ир-Салах. – Если прошло всего восемь лет, многие из того каравана еще живы...

– И что с того? – безразлично отозвался Халид. – Не стоит ворошить пески, чтобы поднять наверх старые кости. Что случилось, того не изменить. Просто у караванных костров добавится еще одна сказка, и не самая худшая.

Он выскользнул через разрезанный полог шатра, больше не сказав ни слова. Ир-Салаху есть о чем подумать, но почему-то Халид не сомневался, что в Казруме городским властям не объявят об убийствах в караване и не дадут описание сбежавшего убийцы. Кому в здравом уме придет в голову давать описание джинна?! А уж караванщики лучше многих знают, что в мире есть неведомые силы, у которых на пути вставать опасно. Если джинн совершил справедливость, которая запоздала на восемь лет, значит, у него были более важные дела. Когда смог, тогда и совершил! Утром найдут Мехши без единой раны на теле, и тогда вообще никто ни в чем не усомнится.

Халид глянул на небо, которое еще не начало светлеть, и вздохнул. Пора. Несколько мгновений он еще колебался, а потом подошел к арбе, возле которой ночевали Пери и его собственный конь. Отвязал дорожные сумки, погладил и потрепал по гриве жеребца, которому за несколько недель так и не успел дать имя, ну и не судьба, значит. Хороший конь, просто с Пери ему не равняться. Для Халида, конечно, а так ир-Салах ни монетки не потеряет, получив чистокровного халисунского жеребца за одну из караванных верблюдиц. Еще и выиграет.

Пери фыркнула, будто соглашаясь, и потянулась к нему мордой. Опустилась на колени, и Халид прятнул в седло, усмехнувшись. Он определенно понимал Разна, быть джинном куда веселее, чем караванным охранником, убийцей или просто наемником. Все они связаны по рукам и ногам тем, что ждут от них люди, а джинну никто не указ. Захотел – и обменял коня на верблюдицу! А люди пусть думают, зачем она джинну понадобилась! Эх, надо было добавить ир-Салаху еще одну сказку! Про заколдованную пери, помолвленную с джинном и дюжину лет пробывшую верблюдицей, а потом...

Степь мягко ложилась под копыта, и так же ровно складывались в голове Халида слова забавной истории. Пери разогрелась, разогналась и теперь отмахивала длинные плавные шаги с явным удовольствием. Один всадник – это не тяжелые выюки возить! Халид ее понимал. Конечно, Казрум теперь придется объехать, да и боги с ним. Салмина не так уж далеко, постоянные дворы по дороге еще будут. Может быть, на одном из них он и расскажет пару новых сказок...

* * *

Рассвет оказался ледяным. Ночью тепло постели, согретой любовными утехами, разнежило их с Камалем, но стоило встать – и утренний воздух окатил кожу холодом, словно родниковая вода. Собравшись в путь, нельзя медлить, иначе Раэн и не подумал бы вылезти из-под одеяла до самого обеда, а то и до вечера. И наверняка провел бы это время очень приятно! Но остаться в Нистале надолго он не мог, а что изменят еще несколько часов или даже дней? Только добавят горечи.

Бережно укрыв спящего Камалю, Раэн бесшумно оделся, развел огонь в маленьком очаге и подложил побольше дров, чтобы юный нисталец проснулся в теплой комнате, а потом подхватил заранее собранные вещи и вышел на крыльцо. Солнце уже поднималось над холмами, поторапливая в путь. Подавив искушение вернуться в дом, Раэн оседлал черного как смоль жеребца с белыми чулками и звездочкой на лбу – щедрую награду от рода Керим за спасение маленькой древолазки.

Скакун был на редкость хорош, под стать богатому вельможе, а не бродячему лекарю, но Раэн не смог заставить себя отказаться. Да и заработал он его честно! Сам старейшина Керим, оправившись якобы от удара, а на самом деле от демонической одержимости, изволил навестить его и долго благодарил. Пока он призывал на голову господина целителя всевозможные милости небес, красавца-коня, полностью оседланного и в нарядной нистальской сбруе со множеством бахромы и кисточек, держал под уздцы здоровенный парень, одетый простовато, но в серебряном, как и полагается, поясе. Старейшину он, конечно, не перебивал, но стоило Мадину ир-Кериму утомиться и смолкнуть, застенчиво глянул на Раэна и прогудел:

– Не откажите, почтенный, примите от нашего рода! Дочь вы мою спасли, да и жену, почитай, тоже... Не ровен час, умом повредилась бы. Уж не обижайте нас, возьмите...

– Ну что с вами поделать, уважаемые, – растерянно вздохнул Раэн, глянул на гордо выгнутую лоснящуюся шею вороного, стройные ноги, широкие копыта... – Благослови небо ваш род, – вспомнил он, как положено желать удачи в Степи. – Пусть ваши жены и ваши кобылы будут плодовиты, стада подобны числом летним звездам, а дети и жеребцы резвы и здоровы.

И взял повод из рук довольно заулыбавшегося парня.

Передохнувший ир-Керим обрушил на него новый поток благопожеланий, так что Раэн еле отказался от приглашения погостить в доме старейшины. Нет-нет, и припасов ему в дорогу не нужно, у него, слава Свету и гостеприимным нистальским жителям, все есть! И провожать его не стоит, не надо отрываться от важных дел! До Иллая дорога одна-единственная, притом спокойная... Но если род Керим соизволит оказать ему огромную услугу, то... не оставят ли они себе его кобылу? Ему две лошади совершенно ни к чему, а раз уж его спутником теперь станет великолепный подарок рода Керим... Нет-нет, господин старейшина, ну какие деньги? Чем он заслужил такую обиду? Это ведь тоже от души!

Старейшина махал руками, как ветряная мельница, уговаривая принять плату, но сдался довольно быстро, а глаза его при этом довольно и сыто блеснули – кобылка у Раэна и вправду была хороша, чистых халисунских кровей, ценимых за резвость в далекой дороге. Ну что ж, у завзятых коневодов ей будет привольное житье, куда лучше бесконечных далеких поездок. Потом славные нистальцы наконец ушли, прихватив подаренную лошадь, а Раэн ласково погладил морду вороного, недоверчиво косящего на нового хозяина умным хитрым глазом...

Застоявшийся конь, названный Подарком, с радостью вынес Раэна за пределы долины, едва-едва разогревшись.

Оставив Нисталь позади, чародей придержал поводья и в последний раз оглядел чашу долины. Серебристый иней прикрыл побуревшую траву и голые деревья кокетливой дымкой. Издали Нисталь сверкал на солнце, как щетка горного кварца, пронизанная голубоватыми жилками речушек. Линии вероятности, которые упорно

тянулись к долине пару месяцев назад, исчезли, и это было самым верным знаком, что дела Хранителя завершились. «Красивое место! – снова вздохнул Раэн. – Вот сейчас я уеду, станет еще и спокойным».

Пожав плечами, он тронул поводья, и вышколенный жеребец пошел ровной рысью, рассчитанной на долгую дорогу. Нужно добраться до Иллая, узнать последние новости, пополнить припасы. И снова в путь, раз уж сам выбрал такую судьбу...

Тропа резко свернула. За поворотом, хмурый, как дождливый вечер, обнаружился Фарис ир-Джейхан в седле серого жеребца в яблоках, тоже, конечно, нистальской породы, со звездочкой и в белых чулках. Подъехав поближе, Раэн с интересом осмотрел бывшего подопечного. Круги под глазами. Плотно сжатые губы. Осунувшееся лицо. У седла тщательно упакованный лук и полный колчан стрел, сабля в потертых кожаных ножнах. С другой стороны – мягкий объемный сверток, явно дорожное одеяло. Взгляд куда-то в сторону и вниз. Ну-ну...

– Решил проводить? – поинтересовался Раэн, старательно не замечая снаряжения молодого воина. Тот молча кивнул, по-прежнему не поднимая глаз. – Отличная мысль. Заблудиться здесь, правда, негде, но я так спать хочу, что могу и въехать в какой-нибудь холм.

Фарис, упорно пряча взгляд, чего за ним раньше не водилось, тронул серого и поехал немного впереди. В седле он держался как влитой, а конем правил почти без поводьев, одними коленями. Ну, чего и ожидать от нистальца? Вороной Подарок ревниво косил на серого взглядом, словно упрасывая Раэна прибавить шагу и обогнать нахала, но Раэн пока не поддавался – путь впереди длинный, силы коням еще понадобятся.

В полном молчании они примерно час проехали по извилистой дороге, с которой стараниями Раэна лишь недавно сошел снег. Наконец чародей устал от созерцания опущенных плеч воина и вдоволь насладился причудливыми переживаниями его энергетической оболочки. Судя по ней, в душе Фариса кипела настоящая буря!

– Фар!

Ир-Джейхан обернулся так стремительно, словно от этого зависела его жизнь.

– Я не обиделся. Честное слово.

– Раэн... я...

Усмехнувшись, Раэн поравнялся с придержавшим серого нистальцем.

– Ты ни в чем не виноват. Сам подумай. Ты примчался, чтобы предупредить меня об опасности, попал в лапы демону и ошалевшему от запаха власти и крови юнцу. Ты рискнул жизнью, чтобы помочь мне справиться с ними. Ты сумел простить врага, разрушив планы демона. И ты пришел, чтобы поговорить. Это очень много, Фарис. Гораздо больше, чем я мог ожидать, уж поверь мне.

– Я... испугался, – выдавил ир-Джейхан, медленно и мучительно краснея.

– Даже знаю, чего именно, – согласился Раэн. – Тот, кому ты доверял, оказался непонятным и опасным существом. Да еще использовал тебя в своих целях. Верно? Ты не боялся противостоять демону, не боялся ножа у горла. Ты не трус, Фар. А на то, что ты сразу все поймешь и верно оценишь, я и не рассчитывал. Не на что мне обижаться, малыш, – усмехнулся он, слегка поддразнивая нистальца покровительственным тоном. – Далеко собрался хоть?

– Не знаю. Мне и вправду очень стыдно, Раэн...

Чародей тяжело вздохнул и возвел глаза к пасмурному небу, а потом сообщил:

– Девяносто человек из ста, услышав то, что я тебе рассказал, сбежали бы подальше и постарались забыть, как меня зовут. А еще девять вернулись бы с толпой родичей, чтобы вслед за демоном отправить в преисподнюю и меня тоже. Я-то знаю людей.

– А старейшина Самир? Он не испугался!

– Потому что был очень занят. Сначала он спасал своего сына, потом заботился о его безопасности. После этого прикидывал, как бы ему использовать новые знания, чтобы поудобнее надавить на меня. Когда убедился, что надавить не получится, решил сторговаться и обезопасить сыночка, оказав мне услугу. Когда ему было бояться? А потом старейшина ир-Кицхан окончательно все просчитал, сообразил, что пользы от меня больше, чем вреда, и успокоился. Приятно иметь дело с такими людьми.

Раэн насмешливо улыбнулся.

– Он был у нас дома вчера вечером. Сказал, что у меня все будет хорошо, он позаботится. – Фарис презрительно скривился. – Потом узнал, что я собираюсь в дорогу, и просил кое-что передать. Он

принимает твоё предложение насчёт Аккама. Если напишешь письмо, оставь его у наместника Иллая, и Самир его заберет.

– Я и не сомневался. Ир-Кицхан умен. А что означает – в дорогу, Фарис? Только не морочь мне голову, будто решил проводить меня и вернуться. Здесь разве что слепой ошибется.

– Ну, понимаешь... Не знаю, как объяснить...

Фарис опять отвёл взгляд, замялся, но Раэн терпеливо ждал, и парень продолжил:

– Я говорил с матерью. Она поплакала, но всё поняла. Ничего, родичи её не оставят. Без меня им даже проще будет, спокойнее. А я... – И он выпалил, словно с головой кидаясь в омут: – Я решил уехать.

– Надолго? – мягко спросил Раэн.

Фарис неуверенно пожал плечами.

– Не знаю. Как получится. Я даже не знал, станешь ли ты со мной разговаривать. Только в Нистале мне сейчас не место.

– Пожалуй, – задумчиво отозвался Раэн. – Хочешь поехать со мной?

– Да! – с огромным облегчением выдохнул нисталец. – Если ты не против...

– Я-то не против. Совсем наоборот. Но ведь ты не будешь всю жизнь делить со мной мою дорогу, Фар. Ты-то сам чего хочешь? О чём думаешь?

Ир-Джейхан снова пожал плечами.

– Тоже не знаю. Я из Нисталя никогда не уезжал. Разве что в степь да на торги. Может, в армию пойду или охранником устроюсь куда-нибудь. Ничего ведь толком не умею, кроме как саблей махать да лошадьми заниматься.

– Что ж, поедём пока вместе, а там решишь. Осмотришься, поразмыслишь. Покажу тебе Иллай, а потом, если ничего лучше не найдёшь, поедём дальше. В Салмину.

– Там... тоже Игра? – осторожно поинтересовался Фарис.

– Нет, хвала богам, – улыбнулся Раэн. – Такое счастье, чтоб ему провалиться сквозь тридцать три преисподних на самое дно Бездны, случается очень редко. В Салмине всё гораздо проще – объявилось какое-то чудовище. Люди пропадают. Надо его найти и убить. Никакой Игры. Поедешь со мной?

Ответа, разумеется, не требовалось. Глядя на нистальца, у которого с души свалился не просто камень, а изрядный гранитный валун, Разн усмехнулся. На ходу свесившись с седла, сорвал ветку примороженных ягод куманики и принялся обрывать их, кидая в рот. «Сказать или нет? Или сказать позже? И нужно ли вообще Фарису знать, что окончательно судьба партии между Светом и Тьмой решилась в тот момент, когда он кинулся поджидать меня за поворотом дороги, чтобы поговорить. Когда смог понять. Смог переступить через обиду, страх и недоверие.

Тьме, чтобы объявить мат, нужна была гибель основной фигуры, случайно избранной для игры, и раздор в долине. Она ставила на смерть Фариса. Но Свету для выигрыша понадобился его поступок. Нелепый, нелогичный, отчаянный поступок, основанный на... На чем? На дружбе? На доверии? На благодарности? Да какая разница! Все равно ставка с обеих сторон была на Фариса. А я – так... То ли ходячий свод правил, что все равно никто не собирается соблюдать, то ли тряпка, которой стирают пыль с доски.

Ну и плевать. Главное, что он жив и готов искать свой путь. Что еще требуется от человека? Но это гораздо больше, чем требуется от меня, не так ли? Ведь я всего лишь хранитель. Хранитель Равновесия между Игроками. И пока есть хоть маленькая зыбкая надежда, что мое присутствие не даст этому миру окончательно развалиться на части, до тех пор родник под старым деревом с красной корой подождет звука моих шагов...»

– Эй, Фар! Спорим, что я тебя обгоню?

И, не дожидаясь ответа, коня в галоп. И ветер, ветер в лицо, чтобы высохла, не успев пролиться, глупая пелена в глазах. И если слезы, то это всего лишь ветер. Ветер! Ветер... И звон подков по каменистой дороге. Бесконечной, безнадежно пыльной, извилистой дороге...

ГЛОССАРИЙ

Семья ир-Дауд и их близкие, домочадцы, слуги

Бехрам ир-Дауд – глава рода ир-Дауд, Солнечный визирь при дворе шаха, умер от черной горячки, Сарина – его жена и мать его детей

Ансар ир-Дауд, его младший брат, бывший военачальник, а теперь наиб (наместник) области Гюльнарид

Надир ир-Дауд, старший сын Бехрама, наследник рода ир-Дауд

Наргис ир-Дауд, его сестра-близнец, прозванная Черной Невестой

Арчил – младший сын Бехрама, умер от черной лихорадки вместе с родителями

Хазрет ир-Нами – джандар (телохранитель и начальник охраны) наиба Ансара ир-Дауда

Мирна и Иргана – служанки Наргис, позже Мирна в замужестве сменила имя на Аллариль ир-Хасим

Джади – новая служанка в доме ир-Даудов

Амран ир-Галейзи – домашний волшебник ир-Даудов

Лао Шэ – чинский мудрец, гость Амрана ир-Галейзи

Маруди ир-Бехназ – джандар дома ир-Даудов

Шевари и Навадари – «тетушки»-приживалки в доме ир-Даудов

Тарман, Шемси, Мариф, Хатур и Хамур – солдаты в отряде наиба

Благодатнейший Кадир ир-Шамси – верховный жрец-предстоятель шахства, живет в Аккаме

Ирулан – шахзаде, младший сын шаха

Жители и уроженцы Харузы

Гюльбешекер ир-Фазули – содержательница купален

Фирулан – содержательница богатейшего Дома удовольствий

Ир-Халиас – хозяин книжной лавки

Лейлин и Сарина – сплетницы в бане

Минри Горная Вишня – чинская фея, гадалка в Пестром Дворе Харузы

Марей – фокусница, притворяющаяся мальчиком

Имран – брат Марей

Джеди – якобы сестра Марей, на самом деле – дочь гадалки Минри

Серый Лис – чинский девятихвостый лис-оборотень, глава семьи оборотней в Харузе

Рифас ир-Кадыян – горшечник с улицы Черных волов, человек Ночной семьи

Нехмет ир-Базуфи – голос ночного шаха

Марсуф – хозяин гостиницы «Черный лев»

Халид ир-Кайсах – наемный убийца по прозвищу Зеринге, подкидыш, выросший в пустынном племени кочевников

ШаDIR-Ла – первая женщина Халида

Идрис ир-Аримсе – житель Тариссы, погибший на помолвке своего брата

Семья ир-Джантари

Шамси ир-Джантари, Лунный визирь, ныне покойный

Лейлин ир-Джантари, его вдова, младшая сестра шаха, мать Аледдина и Джареддина

Аледдин ир-Джантари – первый жених Наргис, сын Лунного визиря и шахской сестры, жил в Харузе, сейчас управитель города Тарисса

Джареддин ир-Джантари – его брат-близнец, придворный маг

Шадият, Садика и Дари – служанки в доме ир-Джантари

Шариф ир-Гамалейди – жених Наргис, растоптан собственным конем

Имран ир-Альмах – жених Наргис, порезался ножом и умер от заражения крови

Динар ир-Малис – жених Наргис, умер от укуса степной гадюки

Кейрани ир-Маджар – жених Наргис, умер во сне от разрыва сердца

Надир ир-Лейлах – жених Наргис, умер, подавившись вишневой косточкой

Хатам ир-Мансур – капитан городской стражи Харузы

Малхат Рыжий – мастер-оружейник

Рудас ир-Хаби – покойный ювелир, лежащий на старом харузском кладбище

Марут и Джани – герои легенды о верных влюбленных, жившие в Гюльнар-ид и погибшие из-за своей любви, по легенде на их могиле пробился источник, поток воды из которого приносит испившему верную любовь

Жители Нисталя:

Самир ир-Кицхан – старейшина рода Кицхан

Сейлем ир-Кицхан – его сын, Салих – племянник

Лалина ир-Кицхан – его племянница

Мадин ир-Керим – старейшина рода Керим

Камаль ир-Фейси – нистальский мальчик для развлечений

Рамиль ир-Фейси – его троюродный брат

Идрис ир-Хаман – трактирщик

Кадис ир-Хаман, его внук, пациент Раэна

Малик ир-Саттах, жених Лалины ир-Кицхан, погибший у Девичьего родника

Касим ир-Саттах – брат Малика

Фарис ир-Джейхан – самый лихой парень долины

Фарид ир-Джейхан – его дядя, глава рода Джейхан

Нафаль ир-Джейхан – его дядя, лекарь и травник

Зарина и Дарина – сестры Фариса

Хамид – младший брат Фариса

Садият – мать Фариса, вдова

Дархан, Меджид, Асур – друзья Фариса

Хромой Батай – кузнец

Рудаз ир-Салах – караван-даш

Сокол Мехши – командир охранников каравана

Туран, Арпан, Имран – охранники

Кайши – невеста Турана

Анвар, Шемзи и Масул – охранники, когда-то ездившие с Халидом в караване ир-Сули

Дариша Воитель – бог войны, покровитель всех, кто владеет оружием

Ариша Хозяин Дорог – бог и покровитель путников
Давагани Мрачная – богиня убийц

Города:

Харуза – столица шахства, Мать городов, Хозяйка тысячи дворцов
и одного базара

Шайпур – портовый островной город, рассадник пиратства и
контрабанды, поставщик наемников

Джайпур – торговый город на материке

Халисун – город, славится особенной породой золотисто-рыжих
лошадей и пушистыми коврами

Коруна и Офира – славятся благовониями, товарами для красоты и
тканями

Аккам – храмовый город Света

Казрум – город между Аккамом и Салминой

Тарисса – портовый город на пересечении караванных путей,
Голубая Жемчужина

Ушад – родина знаменитого предсказателя, известного как
Ушадский Звездочет

Аруса – в битве при ней шах лишился ноги по колено

Иршаад – славится дорогим кофе изумительного вкуса

Ханулия – славится виноградом

Гюльнара – главный город области Гюльнарид, славится
гранатами и источником Марута и Джани

Иллай – областной город неподалеку от Нисталя

Салмина – храмовый город, посвященный богине Младшей
Сестре

Нисталь – долина на границе со Степью

Ур-Магали – пустыня

Дай-Гупур – крупный оазис, места вокруг которого считаются
гиблыми для караванов

Термины:

Джандар – личный телохранитель или начальник охраны, иногда
просто охранник

Наиб – наместник области

Базаргин – управляющий базаром

зеринге — ядовитая змея-песчанка (вообще-то, существует настоящая змея под названием зеринге, и она не ядовита, но очень уж автору понравилось слово, и он оклеветал бедную невинную змейку)

Караван-даш — предводитель каравана

Сокол каравана — опытный охранник, пользующийся уважением, также титул главного охранника каравана

ашара' — отверженный, в Нистале осужденный на казнь преступник, которого кто-то пощадил и забрал себе, полностью лишен любых прав и надежды на помилование